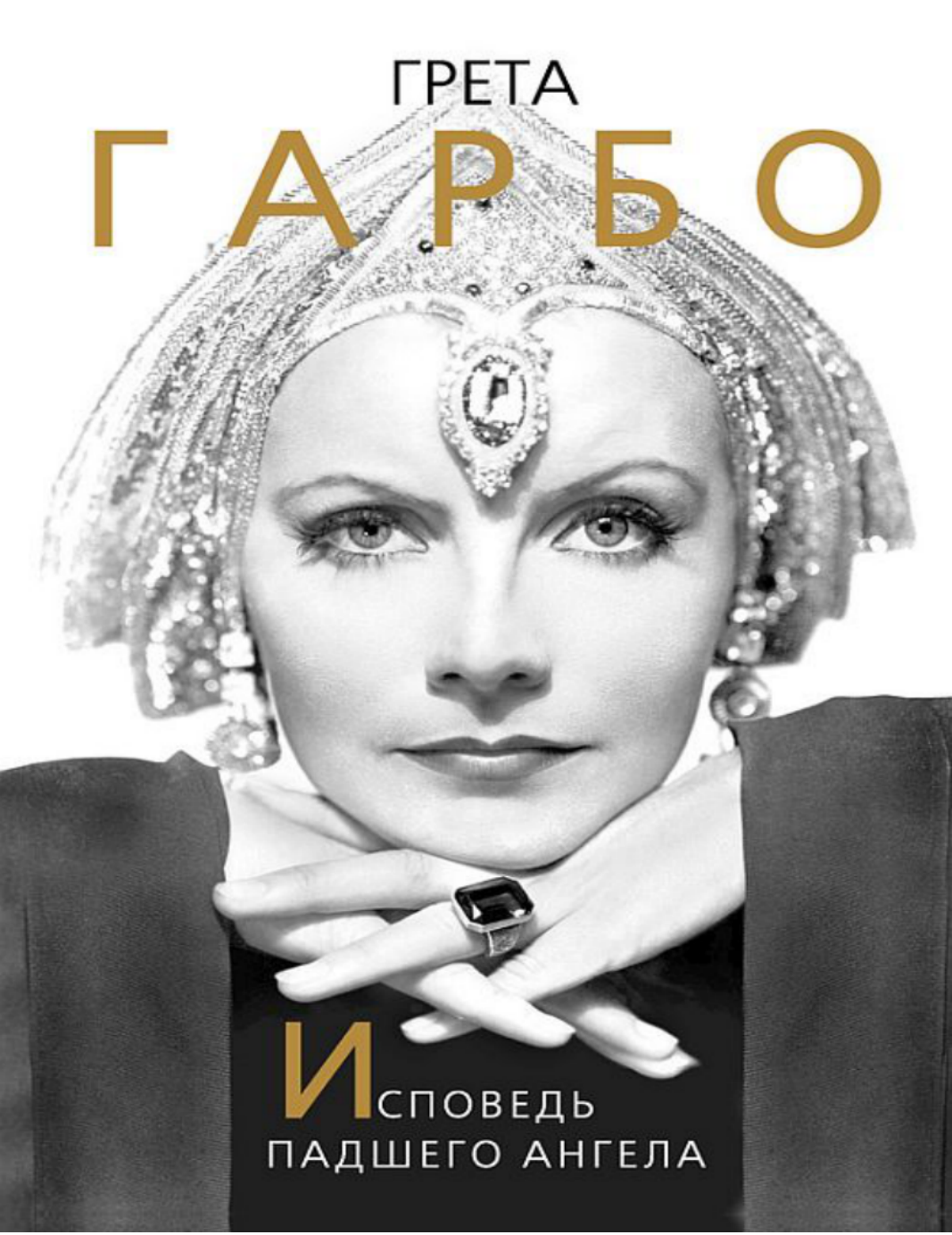
ГРЕТА

ГАРБО



Исповедь падшего ангела

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Грета Гарбо – одна из самых романтических и самых загадочных фигур в мировом кинематографе. Гарбо была необыкновенно красива: пропорции ее лица соответствовали пропорциям лиц античных статуй, а пропорции тела – образцу античной красоты Венеры Милосской. Эта северная женщина с классическими чертами лица, стала символом той женственности, которую мужчинам не дано постичь.

Гарбо никогда не давала интервью, не подписывала автографы, не присутствовала на премьерах своих фильмов и не отвечала на письма поклонников. Полвека она одиноко прожила в Нью-Йорке, избегая репортеров и выходя на улицу в темных очках, закрывающих лицо. Великая актриса так и осталась «таинственной Гарбо». И только немногим авторам удалось рассказать всё о её многочисленных любовных связях. Эта книга-сенсация о личной жизни звезды Мирового кинематографа XX столетия.

- Софья Бенуа
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

○ Глава 23
○ Фото

Софья Бенуа
Грета Гарбо. Исповедь падшего ангела

Глава 1
«Случай гарбо – это случай рождения звезды на пленке»

Известный английский критик Александр Уолкер в 1980 году написал: «В Голливуде были, есть и будут только две великих «звезды» – Грета Гарбо и Чарли Чаплин. А другие, на первый взгляд не менее знаменитые и талантливые, были лишь подданными в свите этих некоронованных королей экрана».

Взлет великой голливудской актрисы Греты Гарбо начался после того, как в 1923 году она попала под крыло к Морицу Стиллеру – еврейскому режиссеру, выходцу из России, который к тому времени в Швеции уже снял более сорока картин. Чтобы приобрести известность и выбиться на первый план, Стиллер задумал грамотный ход, ловко используемый всеми пионерами кино, – найти подходящий объект и сделать из него «звезду». Эта традиция в великом искусстве кино жива и по сей день.

В момент их знакомства Грете исполнилось восемнадцать лет, она была студенткой школы драматургического искусства, неуклюжей и неуверенной в своих силах. Этот «еврей в желтой меховой шубе» не только нашел необыкновенно красивую девушку, но, дав ей сценическое имя, превратил в звезду мирового масштаба. «Годы учебы в Стокгольмской школе драматического искусства были самыми счастливыми в моей жизни, – откровенно признается Грета, к тому времени уже давно ставшая великой и признанной во всем мире актрисой. – Нас, по крайней мере, обучили правильной артикуляции, а сейчас даже трудно понять, что говорят актеры. Однако побеждать свой страх перед зрителем я так и не научилась. Я всегда была застенчивой, слишком скрытной, чтобы заставить себя предстать перед толпой зрителей. Да и в павильоне присутствие посторонних людей мешало мне сконцентрироваться».

Первые успехи в совместном творчестве были более чем скромны. Всего за 160 фунтов стерлингов Грета Гарбо сыграла ведущую роль в фильме «Сага о Йосте Берлинге» (по мотивам замечательного романа Сельмы Лагерлеф, ставшей впоследствии лауреатом Нобелевской премии). Фильм вышел на экраны в 1924 году. Вспоминая тот период, много позже Грета Гарбо скажет: «Наша семья была очень бедной. Как же я ликовала, когда на гонорар от фильма «Сага о Йосте Берлинге» смогла купить матери браслет и кольцо. Кстати, мои длинные ресницы я унаследовала

от нее».

Следующий фильм «Die freudlose Gasse» («Безрадостный переулок», снятый С.Б. Пабстом) привлек к себе уже большее внимание зрителей и критиков – потому что «именно в этой картине, мрачном этюде послевоенного общества, чувственность Гарбо впервые нашла свое воплощение на целлулоидной пленке».

Решив сниматься у немецкого режиссера Пабста, Гарбо и Стиллер, пребывавшие к тому времени в Константинополе, отправились в Стокгольм, а по пути сделали остановку в Германии. Тогда же некий Луис Б. Майер успел посмотреть «Сагу о Йосте Берлинге» и пригласил Гарбо и ее продюсера Стиллера в Голливуд. Парочка была на седьмом небе от счастья: наконец-то ожидаемый успех, деньги, слава…

Таким образом, в 1925 году, пребывая в самых радостных предчувствиях, пара отплыла в Америку. Но разочарование не заставило себя ждать; пресса была равнодушна к девчонке. Ее внешность и талант никого не заинтересовали. Разве что репортер «МГМ» написал несколько лестных строк. А через некоторое время пришел Его величество Счастливый случай. Снимки с фотосессии помогли Грете Гарбо пробиться на страницы нью-йоркской «Вэнити Фэар», и Луис Майер, пригласивший актрису, был вынужден отреагировать. Гарбо вызвали в Голливуд и оказали прием, подобающий настоящей звезде. История киноиндустрии свидетельствует, что Стиллеру повезло меньше, чем его подопечной: он был одним из тех, кого переманил к себе Голливуд, но которым так и не нашлось места на фабрике грез. Стиллер снял там два фильма для студии «Парамаунт»; другие его работы, так и оставшиеся практически никому не известными, были сделаны с участием других режиссеров. Вскоре он возвратился в Швецию, где и умер в 1928 году.

* * *

Нам охотно повторяют: когда Гарбо приехала в Голливуд и были сделаны ее первые фотопробы, их результаты потрясли многих киношников. Пропорции ее лица – высота лба равнялась расстоянию между глазами, а также между подбородком и кончиком носа – соответствовали пропорциям лиц античных статуй, а пропорции тела – образцу античной красоты Венеры Милосской. Правда, другие ее поклонники утверждали, что своими широкими плечами, узкими бедрами и длинными ногами Гарбо, скорее, похожа на античного мальчика.

К тому же, как оказалось, Гарбо была великолепной драматической актрисой. Холодноватая, немногословная женщина полностью преображалась, как только входила в роль. Говорят, она играла по наитию, пренебрегая правилами актерской школы. «Гарбо была интуитивной актрисой, – говорил хорошо знавший ее постановщик Р. Мамулян. – С ее интуицией она легко демонстрировала самые разные эмоциональные состояния. Не требовалось говорить ей: «Посмотрите сюда, взгляните туда». Нужно было только сказать, какую эмоцию она должна показать в этой сцене. «Я поняла», – отвечала Гарбо, внимательно выслушав. И она действительно все понимала, потому что ее лицо сразу обретало нужное выражение. С ним согласовывалось и движение тела. Гарбо обладала двумя воистину неоценимыми для кино качествами – фотогеничностью и интуицией. В этом она была абсолютно уникальна».

Конечно же, не всем красивым и талантливым актрисам удавалось и удается пробиться в кино. Для этого необходим особый пропуск – фотогеничность. Вернее киногеничность. У Гарбо дара природы было с лихвой. Знаменитый голливудский режиссер Билли Уайлдер писал: «Чудо Гарбо – это чудо целлулоида. На пленке ее лицо полностью преображалось, становясь ликом звезды, на котором зритель пытается прочесть все тайны женской души. Эмульсионный слой пленки невероятным образом сообщает плоскому изображению глубину и таинственность. Случай Гарбо – это случай рождения звезды на пленке». Нельзя нам забывать и такой нюанс: то была пленка немого, черно-белого кино! – из времени самых выразительных лиц и неподдельных эмоций.

Но если вы думаете, что слава пришла к ней с первых секунд появления на голливудской кинопленке, то будете не правы. Роль в первой американской картине «Поток» (1926 г.) Грете удалось получить благодаря болезни другой актрисы. При этом отзывы критики оказались далекими от тех, что полагались восходящей звезде. И даже ее необычная красота не впечатлила газетчиков! «Мисс Гарбо отнюдь не обладает совершенной красотой, но она потрясающая актриса». И то ладно…

Ее следующий фильм «Искусительница» превратил юную актрису в бесценное приобретение для студии. Ибо явственно открылся удивительный дар Гарбо без видимых усилий воплощать на экране любовное томление (что, впрочем, делало всех ее партнеров в кадре ужасно скованными; не оттого ли фильмы тех лет кажутся нам столь наивными?).

Перевоплощение звезды положило начало знаменитому романтическому сотрудничеству между Гретой Гарбо и Джоном

Гилбертом, начатому с картины «Плоть и дьявол» (1927 год) и продолжавшемуся до тех пор, как немые фильмы обрели звук. Из всех фильмов с участием Гарбо и Гилберта не сохранился лишь один – «Божественная женщина» (1928 год).

Звуковое кино, давшее шанс одним, нещадно вычищало из своих рядов других, зачастую уже заслуживших любовь зрителей. Но зрительская любовь так коротка… Грете Гарбо повезло. Зрителей буквально завораживал ее глубокий грудной скандинавский голос. В то время она еще говорила по-английски не совсем правильно, с сильным шведским акцентом, но даже ошибки в ее произношении умиляли многих.

Самое удивительное, что Грета в жизни и Грета на экране – пусть не разительно, но все же отличались. В обыденной жизни актриса была несколько ширококостной, с крупным носом и мальчишеской походкой, но камера превращала ее в обворожительно-утонченное создание. Так что прав был режиссер Билли Уайлдер, сказавший: «Чудо Гарбо – это чудо целлулоида».

Гарбо не вписывалась в давно принятые кинематографом рамки, она была единственной и неповторимой.

Современница актрисы поэтесса Айрис Гри оставила нам необыкновенное сравнение: когда Гарбо смежает веки, ее длинные ресницы цепляются друг за дружку, а когда она снова открывает глаза, слышится шуршание, словно бабочка взмахивает крыльями. Очень поэтично, но и очень чувственно. Забегая вперед, следует сказать, что актриса вызывала бурные чувства не только у мужчин…

По словам Кеннета Тайнея, влюбленного в кинематографический образ звезды, «то, что вы видите в других женщинах будучи пьяным, в Гарбо вы видите трезвым».

Всех, без исключения, трогало то, что она демонстрировала на экране; «Она могла откидывать назад голову едва ли не под прямым углом к позвоночнику и целовать жадно мужчину, взяв его лицо в ладони так, что казалось, она пьет с его губ некий напиток». Такого жеста ожидали все ее поклонники – и мужчины, и женщины, бывавшие в объятиях темпераментной звезды.

Существовало и другое качество, которое превращало Гарбо в первую среди всех прочих актрис, – ее удивительная загадочность и непохожесть на остальных. Сфинкс – вот образ, который чаще всего всплывал в многочисленных статьях о ней. И это устойчивое сравнение справедливо делает Грету Гарбо великой загадкой, а по сути – просто бессмертной.

Глава 2
Макс Гумпель и Мориц Стиллер – два первых…

Будущая звезда родилась 15 сентября 1905 года под именем Греты Густафсон в бедной шведской семье. Ее предки были крестьянами, а родители, став горожанами в первом поколении, не имели постоянной работы и чаще всего перебивались случайными заработками.

В 1919 году отец девочки серьезно заболел, и семья, понятное дело, вскоре осталась без гроша. Мать, старшая сестра и брат начали ходить на заработки. Тогда как Грета вынуждена была сидеть с тяжелобольным отцом. Позднее она расскажет, что одна клиника из благотворительности раз в неделю делала отцу процедуры, облегчая его страдания. Сидя у постели умирающего отца, девочка решила, что сделает все, чтобы стать богатой. Так нужда и болезнь зародили в ее сердечке мечту…

«Я росла странным ребенком, – однажды признается она. – Почти не спала, ночами бродила по дому. Вытянувшись буквально за год, я была выше всех моих одноклассников, но была очень слабой, часто болела, страдала от жестокой анемии… С детства я была неуверенна в себе, жила на свете с предчувствием, что вот-вот разразится какое-то несчастье. Впервые оно появилось у постели умирающего отца. Мне было тогда 15 лет. Потом умерла моя сестра Альва. Она была красивее и талантливее меня, а умерла совсем молодой в возрасте 24 лет от рака лимфатических сосудов».

Формальное образование Греты закончилось вместе с начавшейся болезнью отца; но после его смерти в школу она уже не вернулась.

С этого момента и началось ее вхождение во взрослую жизнь. Поскольку ее рост был 168 см, то она выглядела как взрослая девушка. А посему на семейном совете было решено, что Грета должна найти работу и приносить доход. Первым местом, куда она устроилась, была парикмахерская, немногим позже – шляпный отдел крупнейшего универмага Стокгольма. Однажды, когда в магазин поступила новая партия модных дамских шляп, симпатичной девушке предложили их порекламировать. Снимки получились столь удачными, что вскоре Грету Густафсон начали снимать в рекламном фильме.

Вместе с ней в съемках участвовал и племянник богатого

промышленника Макса Гумпеля; дядюшка как-то заехал в павильон и впервые увидел хрупкую девчонку, захватившую его воображение. Ему ничего не стоило соблазнить бедную простушку. Вскоре завязалась любовная связь, благодаря которой Грета почувствовала вкус к роскоши и подаркам. Она еще более страстно захотела выбиться в люди, стать богатой и тем самым – независимой от многих жизненных потрясений.

Однако богатый шведский аристократ Макс Гумпель не собирался жениться, ведь девушка с рабочей окраины была ему не парой. О мучениях этого юного создания можно лишь догадываться; история всех Золушек, нашедших и не получивших своего принца, одинакова во всех странах мира…

Гумпель стал первым мужчиной в жизни Гарбо. Он же показал ей, как настоящие мужчины ценят своих любовниц. Подаренное им золотое кольцо с бриллиантами она больше никогда не снимет и будет носить его даже в Голливуде, будучи богатой и знаменитой.

Грета Густафсон отрицала бедность, всеми силами она стремилась наверх, в высшее общество, и единственный путь туда лежал через искусство и, само собой, постель…

* * *

Режиссер Мориц Стиллер стал вторым мужчиной, сыгравшим свою немаловажную роль в жизни Греты. Речь о нем уже шла в предыдущей главе. И все же стоит уточнить: когда они познакомились, Грете исполнилось 17 лет, Стиллеру – 40. К тому времени он успел снять десятки фильмов и был известен как один из талантливых режиссеров Европы.

Вездесущая молва утверждала, что Стиллер относился к женщинам с прохладцей, предпочитая им юношей. Однако его встреча с Гретой Густафсон явилась для него спасительной отдушиной от сплетен: они стали неразлучны, к тому же эта худышка телосложением напоминала юнца, да и ходила она, по свидетельству друзей, по-мальчишески размашистой походкой. Впоследствии Грета расскажет о некоторых нюансах в их отношениях: «Моша был очень добр ко мне. Помню, как он восхищался моими ногами. «Вы только посмотрите на ее лодыжки! Вместе с каблуком они образуют чудесную линию», – говорил он».

Стиллер стал обучать партнершу многим вещам. Надо полагать, что и ее безрассудства в сексе – спать то с мужчинами, то с женщинами – идут именно от этой связи с бисексуалом. Ее

система координат в любовной сфере была разрушена самым нещадным образом. Беспорядочный секс, мишура и корыстолюбие стали отныне сопровождать ее актерский талант. Впрочем, биографы звезды могут возмутиться такой оценкой, но мало кто в наше время называет вещи своими именами…

Режиссер неоднократно заявлял, что мечтает встретить «сверхчувствительную, духовную, мистическую особу». Красивая, молодая, неопытная девушка стала великолепной ареной для экспериментов: в сфере любви, психологии, дружбы и кино.

Она была молчаливой, отчего казалась запуганной, нуждающейся в защите. Безвольной – что помогало ему в ее «воспитании» и обучении. Скучной – тем самым делая его в глазах окружающих Богом. Эта неинтересная воспитанница, серая личность никоим образом не могла быть помехой для других любовных связей Стиллера или для его карьеры.

Но раз выбрав, режиссер решил превратить свою возлюбленную в удачный проект, приложив усилия для ее раскрутки. Стиллер решил, что обычная фамилия «Густафсон» не подходит к его протеже, и придумал псевдоним «Гарбо».

Вскоре Стиллер снимает фильм «Сага об Йосте Берлинге», но успех юной звезды (Грета снята в главной роли) замечают не на родине, в Швеции, а в Берлине. Берлин в те годы считался центром европейского кинотворчества, и стоило фильму-саге появиться на немецких киноэкранах, как вся Германия заговорила о режиссере и актрисе как о выдающихся деятелях киноискусства.

Грета Гарбо была воплощением той знаковой красоты начала XX века, которая в Германии получила название «нордической». Шведскую актрису немецкая пресса восторженно прозвала «Нордической принцессой». Пройдет совсем немного времени – каких-то десять или двенадцать лет, и шедевральное нацистское кино наполнится лицами однотипных нордических принцесс: от Марлен Дитрих до Ольги Чеховой.

После такого ажиотажа прежде никому не известная звездочка получила предложение сняться в фильме немецкого режиссера Пабста «Безрадостный переулок».

Впоследствии ее новые заокеанские друзья отметят в своих книгах и мемуарах: «По мнению Розамон, естественность и благородная утонченность ее игры в «Безрадостном переулке» – лучший образец актерского мастерства из всех виденных ею на киноэкране»; «Сколь загадочно прекрасна была она в роли бедной сироты – ее первой крупной роли в немецком фильме «Безрадостный переулок». Воистину, такой красоты мы еще ни разу не видели. Она походила на бледный вьюнок, и ее игра была столь проста и столь трогательна, что у вас тотчас возникал

вопрос: «Так почему же ни одна другая актриса не играла так до нее?» Ее улыбка казалась такой естественной и искренней. Что может быть проще, чем так улыбаться?»

Как раз в то же время в Берлин в поисках новых талантов приехал представитель голливудской студии «МГМ»; он заключил контракт со Стиллером, предполагавший приезд последнего в Голливуд вместе с его протеже – Гретой Гарбо.

Как мы уже знаем, за океаном судьба не была благосклонной к нему, и Стиллер, увидевший, как все ярче и ярче начинает сиять звезда, еще недавно делившая с ним постель, одну за одной теряет свои позиции. Его талант здесь не нужен – более успешные соплеменники уже давно и активно делят «лакомый пирог американской кинокультуры» и, по всей видимости, ему уже поздно ввязываться в драку.

К тому же оказывается, что в пылу страстей Стиллер где-то подцепил чахотку; в солнечной Калифорнии туберкулезный процесс быстро распространился на оба легких. Через два года после своего приезда режиссер возвращается в Европу.

9 ноября 1928 года Грета Гарбо получила известие о смерти Морица Стиллера.

Один из близких знакомых Греты Гарбо – фотограф Сесиль Битон описывал такие подробности из жизни звезды времен покорения ею Америки: «Еще в Швеции, будучи совсем ребенком, она попалась на глаза Морицу Стиллеру, тот дал ей книги для чтения, занялся ее образованием, влюбился в нее и сделал ее своей любовницей. Она боготворила его. Ему уже стукнуло пятьдесят, и в ее глазах он стал олицетворением успеха в обществе, ума, всего того, что подстегивает в нас интерес к жизни. Он привез ее в Голливуд. У нее был роман с Джоном Гилбертом. Впервые она столкнулась с кем-то, кто был еще молод. Стиллер пришел в бешенство от того, что она влюбилась в этого недоумка Гилберта и даже ушла от него. Стиллер бросил Голливуд, умер, и Гарбо едва не наложила на себя руки от горя и раскаяния».

Впрочем, никакого страшного отчаяния и слезного раскаяния не было… Гарбо была увлечена сказочным потоком Великого кино и спешила насладиться связями с иными людьми… Хотя позже – в престарелом возрасте – она признала: «Для меня существовал только один режиссер – Мориц Стиллер, Моша. Когда мне было 18 лет, он дал мне первую большую роль в фильме «Сага о Йосте Берлинге». Моя героиня Элизабет Дона была итальянской аристократкой. Думаю, я получила эту роль потому, что никто не считал меня типичной шведкой ни в самой Швеции, ни в Голливуде. Кстати, в моем первом американском

фильме мне пришлось играть испанку… Моша был очень талантливым режиссером, он шел впереди своего времени, особенно если сравнить его картины с американскими лентами, которые были либо неправдоподобно драматичны, либо эксцентричны. Я надеялась, что он станет лидером Голливуда, но этого не произошло. Американцы просто проигнорировали его. Они совсем не понимают европейцев… Моша дал мне несколько заповедей, которыми я руководствуюсь до сих пор:

Не сплетничай и не делай никаких замечаний о других людях. Лучше помолчи.

Каждый человек – уникален. Будь сама собой.

Не пытайся стать Нормой Ширер».

Глава 3
Харри Эдингтон. Как покорить Голливуд

Первый фильм Греты Гарбо в Голливуде «Поток» (1926) основывался на новелле очень популярного в те годы писателя Бласко Ибаньеса. Сюжет фильма незатейлив и тривиален, но, как и все удачные мелодрамы, способен покорить сердца простых зрителей, живших и в начале XX, и в начале XXI века.

На экране развернулась любовная драма. Сын богатых землевладельцев по имени Рафаэль влюбляется в крестьянку Леонору. Но родители парня восстают против этой связи и заставляют девушку уехать из родной деревни. После разных перипетий и блужданий Леонора оказывается в Париже, где становится знаменитой певицей. Самые богатые люди добиваются ее расположения, но она любит только своего незабвенного Рафаэля. Наконец наступает день, когда Леонора решает навестить любимого. Но в результате внезапного мощного наводнения река превращается в бурный поток и не дает певице добраться до дома. Так силы природы разделяют влюбленных, теперь уже навсегда… Публика рыдает, сочувствуя знойной испанке в лице «нордической принцессы» – скандинавской актрисы Греты Гарбо.

Следующим фильмом с Гарбо стала лента «Соблазнительница» (1926), также снятая по произведению Бласко Ибаньеса. Благодаря сюжету, внешности и актерской игре за Гретой отныне закрепилось амплуа «роковой женщины». Окончательно оно было подтверждено следующим фильмом – «Плоть и дьявол», имевшим грандиозный успех благодаря участию в нем популярного красавчика Джона Гилберта.

Вдохновленное успехом, руководство студии «МГМ» в четвертый раз предложило Гарбо выступить в роли соблазнительницы в фильме с красноречивым названием «Женщина, которая любит брильянты». Однако роль вечной корыстолюбивой соблазнительницы порядком надоела актрисе, и та решает показать свой нрав. Однако в итоге оказывается в проигрыше. Она признается: «Я очень испугалась, когда после фильма «Плоть и дьявол» поняла, что обречена на веки вечные играть роли вамп. И я отказалась выйти на съемочную площадку. Они в руководстве МГМ подумали, что я сошла с ума, поскольку такие вещи в Голливуде были не приняты. Но я просто потеряла

голову. Чувствовала себя униженной, усталой, не могла спать. Но главная проблема состояла в том, что я не ощущала себя настоящей актрисой…»

Отказ имел не только творческую, но и финансовую подоплеку: во-первых, молодая актриса видела тот ажиотаж, с которым везде демонстрировался фильм «Плоть и дьявол»; во-вторых, ее партнер Джон Гилберт получал в неделю 10 тысяч долларов (тогда как она – всего 600 долларов).

Немец по происхождению, известный голливудский режиссер Майер грозил нешуточными санкциями. Прокатные фирмы охватила паника, поскольку в их распоряжении больше не было фильмов с участием Греты Гарбо. И тогда ситуацию спас Гилберт. Знаменитый актер предоставил в распоряжение шведки своего агента Харри Эдингтона.

При его непосредственном участии 1 июня 1927 года актриса подписала новый контракт, согласно которому ей полагалось 5 тысяч долларов в неделю, или 260 тысяч долларов в год.

Харри Эдингтон предпринял и другие важные шаги относительно будущего божественной красотки Гарбо. Пообщавшись с ней и убедившись, что ее умственные способности более чем скромные и что в ее образовании видны явные пробелы, искусный агент запрещает Гарбо контактировать с прессой и давать интервью. Также он добился того, чтобы ее перестали фотографировать для рекламных фотографий «МГМ», чем сильно повысил ее статус.

Это благодаря Харри Эдингтону за Гретой Гарбо закрепился миф как «о таинственной, загадочной Гарбо, шведском сфинксе, мудром и молчаливом». Впрочем, о его истинной роли в судьбе кинодивы его современники даже не догадывались. Кстати, публика, наблюдавшая противостояние стойкой актрисы и киногиганта, была уверена, что победа одержана Гарбо лишь благодаря ее необыкновенной мудрости.

«Эдингтону нравилось управлять женщиной, которую обожали миллионы зрителей»; агент следил за тем, чтобы его клиентку звали только Гарбо, превращая тем самым ее фамилию (псевдоним) в бренд. По его настоянию актрису на студии постоянно сопровождали две преданные и молчаливые черные служанки. И Гарбо, получившая явные преимущества во всем, нежным обожанием выказывала свою признательность Харри.

«Миф о Гарбо как истинной королеве Голливуда все больше входил в практику кино», – утверждают об этой ситуации журналисты, пишущие о кино.

И немногие знали, что одиночество – не только картинный образ повседневной жизни звезды, но и реалии ее существования.

Думаю, если присмотреться внимательно ко всем ее фотографиям, мы увидим прекрасную женщину, в чьих глазах застыло бесконечно глубокое вселенское одиночество…

Созданный Эдингтоном стиль поведения идеально соответствовал личности самой Греты Гарбо. Замкнутая и неразговорчивая от природы, она всегда предпочитала одиночество. Даже во время съемок актриса пользовалась любой возможностью, чтобы прогуляться, побыть наедине с собой. Как утверждают киноманы, «Вплоть до глубокой старости одинокие прогулки являлись для нее лучшим времяпрепровождением. Как только начинался дождь, Гарбо быстро одевалась и отправлялась гулять. Пелена дождя служила для нее лучшей защитой от посторонних взглядов». Забегая далеко вперед (впрочем, это неотделимо от ее образа), можно сказать, что коль папарацци считали за удачу снять престарелую Гарбо хотя бы со спины и разместить эти фото в прессе, слова о ее бесконечном одиночестве, привлекающем взгляды любопытствующих до последних дней ее земной жизни, – вовсе не досужая писательская выдумка.

* * *

Грете Гарбо действительно удавалось избегать яркой, шумной, звонкой, мишурной стороны кинематографической жизни. Ее крайне редко можно было встретить на светских вечеринках; она придерживалась строгой диеты, состоящей из рубленых бифштексов с жареным картофелем и яйцом, за которыми полагался кусочек нежирного пирожного и свежий фруктовый сок.

А вот биограф актрисы Хьюго Виккерс в книге «Грета Гарбо и ее возлюбленные» пишет: «Талула Бэнкхед заметила, что ее загадочность «густа, как лондонский туман». Иногда на протяжении всей ее жизни случалось так, что туман слегка поднимался, Гарбо поддавалась безотчетной веселости и, перед тем как снова замкнуться в своей скорлупе, на считаные мгновения становилась душой компании». Жаль, что нам чаще предстоит говорить о шведско-голливудском сфинксе как о грустной женщине, чем делать акцент на ее веселость и безудержную жажду жизни. Вместе с тем мы попытаемся раскрыть загадку ее вечной грусти и вечного одиночества.

Несмотря на то, что актриса в противостоянии с «МГМ» решила, что больше не будет играть плохих и роковых женщин, ситуация от нее не зависела. Да и агент Эдингтон, которому

удалось многократно повысить гонорар клиентки, не мог повлиять на репертуарную политику. Впочем, он и не желал этого делать, ибо прекрасно понимал, что Гарбо нужна кинодельцам и публике лишь как знаменитая «роковая женщина американского экрана». Зачем же уничтожать курицу, несущую золотые яйца?

Не только внешность шведки, но и манера игры Гарбо выгодно отличалась от других исполнительниц волнующим психологизмом и неподдельной искренностью.

Критик Артур Найт, рассуждая о притягательности Гарбо в любовных сценах, написал: «…Наступал тот непревзойденный момент, типичный для всех фильмов Гарбо, когда в ней что-то прорывалось, когда все доводы против любви, какие только могли прийти в голову сценаристам, отбрасывались в сторону, и, издав нечто среднее между рыданием и экстатическим возгласом, она бросалась в объятия возлюбленного. В такие моменты каждый мужчина в зрительном зале воображал, будто сжимает в объятиях эту прекраснейшую из женщин, и, неожиданно обезоруженный, открывал для себя такие глубины чувственности, какие потребуют целой жизни, чтобы утолить эту жажду любовных восторгов».

* * *

В 1930 году у фотографа Сесиля Битона (речь о нем еще пойдет позже) в Галереях Кулинга состоялась выставка, а вскоре он опубликовал свою «Книгу Красоты», над которой работал несколько лет, настигая красавиц чуть ли не по всему миру. И хотя ему так и не удалось обзавестись фотографией актрисы-затворницы Гарбо, он включил в книгу следующее описание: «Несколько лет назад, в кафетерии какой-нибудь голливудской киностудии, вам нередко могла попасться на глаза надутая, угрюмая блондинка, сидящая за столом в полном одиночестве. Она с трудом могла объясниться по-английски, почти все окружающие были ей ненавистны, вид у нее самой был самый что ни на есть жалкий, впрочем, так оно и было. В Голливуде она появилась совсем недавно и имела всего два платья, две шляпки, одну смену белья и ни единого друга. Звали ее Грета Густафсон, короче, Гарбо. Она нередко бывала одна-одинешенька. Приехала она из Швеции и, подобно многим своим соотечественницам, была блондинкой со светлыми ресницами, то есть едва ли не альбиноской. Выглядела она какой-то нечесаной, и вообще вы бы не заметили в ней ни капли светского лоска. Правда, она неплохо получалась на фотографиях, и компания частенько использовала ее для рекламных фото, на которых она позировала в гротескных

позах и нарядах. Для придания картинке изюминки они обязательно выищут какое-нибудь абсурдное животное из бездонных запасников реквизиторской. На подобных фотографиях у этой молодой женщины появлялось некое редкое необъяснимое качество. Вскоре она значительно улучшила свою внешность: стала краситься резко и непривычно, но по-своему весьма привлекательно – густо подводя веки, а брови выщипывая в форме усиков бабочки. Она напоминала одну из тех бледных обитательниц подводного мира, некую эфемерную русалку или наяду, мелькнувшую в дрожащем зеленоватом свете морских глубин, с длинными волнистыми волосами и обилием перламутровых раковин. Сегодня эта молодая женщина – та самая Гарбо, как теперь ее все называют, – являет собой самую знаменитую в мире фигуру. Найдется ли кто другой, кто затмил бы ее магнетизм, ее полную романтики или экзотики личность? Мы еще не имели другой, столь же привлекательной во всех отношениях звезды. Грета Гарбо по праву зовется королевой Голливуда, ее гонорары баснословны, ее слово – закон. У нее округлое лицо с заостренными чертами, ее рот широк и похож на нож. У нее крупные зубы, похожие на хорошо подобранные по размеру жемчужины, глаза у нее светлые, а ресницы столь длинны, что когда Гарбо закрывает веки, то они касаются ее щек. Цвет ее лица поражает какой-то неземной белизной и столь нежен, что кажется, будто у нее кожа на один слой тоньше, чем у других людей, и поэтому стоит ей слегка нахмуриться, как это тотчас становится заметно. Своими плавными томными движениями она скорее напоминает пантеру или русалку, и пусть она высока ростом, с крупными руками и ногами – есть в ее внешности нечто от эльфа. <…> Вся ее кинороль стала лишь мимолетной фазой ее существования, которая, как вам кажется, началась и закончится вместе с ней. С ее чуть безумной внешностью, с глазами, в которых читаются какие-то странные мысли, и усталой улыбкой, она – воплощение леонардовской Джоконды; ясновидящая, которая, будучи наделена некой только ей известной мудростью, знает и видит все».

Поразительная характеристика для человека, который в ту пору не был еще влюблен в нее… или все-таки был?!

Любопытно, что еще во время подготовки своей «Книги красоты» Сесиль, вернувшись зимой 1929 года в США, чтобы сделать снимки новых знаменитых красавиц, сразу отправился в Голливуд, заявив, что не остановится, пока не заполучит для своей книги фотографию Гарбо. «Без нее никак не обойтись, какими бы ни были ее размеры. Гарбо – это личность, она обладает совершенными формами, не говоря уж о ее

классической красоте». Однако благодаря отшельническому образу поведения Гарбо фотограф, снимавший практически всех знаменитостей, так и не мог найти свою модель. Это обстоятельство заставило его просто помешаться на мысли всеми мыслимыми и немыслимыми способами заполучить ее фотографию. «Она единственная, в ком есть светский лоск. Ей льстят, перед ней заискивают, говоря, что она пользуется колоссальным успехом, но отказывается видеть своих почитателей. Женщины каждый день шлют ей орхидеи, мужчины звонят по междугородному телефону в надежде услышать ее голос. Ей до этого нет ровно никакого дела, и то, что ей до этого нет никакого дела, и то, что она даже не собирается показываться публике, только подогревает всеобщую истерию, и так же, как и я, все дошли едва ли не до умопомешательства, желая видеть ее, и, между прочим, благодаря этому обстоятельству ее имя теперь у всех на устах».

Глава 4
Джон Гилберт. «Гарбо и Гилберт в «любви»!»

Девушка с кожей на тон светлее, чем у остальных, речная наяда (по словам Сесиля Битона) Грета Гарбо продолжала искусно играть роли соблазнительниц. С началом эры звукового кино ее репертуар мало изменился. Как уже упоминалось, с приходом звука многие звезды были вынуждены покинуть кинематограф, но молодая шведка и здесь «с блеском выдержала роковое для многих исполнителей испытание. Ее низкий, усталый голос даже усиливал загадочную притягательность ее героинь». А вот ее многолетний напарник по сценической площадке и любовник, о чем шептались все, мало-мальски причастные к публичному искусству, Джон Гилберт, вдруг обнаружил, что его голос за кадром слишком писклявый и ему не пережить новую эпоху кино.

Нелишне напомнить, что в начале своей голливудской карьеры Гарбо снялась в фильме «Любовь» (1927), являвшемся, по сути, вольным пересказом на языке кино знаменитого романа Льва Толстого «Анна Каренина». Это простое название придумал хитроумный киноагент Эдингтон. Ход был поистине гениален: рекламные фирмы смогли написать крупными буквами «Гарбо и Гилберт в «Любви». Фактически – охотно обсуждаемая всеми сплетня, вынесенная в заголовки. Реклама оказалась столь удачной, что вошла в историю кино. Образ русской дворянки Анны, влюбленной и страдающей, так увлек актрису, что в 1935-м, в годы становления звукового кино, она решила сыграть его еще раз, значительно усилив трагедийное начало.

Что же касается Гилберта, то пришла пора рассказать одну любопытную историю. Едва попав в Голливуд, красавица Грета была окружена толпами поклонников, жаждавших хотя бы прикоснуться к диве. И первым страстным романом в США стал у нее роман с Джоном Гилбертом. Когда они встретились, Гилберту было 29, Гарбо – 22 года. Познакомившись, они стали бывать везде вместе: вместе обедали, ездили на пикники и в гости. Он называл ее Флика (по-шведски «девушка»), она его на такой же шведский манер – Яки. Но свадьба, о которой так много сплетничали и писали в прессе, не состоялась, потому что Гарбо… убежала прямо из-под венца.

Джон Гилберт вскоре женился, причем уже в третий раз. Но,

как полагают, «от травмы, нанесенной отказом Гарбо, так и не избавился. Впрочем, и она, как оказалось, продолжала испытывать странное чувство любовной привязанности «к своему Яки».

Обратившись к свидетельству английского актера Лоренса Оливье, мы узнаем совершенно потрясающий эпизод. В 1932 году Оливье получил предложение исполнить роль испанского посла Дона Антонио, возлюбленного королевы Христины. И вот, по его словам, «появилась Гарбо, одетая в некое подобие пижамы. Между пальцами болталась сигарета. Мы стали репетировать сцену, в которой Дон Антонио узнает, что юноша на самом деле – переодетая женщина. Мамулян начал объяснять. Гарбо он сказал, что в ее глазах должна вспыхнуть страсть, которая потом заставит ее отречься от престола и покинуть родную Швецию. Я прикасаюсь к Гарбо – ее рука становится холодной, взгляд каменеет, и складывается впечатление, что эта женщина из мрамора. Мамулян просит Гарбо внести в игру больше огня. Мы начинаем все сначала, и опять на нее нападает оцепенение. «Грета, есть мужчина, способный разбудить тебя?» – кричит Мамулян. Выясняется, что это Джон Гилберт, с которым Грета часто играла раньше. Привели Гилберта. Я снял костюм и передал ему. И когда Гарбо увидела Гилберта, в глазах загорелся странный чудный свет. Что-то такое произошло внутри нее. Гилберт пробудил в ней глубокие эмоции. Мы все были свидетелями удивительного явления – реакции Гарбо на человека, которого она когда-то любила. Мамулян пришел в восторг. Вместо репетиций он сразу начал снимать. Я знал, что в этот момент теряю роль. Но я понимал, что Джон Гилберт тот человек, который может завоевать эту королеву, и не стал возражать».

Этот же эпизод, по свидетельству самой Греты Гарбо, выглядит так же трогательно: «Благодаря тому, что я сыграла королеву Христину, теперь весь мир знает, кем она была и что ей пришлось пережить. В «Королеве Христине» я вновь играла вместе с Гилбертом. Вначале на роль Дона Антонио, возлюбленного королевы Христины, планировался Джон Баримор, но он был слишком стар. Потом возникла идея пригласить англичанина Лоренса Оливье. Однако мне он показался слишком юным. И, честно говоря, я не представляла, как можно играть в интимных сценах с совершенно незнакомым человеком. И тогда я предложила Гилберта. Правда, у него был слишком тонкий голос, из-за чего его карьера пришла в упадок. Но техники научились творить чудеса. Джон был слишком страстным в некоторых сценах, так что мне не раз приходилось напоминать ему, что он

теперь женатый человек и должен прежде всего думать о спокойствии своей семьи».

* * *

Первый звуковой фильм Греты Гарбо «Анна Кристи» пользовался немалым успехом; не удивительно, что была снята его немецкая версия, а сама актриса после проката киноленты приобрела мировую известность.

Среди звуковых фильмов с красавицей Гарбо следует назвать «Роман» (1930), «Вдохновение» (1931), «Сьюзен Ленокс: ее падение и возвышение» (1931), «Мата Хари» (1931), «Какой ты меня хочешь» (1932). Во всех этих картинах без исключения Гарбо исполняла роли роковых соблазнительниц, она также призывно сверкала глазами, магически опускала ресницы и страстно целовалась в кадре.

Впрочем, успех пошел ей на пользу. Она больше не была робкой девчонкой, действующей по воле боссов студии. Дружба с Харри Эдингтоном научила ее грамотному поведению в мире больших денег. Еще недавняя, по сути, нищенка вдруг обретала силу и власть.

В 1932 году при подписании нового контракта Гарбо настояла на том, чтобы в контракт были внесены весьма выгодные условия: 250 тысяч за каждый фильм; также она добилась права самостоятельного выбора ролей и даже… членов съемочного коллектива. Теперь только она одна могла решить, кто будет ее партнером-любовником. Эти условия позволяли Гарбо расширить свой репертуар.

С годами у Гарбо еще больше проявилась деловая хватка. В 1933 году акриса, избегавшая появляться на людях, вдруг санкционировала массовое производство своего… миниатюрного бюста и получила от этого недурной доход. В продажу шли даже личные вещи звезды; к примеру, красные резиновые сапожки Гарбо, в которых она любила гулять под дождем, были проданы на аукционе за приличную сумму. Поклонники звезды щедро одаривали ее не только своей любовью…

* * *

В 30-е годы Гарбо сыграла несколько знаковых фильмов. «Королева Христина» появился в 1933-м; фильм, как писали некоторые критики, «ясно показал, что феноменальная

эротическая притягательность Гарбо не имеет признаков пола. В мужском костюме она была едва ли не более привлекательна, чем в женском платье».

Странные времена и странные нравы; XX век не только убил настоящую Женщину, но и породил новую – хрупкую, дистрофичную, сверхсексуальную и при этом по-феминистски боевую. Именно такие светились на экране; именно для таких шила свои наряды великая Коко Шанель (вспомним, что Коко даже какой-то период обшивала голливудских актрис).

Вершиной киноперіода 30-х годов было суждено стать фильму «Дама с камелиями» (1937), подтвердившему талант Гарбо как трагической актрисы кино. Снимаясь в роли умирающей от туберкулеза куртизанки Камелии, она сама тогда много и часто болела, что придало фильму жизненную достоверность. «На съемках «Камелии» я часто болела. В перерывах приходилось подолгу отлеживаться в гримерной. Моим партнером был замечательный молодой человек, может быть, чуть-чуть застенчивый – Роберт Тейлор. Он видел, как мне плохо, и делал все, чтобы облегчить мои страдания. Зная, что я люблю музыку, он приносил с собой граммофон и пластинки. Ведь киностудия – та же фабрика. Необходима поддержка, чтобы окончательно не упасть духом… Очень жаль, что Роберт Тейлор умер совсем молодым. Как и я, он много курил и заработал рак легких. Ему даже не было шестидесяти, когда он умер». Таково было запоздалое признание актрисы.

Известен факт, что дочь Александра Дюма, видевшая на сцене самых знаменитых актрис того времени Дузе и Бернар, после просмотра «Дамы с камелиями» поставила Гарбо выше этих именитых исполнительниц. Об этом упоминала в одном из интервью Грета Гарбо. «Не могу сказать, что героиня вызывала у меня какие-то особые симпатии. Достаточно посмотреть, какую профессию она себе избрала. Конечно, роман Дюма я прочитала с большим интересом. Как ни странно, но на эту работу я получила много откликов. Например, мне написала жена Мао Цзедуна и сообщила, что так часто смотрела фильм, что совершенно испортила пленку. Пришло письмо от дочери Дюма. Она утверждала, что я играю лучше Дузе и Бернар, которых она видела на сцене. Она не сомневалась, что если бы ее отец посмотрел фильм, то обязательно влюбился бы в меня».

Грета Гарбо воспринимала успех фильма с легким недоумением – ей все еще казалось, что она создана для лучших, более глубоких ролей.

В 1938 году актриса снялась в комедии «Ниночка» (фильм вышел на экраны в следующем, 1939-м). Роль получилась

удачной, но поклонники актрисы были недовольны: они желали видеть ее только в ролях роковых героинь с трагическими судьбами. Несмотря на подобное восприятие публикой, именно роль Ниночки оставалась до конца ее жизни любимой ролью актрисы.

Глава 5
Сесиль Битон. Неразрешимая загадка красоты

Мечта фотографа Сесиля Битона исполнилась: ему было двадцать восемь, когда в 1932 году он наконец-то встретил Гарбо на вечеринке.

Мы помним, что Сесиль уже несколько лет был без ума от Гарбо и, находясь в Калифорнии, преследовал ее буквально по пятам, желая заполучить ее фото для обложки «Вога» или для книги, над которой он тогда работал. Был период, когда фотограф вернулся в Англию. И вот, наконец, в построенном в испанском стиле роскошном особняке Гулдинга, где остановился Битон, знаменитый фотограф и кинозвезда встретились. Внезапная встреча затянулась до рассвета.

Грета Гарбо была на полтора года младше его. Их связь развивалась бурно, но, как всегда, – вдали от посторонних глаз. И эта пресловутая закрытость – единственная причина, по которой так сложно описать взаимоотношения Гарбо с близкими ей людьми.

Некоторое время Сесилю удавалось скрывать их встречи и даже хранить молчание на публике, но летом 1934 года он публикует несколько портретных зарисовок кинозвезд в книге «Очерки». Часть текста посвящена Гарбо. Эта же зарисовка воспроизведена почти полностью и в книге «Беглые заметки Сесиля Битона» (1937 год). Для опубликования этого наглядного портрета мы обратимся к известной книге уже называемого нами биографа Хьюго Виккерса. Он пишет: «Поскольку сегодня их практически невозможно отыскать, поскольку они весьма точны и, самое главное, поскольку, с некоторым запозданием, они стали причиной крупной ссоры между Сесилем и Гарбо, мы сочли нужным привести их полностью.

«Гарбо. Она прекрасна, как северное сияние, но если мы сравним Грету Гарбо на экране и в жизни, это будет подобно сравнению де Ласло с Леонардо. Тот образ, что предстает перед зрителем, полон магнетизма, он весел, трагичен, чувствителен, исполнен мудрости, но и другие актрисы притягивают и завораживают нас до тех пор, пока не остановится кинопроектор и иллюзия, созданная режиссерами и их помощниками, не уступит место действительности. Лишь только Гарбо, после того как погасли софиты и убраны декорации, вместе с дождевиком

набрасывает на себя благородство. В реальной жизни она обладает таким разнообразием качеств, которые экран просто не способен воспроизвести с технической точки зрения, так что даже если бы она и не являлась обладательницей самого красивого лица нашего времени, все равно все остальные современные красавицы меркли бы по сравнению с нею.

Кожа ее гладка как мрамор и обычно покрыта легким, абрикосового или медового оттенка загаром; ее волосы на ощупь нежнее шелка, блестящие и ароматные, подобно волосам младенца после купания. Ее нос столь чувствителен, что, кажется, способен ощущать тончайшие ароматы, которые недоступны окружающим и которые, возможно, исходят от ее собственной красоты. Зубы ее крупны и сверкают ярче жемчужин, а ее чувственный рот на самом деле очерчен более тонко, чем это кажется на фотографиях. Что же касается ее глаз, то таких еще просто не было в природе. В них читается и любопытство, и сострадание, и томность, они глубоко посажены и поражают незабываемой голубизной. У них темные крупные зрачки, а ресницы столь длинны, что невозможно поверить, будто они настоящие, ведь только у детей, да и то не у всех, мы встречаем столь поэтическое украшение. И Гарбо обладает такой трагичной детскостью.

Губная помада и лак для ногтей тускнеют рядом с ней. Она не пользуется косметикой, за исключением черной символической линии на веках – это символ вневременной моды, неизвестный доселе нашей цивилизации, символ, подсказанный инстинктом и который мир тотчас поспешил перенять. Она подобна Дебюро, бледная, неприкаянная, воздушная или же безрассудно веселая. Ее руки, хотя она и зовет их руками кухарки, длинные и сильные, с квадратными ногтями. Она с вызовом вдыхает дым сигареты, зажатой двумя прямыми пальцами.

Действительно, она постоянно прибегает к помощи рук и, будучи прирожденной актрисой, сопровождает свою речь жестами и мимикой. Высокого роста, она, однако, пропорционально сложена, а ее ступни – узкие и длинные, как у греческой статуи. Она ловка и подвижна, можно даже сказать, настоящая гимнастка. Ее одежда всегда поражает элегантностью, хотя и лишена присущего женским нарядам изобилия рюшек и складок; собственно говоря, у нее даже нет вечернего платья. Она покупает себе одежду в местном магазине Армии и Флота, где моряки и прочий рабочий люд приобретают себе комбинезоны и свитера.

Правда, все эти качества можно было бы при желании обнаружить не у одной только Гарбо. Магия же, которая

интригует и озадачивает многих мечтателей, неуловима и обманчива. Даже самые неутомимые из ее почитателей приходят в отчаяние от того, что не могут разгадать секрет ее притягательности. В резком повороте головы, в открытом, откровенном выражении лица, в мальчишеских гримасах, в надменном взгляде из-под полуопущенных век, таком высокомерном и равнодушном, что у другого наверняка считался бы признаком непомерной гордыни, – во всех этих проявлениях осознанной красоты, которая при малейшем подражании становится неуклюжей, или самонадеянной, или смехотворной, во всем этом есть нечто такое, что Голливуд не способен уничтожить. В присутствии этой неразрешимой загадки все остальное тускнеет и меркнет. Она презирает те фильмы, в которых «вынуждена сниматься. Диалоги вызывают в ней скованность, и она то и дело ворчит, что ей приходится изображать из себя секс-символ. Ей бы хотелось играть романтические роли – Жанну д'Арк или Гамлета, а ее заветная мечта – сыграть Дориана Грея. Ей бы ужасно хотелось играть с теми актерами, что наделены искрой божьей и вдохновением, однако режиссер подсовывает ей вещи вроде «Маты Хари», поскольку с его точки зрения нет причины менять политику, и после вялых и недолгих споров она, скрепя сердце, вынуждена сдаться.

Она наделена чувством юмора и подчас способна предаться веселью, однако несчастна, неврастенична, болезненна, поскольку совершенно случайно, вопреки себе самой, стала той, кем вовсе не собиралась быть. Здоровую крестьянскую девушку разрекламировали как некую экзотическую шпионку. Она должна соблюдать диету, ей запрещено прикасаться даже к морковке, так что не только здоровье, но и ее нервы пострадали от треволнений популярности. Если случайно замечают, как она спешит по переулку, то тотчас кидаются за ней вдогонку, чтобы разжиться какой-нибудь историей, и эта нескончаемая охота изнуряет ее, и, доведенная до предела, она бросается в слезы и запирается у себя в комнате на несколько дней, отказываясь впускать даже горничную. Она даже не в состоянии читать. По этим причинам она неспособна развиваться как личность. Прекрасно, что она оберегает себя от тлетворного влияния Голливуда, но Гарбо теперь настолько замкнулась в самой себе, что даже когда время от времени позволяет себе отдых, он не становится для нее событием. Ее ничто и никто в особенности не интересует, она несносна, как инвалид, и столь же эгоистична и совершенно не готова раскрыть себя кому-либо; из нее получилась бы занудливая собеседница, постоянно вздыхающая и полная

раскаяния. Она суеверна, подозрительна, и ей неизвестно значение слова «дружба». Любить она тоже не способна. Она поверила в роль королевы Христины и стряхнула с себя апатию, в результате чего мы увидели Гарбо не как фантом, а как реальную и полную благородства личность. В течение последующих лет мы начали задаваться вопросом, почему же эта неразрешимая загадка с ее романтическими идеями и духовными исканиями не сделала дальнейших усилий, чтобы освободиться от оков, которые, если верить ей, она всей душой презирала. Затем последовала «Дама с камелиями». Ее трактовка роли Маргариты наполнила юмором и жизнью набивший оскомину роман. Ко всеобщему удивлению, роль получилась просто потрясающая. Мельчайшие оттенки эмоций и веселье начальных сцен не шли ни в какое сравнение с прежним безразличным весельем. Гарбо превратилась в любящее, страдающее человеческое существо. Когда она умирала, то у нее был не просто больной вид – у нее был вид человека, который провел в постели долгие месяцы. Она была так слаба, что не могла даже улыбаться, сохранив, однако, гордость, присущую статуям Бернини. В какие-то моменты казалось, что она вобрала в себя всю мудрость Лилит, и именно благодаря всему этому мы впоследствии задавались вопросом, играла ли она с истинным пониманием или же ею двигал один лишь голый инстинкт. Если она способна создавать такие шедевры, то непременно должна появляться в ролях, исполнить которые по силам только ей. Но вполне возможно, что магия ее обманчива, и поэтому, введенные в заблуждение великой актрисой, мы создаем из нее идеал, которым она никогда не станет».

Как видим, в его рассказе ничего не говорится об их близких, интимных отношениях. Как не говорится и о связи Гарбо с другим претендентом на ее сердце – вернее, претенденткой. Ею была поэтесса и драматург Мерседес де Акоста. Эта любовная связь развивалась параллельно с романом Греты Гарбо с Сесилем Битоном.

И если Сесиль всячески подчеркивал нелюдимость и отрешенность актрисы, то ее душевная и постельная подруга Мерседес открыла нам другую, неведомую Гарбо: «…Принято думать, что Гарбо нелюдима и серьезна. Это одно из заблуждений, лежащих в основе возведенной вокруг нее легенды. Но все легенды строятся на слухах, на том, что известно понаслышке. Разумеется, она серьезна, коль речь заходит о серьезных вещах, и, разумеется, не носится взад и вперед, нацепив на лицо, подобно большинству американских чиновников, ухмылку от уха до уха. Однако это вовсе не означает, что она нелюдима и ей чуждо чувство юмора. Если на то пошло,

только ей по-настоящему свойственно чувство истинного юмора».

Впрочем, кроме юмора поэтесса обнаруживает и другие, казалось бы несвойственные тонкой романтичной натуре прекрасной шведки черты. И если раздражение звезды еще можно понять, определив его причины в вынужденной жесткой диете («Гарбо постоянно сидела на диете и, по словам Мерседес, частенько действовала ей на нервы занудным перечислением блюд, к которым она ни за что не притронется»), то как же понять ее этакий детский садизм по отношению ко всяким там букашкам-таракашкам? Вот что рассказывала вегетарианка и страстная любительница животных Мерседес: «У нее была ужасная привычка, найдя в траве или в доме какую-нибудь букашку, обязательно ее сжечь. Она, бывало, подпаливала клещей, пауков, косеножек, водяных жуков. Я впервые увидела, как она это делает, когда мы сидели на лужайке и она обнаружила у себя на ноге клеща… Я увидела, как она сняла его с ноги и, чиркнув спичкой, поднесла к нему пламя. У меня внутри все сжалось».

Впрочем, с годами Грета отплатила ей той же монетой откровения, когда сказала: «…она причинила мне столько вреда, столько всего нехорошего, она распускала жуткие сплетни и вообще была вульгарна. Она вечно строит какие-то козни, вечно что-то вынюхивает, и ей не заткнешь рта. Она как тот еврей – чем больше грязи вы выливаете на него, тем скорее он возвращается к вам снова».

* * *

Итак, когда знаменитый фотограф и знаменитая голливудская звезда познакомились, был конец мая 1932 года. В это время Гарбо уже имела постоянных любовников в лице актера Джона Гилберта, подруги Мерседес де Акоста и, по всей видимости, Харри Эдингтона. Все остальные были не в счет; случайным и временным в этом высшем обществе публичного искусства значения не придавали. Эти связи могли быть как для души, так и для дела. Америка начала 20-х—30-х годов XX века являла собой рассадник беспорядочных связей, впрочем, как и погрязшая в войнах и революциях Европа.

Поздней весной 1932 года Сесиль Битон гостил в Голливуде у Гулдингов. За несколько месяцев до этого Эдди Гулдинг женился на нью-йоркской танцовщице Марджори Мосс, которая еще недавно сопровождала Мерседес в Калифорнию. То, что у подружек была любовная связь, жениха не смутило. Шафером на

их свадьбе был партнер и любовник Гарбо Джон Гилберт.

Конечно же, Сесилю было известно, что Грета иногда навещала Гулдингов, а поскольку ему не давала покоя мысль познакомиться с ней и сделать серию ее фотографий, то он надеялся, что она когда-нибудь все же появится там, пока он гостил у своих друзей.

Однажды Сесиль надел новую куртку из лайковой кожи, шорты из змеиной кожи, белые носки и ботинки. После чего выглянул из окна, осматривая окрестности, и к своему удивлению, увидел Грету Гарбо. Та сидела по-турецки на садовой скамейке вместе с Гулдингами и курила сигарету. Актриса тоже была одета во все белое.

Сесиль спустился вниз…

Далее все, кто описывает сцену их знакомства, обращаются к опубликованному дневнику Сесиля Битона «Годы странствий». Автор подробно описывает эту встречу; из всех встреч эта представляется наиболее интригующей. Сесиль вспоминал, как Гарбо «обрушила на него полный залп своего магнетического очарования, как она восторгалась его молодостью и красотой, его белыми индийскими туфлями, как Гулдинги словно перестали существовать для своих обоих гостей, как они с Гарбо ходили, обняв друг друга за талию, и дружески жали друг другу руки».

В какой-то момент взаимного восхищения Гарбо вынула из вазы чайную розу и, подняв высоко вверх, произнесла: «Вот роза, которая живет, умирает и исчезает безвозвратно». Это была лишь актерская игра; но нельзя забывать, что актерство и стало основой ее видения мира и ее естественного существования. Кавалер взял у нее розу, засушил в своем дневнике, привез домой и повесил в рамке у себя над кроватью. Во время распродажи дома, после его смерти, некий фотограф из Новой Зеландии приобрел эту розу за 750 фунтов стерлингов.

Вечеринка продолжалась, обе пары беседовали, обедали, разыгрывали шарады, мирно потягивали «Беллини». И вот Гарбо принимает приглашение Сесиля посмотреть его комнату и фотографию его дома в Англии. Тогда же произошел их первый поцелуй. Он пишет, что красавица сказала ему: «Ты – как греческий юноша. И если бы я тоже была юношей, я бы сделала с тобой такое…». Фантазии били через край… «Никто не ложился до самого утра. Лампы выключили, и вакханалия при свете камина стала еще более бурной».

Когда наступило отрезвляющее утро, Гарбо села в свой роскошный автомобиль и уехала. «Я с трудом верил в то, что произошло», – признавался он. Сесиль подумал, что больше никогда ее не увидит.

Однажды Сесиль Битон получил письмо от своей подруги – они познакомились в Нью-Йорке в конце 20-х годов и оставались дружны, – которая писала: «Грета сказала мне вчера, что познакомилась с тобой, когда ты был здесь в прошлый раз. Ты же мне ничего не сказал об этом». Давнюю подругу фотографа звали Мерседес де Акоста. И она была близкой подругой Греты Гарбо. После короткой разлуки, ближе к зиме 1933 года, Гарбо и Мерседес возобновили свои отношения.

Глава 6
Покачивающаяся на ветру тростинка, или хрупкость как искусство

О Сесиле Битоне его друзья и коллеги говорили: он сделал себя сам; «На свете найдется не так уж много людей, которые целиком и полностью являются собственными творениями, и он, безусловно, из их числа, абсолютно ничто в его окружении не могло бы натолкнуть вас на мысль, будто этот человек появился на свет из кокона жизни английского среднего класса».

Биография этого человека, запечатлевшего прекрасные лики эпохи, выглядит так.

Дед Сесиля, Уолтер Харди Битон (1841–1904) переехал из графства Сомерсет в Лондон, где, будучи еще молодым человеком, основал фирму «Битон Бразерс». Он занимался поставкой спальных вагонов из заграницы, а также торговлей лесом. Его дела шли довольно успешно. На склоне лет этот солидный и процветающий коммерсант поселился в роскошном доме в Эббот-Лэнгли, в графстве Хертфоршир. После своей смерти он оставил внушительное по тем временам наследство в 154 000 фунтов стерлингов.

Отец Сесиля, Эрнст Битон, женился на крепкой и довольно симпатичной дочери камберлендского кузнеца Этти Сиссон. Их дети росли в Хемпстеде, причем все дети учились в хороших школах. К примеру, их сын Сесиль получил образование в Хэрроу (он учился в нескольких школах, в том числе в школе Св. Киприана, где среди его однокашников были Сирил Коннори и будущий знаменитый писатель Джордж Оруэлл – последний описал годы учебы в эссе «Таковы были радости»). Однако торговля лесом захирела после того, как на смену лесу пришли сталь и бетон и деревянные блоки перестали применять при прокладке дорог. Семья, которая в годы процветания переехала на Гайд-Парк-стрит, была вынуждена переселиться в более скромный район Сассекс-Гарденс возле вокзала Пэддингтон.

Хьюго Виккерс свидетельствует: «Сам Сесиль Битон родился в Хемпстеде в январе 1904 года. Он был старшим из четверых детей. У него имелся брат Реджи, невыразительный молодой человек, которого Сесиль, можно сказать, затмевал. Он пошел по стопам отца, включился в семейный бизнес и в 1933 году во время депрессии совершил самоубийство, выбросившись из

вагона подземки. У Сесиля были также две сестры, немного младше его, которых он очень любил. Когда они подросли, Сесиль наряжал их в одинаковые платья и часто их фотографировал, а фотографии затем нередко весьма успешно продавал в газеты. Сесиль надеялся, что сможет подыскать им приличные партии, и прикладывал к этому неимоверные усилия, соединяя в себе Свенгали и Пигмалиона. В конце концов Нэнси вышла замуж за сэра Хью Смайли, баронета из Гренадерской гвардии. Младшая сестра, Баба, вышла замуж за Алека Хэмбро. Во время Второй мировой войны тот принимал участие в военных действиях и в 1943 году умер от ран в Триполи».

Отец семейства, Эрнст Битон, принимал участие в любительских постановках и у себя в Хемпстеде сыграл сорок шесть сезонов в крикет. Но его сын Сесиль мало походил на отца, он больше тянулся к матери и тетке. Старшая сестра матери тетушка Джесси была замужем за боливийским дипломатом. Обе женщины казались восторженному мальчику воплощением светских дам с их благородными манерами и большими связями, в том числе при дворе. Правда, со временем он понял, как сильно заблуждался.

Как мы помним, мальчик любил фотографировать, и уделял этому много времени. Откуда же взялась у него эта страсть? Скорее всего, из-за сильной влюбленности в театр. Сесиль многие годы собирал фотографии знаменитых актрис и однажды под впечатлением этих снимков начал собственные эксперименты с миниатюрной камерой «Бокс Брауни».

Мальчик проявлял и другие таланты. Сесиль выиграл приз на конкурсе рождественского рисунка в 1916 году. Да и его актерские способности рано завоевали признание окружающих. Учась в школе Хэрроу, он с удовольствием принимал участие в любительских постановках и посещал класс живописи.

В 1922 году Сесиль Битон поступил в Сент-Джон-Колледж в Кембридже. «Главным занятием Сесиля в годы учебы в Кембридже стало создание себе имени. В те времена на это стремление посматривали довольно косо. Считалось, что истинный джентльмен может оказаться на страницах прессы лишь трижды: родившись, женившись и отойдя в мир иной», – так сообщают биографы и искусствоведы. «Битон рано понял, что, какими бы талантами ни был наделен любой из нас, вряд ли можно рассчитывать на успех, если результаты трудов никому не известны. Чем большее внимание уделят газеты той или иной постановке, тем больше желающих будет ее посмотреть, а значит, театр получит больше денег, а декорации и костюмы можно будет сделать подороже. То же самое касалось и фотографии. В начале

20-х годов XX века Битон не всегда являлся изобретателем изощренных и порой чересчур надуманных идей в области фотографии, однако не вызывает сомнения тот факт, что именно он добился наибольшего успеха. Например, такой прием, как отражение сидящих в крышке рояля, впервые применили Морис Бек и Хелен Макгрегор. Но именно Битон сделал эти позы знаменитыми».

Сесиль с неимоверным упорством старался пробиться в высшее общество. Он обивал пороги издательств в надежде получить заказ на оформление обложки книги. Иногда удавалось получить заказ. Однажды он даже сопровождал двух женщин-редакторов из «Вога» во время их путешествия в Венецию; там впервые юноше открылся блистательный мир, в который он так жаждал пробиться.

Он уже не единожды лицезрел сильных и великих или просто самых красивых мира сего. В «Лидо» он имел возможность видеть леди Диану Купер; завел шапочное знакомство с баронетом де Майером, делавшим снимки для модных журналов; сумел представиться и показать свои работы Сергею Дягилеву. Однако его личный успех был еще далеко.

Переломный момент для Битона наступил в конце 1926 года, когда случай свел его с «весьма изобретательным молодым человеком, красавцем-эстетом с внешностью Адониса» Стивеном Тенантом. Этот авантюрист с обширными связями ввел нового друга в мир, о котором тот грезил. «Настойчивость, с какой Сесиль сам добивался для себя признания, не ускользнула от внимания Стивена и его окружения – им было прекрасно известно, кто такой Битон, и они с радостью приняли его в свой круг. В некотором роде он стал для них новой забавой. Вскоре каждая молодая шикарная лондонская дама желала получить сделанный Сесилем портрет, а «Вог» был только рад поместить эти творения на своих страницах. Сесиль нажил себе еще более весомый капитал на своем успехе, устраивая всевозможные выставки. Когда Битон почувствовал, что Лондон уже лежит у его ног, то решил, что пора отправиться на покорение Нового Света».

* * *

Будучи в Нью-Йорке, Сесиль Битон на вечеринке, устроенной Мюриэл Дрейпер, впервые познакомился с Мерседес де Акостой. Это была обычная вечеринка и обычная, привычная для подобного общества публика: «несколько лесбиянок да одаренных молодых людей». 13 декабря 1928 года Мерседес ушла с

вечеринки в обществе Битона.

Как позднее вспоминал сам фотограф, «Мерседес была очаровательна, без умолку болтая своим хрипловатым голосом. Было в ней нечто мужеподобное, однако она была очаровательна, добра, умна, интересна, и я знал, что в Нью-Йорке она станет одним из моих близких друзей».

Что такое «близкий нью-йоркский друг» в пору безграничной свободы отношений, мы уже знаем… И ведь действительно Мерседес до конца своих дней оставалась дружна с Сесилем.

По воспоминаниям Мерседес, Сесиль Битон в ту пору покорения им Америки был «ужасно худощавым и стройным. Он чем-то напоминал покачивающуюся на ветру тростинку или иву, отчего создавалось впечатление какой-то особой хрупкости… Сесиль и несколько других молодых людей довели эту моду едва ли не до произведения искусства». Так мы докопались до истоков на анорексичную и почти бесполую моду. Полагаю, истинные психиатры вывели бы формулу подобной навязанной обществу красоты, обнаружив ее начало в дегенеративности, – увядании тела и духа, воспевании самой смерти, разнаряженной в шелка и драгоценности… «Я верю, – говорила Мерседес, – что со временем его книги, картины и фотографии в глазах потомков станут наиболее ярким воплощением нашей эпохи».

Сесиль Битон прочно стал в Голливуде на ноги и только тем и занимался, что беспрестанно фотографировал всевозможных звезд.

В январе 1930 года Сесиль уехал в Палм-Бич, и вскоре он там повстречал Мерседес. Два закадычных друга обрадовались встрече и, как и прежде, принялись сплетничать, получая удовольствие перемывая косточки знакомых и незнакомых людей. Х. Виккерс подтверждает: «Сесиль с удовольствием предался с ней злословию о кошмарном сборище нью-йоркских лесбиянок, он вспоминал: «Мы посмеивались над ними за их занудную верность друг дружке, их серьезность, убожество, бедность и полное отсутствие юмора». Мерседес, как никогда, соответствовала своей удивительной внешности, в которой воистину есть нечто грозное. Что еще более важно, Мерседес, которой еще предстояла та роковая встреча с Гарбо, снабдила Сесиля сногсшибательными слухами о звезде-затворнице: «Мерседес была очаровательна, умна, бесконечно забавна и остроумна. Я рассказал ей голливудские новости, а она мне наговорила всякого о Гарбо, отчего я пришел в неописуемый восторг и едва не купил себе билет назад в Голливуд, чтобы только снова увидеть ее».

Из всех полученных на актрису характеристик, из всех сплетен и разговоров Сесиль понял одно: Гарбо – идеальная

женщина, она предельно хороша собой, наделена редкой физической притягательностью и хороша в постели, а к тому же, поговаривают, ей нет равных в умении целоваться. Да, о такой женщине стоит мечтать… И Сесиль мечтал о ней несколько лет, даже тогда, когда жил в Англии.

Впрочем, он не изменял своему принципу: «Мои отношения с мужчинами куда романтичнее, нежели с женщинами». И в прекрасной Гарбо он – как и другие люди подобного дегенеративного склада природы – видел прежде нечто среднее между женщиной и юношей. Вот что он сам записал в своем дневнике еще в октябре 1923 года: «Мое отношение к женщинам следующее – я обожаю танцевать с ними, водить их в театр и на частные просмотры, говорить с ними о нарядах, спектаклях и женщинах, но в действительности мужчины нравятся мне куда больше. Мои отношения с мужчинами всегда были куда более романтичными, нежели с женщинами. Мне ни разу не приходилось любить женщину, и не думаю, что это когда-либо произойдет и я испытаю те же чувства, что и к мужчине. Я действительно ужасный, ужасный гомосексуалист, хотя и пытаюсь изо всех сил не быть им. Я изо всех сил пытаюсь быть хорошим, а не дешевым и омерзительным… ведь насколько приятнее быть нежным и обыкновенным и спать в одной постели, но на этом все кончается. Все остальное мне просто отвратительно, и все-таки это ужасно трудно…»

Еще в годы учебы в Хэрроу Сесиль Битон стал любовником некоего Эдварда Ле Баса. Сесиль позже признавался, что в школе был немного женоподобным и даже пользовался… пудрой и губной помадой. После Хэрроу Сесиль познакомился с Керлом Ленгом. Затем, в Кембридже, Сесиль пережил еще несколько интимных приключений, особенно когда принимал участие в любительских постановках. Он был предметом пристального внимания со стороны гребца по имени Бен Томас и других молодых мужчин. Большинство тех, что были не прочь таким образом развлечься, в конце концов предпочитали жениться на светских барышнях.

Зато в Америке Сесилю выпала возможность пережить первый короткий роман с женщиной. Затем – еще и еще… пока в этот ряд не попала прекраснотелая Гарбо.

В то время, когда шалун Сесиль писал, что «голубые» – «они пугают меня, вселяют в меня отвращение, и я столь живо представляю самого себя во многих из них; а ведь для того, чтобы сбросить с себя это печальное и смехотворное предназначение, требуется всего лишь капля твердости и решительности», фотограф был страстно увлечен любовником своего врага,

дизайнера и декоратора Оливера Месселя, – Питером Уотсоном. Как раз во время этой «битвы за любовь» Сесиль Битон впервые встретился с Гарбо.

Глава 7
Мерседес де Акоста. «Я не мальчик и не девочка»

В Голливуде 20—30-х годов XX века лишь узкий круг «причастных» и «посвященных» ведал обо всем, что там творилось, в то время как широкой публике мало что становилось известно. Роман Греты Гарбо и Мерседес де Акоста как раз и был одним из таких загадочных голливудских секретов, о котором официальные представители студии предпочитали ничего не рассказывать.

Нераспространению слухов способствовал и замкнутый образ жизни звезды, Грета Гарбо избегала шумных голливудских вечеринок и официальных мероприятий. Но это не говорит о том, что «светская затворница» вообще на них не бывала. И вот во время одного из выходов в «свет», на небольшом приеме, устроенном в начале 1931 года польской сценаристкой Залькой Фиртель, Гарбо познакомилась с Мерседес де Акостой, поэтессой, драматургом и автором ряда киносценариев, которая вскоре стала ее самым близким, самым задушевным товарищем.

Летом 1931 года Гарбо и Мерседес уединились на озере Сильвер-Лейк, в горах Сьерра-Невады, в небольшом домике, принадлежавшем актеру Уоллесу Бири. Там, вдали от посторонних глаз, они в течение некоторого времени предавались идиллии. «Как же описать шесть последующих волшебных недель?» – томно вопрошала в своих откровенных записках Мерседес. Любопытно, с какой настойчивостью все эти люди стремились увековечить себя, своих любовников и своих случайных партнеров в дневниках и книгах. Словно тем самым они стремились развратить весь мир. Так маньяк пытается утянуть за собой в ад всех окружающих…

Эта новоявленная Сапфо не была бы поэтессой, если бы не воздала оду ногам своей возлюбленной Гарбо: «… их цвет был не просто цветом загара, как то обычно бывает; нет, просто кожа приобрела легкий золотистый оттенок, и нежнейшие волоски, покрывавшие ее ноги, тоже стали золотистыми. Сами ноги были классической формы. …они обладали той совершенной формой, какую мы находим у греческих статуй».

Гарбо попросила Мерседес написать для нее какой-нибудь сценарий, душевную историю любви. Новый проект получил название «Совсем отчаявшись». Сценарий был зарегистрирован на

«МГМ» в январе 1932 года, в нем рассказывалась история девушки, чья мать спрыгнула со скалы. В этом киноповествовании присутствуют автобиографические нотки: когда Мерседес было четырнадцать, ее отец – седовласый почтенный старик – покончил с жизнью, сбросившись с высокой скалы.

Однако из-за того, что героиня Гарбо должна все время на экране появляться в мальчишеском одеянии, кинобоссы дали отбой. Заведующий постановочной частью киностудии возмущался: «Мы годами создавали образ Гарбо как великой блистательной актрисы, и вот теперь вы лезете со своим сценарием, желая нарядить ее в штаны и сделать из нее что-то вроде мартышки».

После этого инцидента Гарбо снялась в «Гранд-отеле» и «Если ты хочешь меня», вышедшем на экраны в июне 1932 года. Пока шли переговоры по поводу ее нового контракта с «МГМ», Гарбо улетела из Голливуда в Нью-Йорк, где сняла номер в отеле «Сент-Моритц», а затем и вовсе отплыла на родину, в Швецию.

Мерседес осталась одна. Однако одиночество продлилось недолго; вскоре Мерседес де Акоста начала получать цветы от молодой актрисы Марлен Дитрих, решившей во что бы то ни стало завоевать эту странную особу.

Следует сказать, что Мерседес де Акоста в свое время была знаменита в литературных и кинематографических кругах. Она сочиняла романы, пьесы, киносценарии, ее стихи часто публиковались в прессе.

* * *

Мерседес утверждала, что принадлежит к древнему кастильскому роду, хотя бытовало мнение, что ее предки переселились в США с Кубы. Она – младшая из восьми детей Рикардо де Акосты, родилась 1 марта 1893 года; детство и юность, вплоть до Первой мировой войны, провела в Нью-Йорке. Воспитывалась в строгом духе испанского католичества.

Мерседес была брюнеткой с темными глазами, ростом примерно 170 см. Она часто впадала в депрессию; в детские годы она могла громко и долго стонать, забившись в угол. Став взрослой, Мерседес страдала бессонницей и приступами мигрени.

О ее великолепной сестре тот же Сесиль Битон в книге «Отражение стиля» написал: «Потрясающая женщина, похожая на героиню романтического романа, миссис Рита де Акоста Лайдиг явилась истинным украшением первых десятилетий двадцатого века благодаря своему совершенству, которое практически

невозможно встретить со времен Возрождения». Благодаря сестре Мерседес познакомилась со многими знаменитостями того времени, начиная с Родена и Анатолия Франса и заканчивая Эдит Уортон и королевой Румынии Марией. Она подружилась с Пикассо, Стравинским, Сарой Бернар и другими знаменитостями.

В ее личной трагедии виновна мать. И странно, что Мерседес настолько любила свою эксцентричную аристократку-мать, что, и повзрослев, даже не упрекнула ее в неразумном отношении к ней самой. Все дело в том, что женщина страстно желала сына, которого собиралась назвать Рафаэлем, и потому звала дочь этим именем. Отец тоже не выказывал недовольства, когда видел, что его дочь всегда одета как мальчик. Мерседес признавалась, что до семи лет была убеждена, что она мальчик. Ее родители только поддерживали в ней это убеждение, отпускали ее играть наравне с мальчиками в мальчишечьи игры. Пока однажды не разыгралась трагедия. Кто-то из мальчиков прямо сказал Мерседес, что она девочка. И даже продемонстрировал почему…

В конце концов озадаченные родители отправили ее в монастырь, но монахиням не удалось сделать из дикарки барышню, ибо та просто-напросто сбежала. «Она продолжала отрицать свою принадлежность к прекрасному полу, объясняя это ошарашенным монахиням так: «Я не мальчик и не девочка, или же я и то и другое – я точно не знаю. А раз мне это не известно, то я никогда не буду принадлежать ни к тем, ни к другим и всю свою жизнь останусь одинокой»…»

У Мерседес одно время даже имелся небольшой револьвер, и она не раз представляла, что если жизнь станет невыносимой, то она сможет сунуть ствол пистолета в рот и «убрать себя с этой непонятной планеты». А ведь не будь глупого желания родителей превратить дочь в другое, можно сказать, даже противоположное существо, наверняка жизнь Мерседес не была бы полна такого глубокого драматизма.

Теперь понятно, почему горячая испанка оказалась на стороне ярых феминисток. Мерседес обожала Айседору Дункан, «поскольку та помогала женщинам сбросить с себя чулки и корсеты за ненадобностью и освободиться от многослойной одежды и ввела в моду босоножки».

* * *

В 1920-м Мерседес вышла замуж за художника-портретиста Абрама Пуля, но не позволила называть себя «миссис Пуль»; оттого все продолжали ее звать по-прежнему. «А как же ее

ориентация?» – спросит дотошный читатель. Дело в том, что эта особа переживала разные периоды ощущений себя самое. К примеру, в своих дневниках Мерседес писала так: «Какими словами мне передать то разнообразие личностей, которые сосуществуют в моей душе… <…> Во мне временами сосуществуют и мужчина, и женщина…»

И вновь за компетентным разъяснением обратимся к биографу Хьюго Виккерсу. Мерседес де Акоста была замужем по 1935 год. «Впрочем, замужество не мешало ей оказывать знаки внимания многочисленным дамам. По ее собственным утверждениям, даже в медовый месяц она прихватила с собой подружку. В этом отношении Мерседес не было равных. Элис Б. Токлас писала о ней следующее: «Одна знакомая как-то раз сказала мне, что от Мерседес не так-то легко отделаться, ведь ей принадлежали две самые знаменитые женщины в США – Грета Гарбо и Марлен Дитрих». Незадолго до своей кончины, в возрасте ста лет, Дики Феллоуз-Гордон, давняя подруга Эльзы Максвелл, вспоминала, как Мерседес часто хвасталась: «Я могу отбить любую женщину у любого мужчины», – и это далеко не голословное утверждение. Трумен Кэпот был одним из тех, кто восторгался смелыми любовными романами Мерседес. Трумен задумал нечто вроде игры, которую назвал Международной цепочкой Маргариток, – цель ее заключалась в том, чтобы «слить в любовных объятьях как можно больше людей, используя при этом как можно меньше постелей, – вспоминает искусствовед Джон Ричардсон. – Он частенько заявлял, что Мерседес – лучший козырь в игре. С ее помощью можно подобраться к кому угодно, будь то Папа Иоанн XXIII или Джон Кеннеди, – и притом в один ход».

…Как сильно изменился мир, если даже чуть ли не все писатели готовы называть разврат всего лишь дерзкими поступками страстных, мятущихся натур. Мерседес де Акоста вопрошала: «Кто из нас принадлежит только к одному полу?» Я бы ответила: подавляющее большинство людей; однако в том обществе, том высшем свете, в коем пребывала наша испанская героиня, подобный ответ, как мы видим, неприемлем. Многое ли изменилось с тех пор?

Глава 8
Постель – лучший козырь в игре!

Мерседес часто подчеркивала «интернационализм» своего ума; но интернациональными также были ее увлечения. И здесь невозможно обойтись без конкретной цитаты человека знающего: «Мерседес то и дело страстно увлекалась знаменитыми женщинами с непростыми характерами – итальянской дивой с трагическим лицом Элеонорой Дузе (впервые она увидела ее, проплывая в венецианской гондоле, когда ей было всего одиннадцать лет. Когда же Дузе скончалась в Питтсбурге, Мерседес похоронила ее в Доминиканской католической церкви на Лексингтон-авеню), русской балериной Тамарой Карсавиной, Айседорой Дункан – знаменитой танцовщицей, чья жизнь трагически оборвалась, когда конец ее шарфа запутался в колесе машины.

Мерседес впервые познакомилась с Айседорой в 1916 году и на протяжении их долгой дружбы нередко платила ее долги, а также отредактировала и опубликовала ее мемуары «Моя жизнь». „Немало дней и ночей мы провели вместе, – вспоминала Мерседес, – ели, когда испытывали голод, спали, если нас одолевала усталость, независимо от времени суток”».

Да разве о такой жене мечтал великий русский поэт, крестьянский сын, парень-рубаха с пронзительной душой?! Если б не было большевистского переворота в 1917 году, последующего уничтожения и разврата русского народа, Сергей Есенин никогда бы не встретил танцовщицу Айседору Дункан, никогда бы не женился на женщине, прозываемой им после «ведьмой»…

«Айседора часто танцевала для нее, а однажды, танцуя, напевала себе под нос что-то из «Парсифаля». В последний год своей жизни Айседора даже сочинила стихотворение, посвященное Мерседес. Написанное ее неразборчивым почерком, оно, в частности, содержит следующие строки:

Изящное тело, лилейные руки
Избавят меня от никчемных забот,
Белые груди, нежны и упруги,
Влекут мой изголодавшийся рот.
Два розовых, твердых бутона-соска
Заставят забыть, что такое тоска;
Мои поцелуи пчелиным роем
Колени и бедра твои покроют,

Вкушая нектар с лепестков
Столь сладких,
Что выпить готова я все без остатка.

Среди других женщин в жизни Мерседес были и Мари Доро, знаменитая актриса, открытая Чарльзом Фроманом». Впрочем, этот ряд неполон. «Одной из ранних подружек Мерседес была Бесси Мартери, приятельница декораторши Элси де Вольф, являвшейся также литературным агентом Герберта Уэллса, Сомерсета Моэма и Оскара Уайльда. Кроме того, благодаря ей Мерседес познакомилась с очередным ее романтическим увлечением, Аллой Назимовой, знаменитой русской актрисой».

Назимова – красавица с бездонными фиолетовыми глазами – приехала в Америку в 1906 году. В 1920-е годы ее дом стал пристанищем всех именитостей: в ее знаменитом доме-отеле «Сад Аллаха» проходили бурные вечеринки, планировались масштабные интриги, завязывались нужные связи, разбивались и возрождались сердца, утомленные любовью. Назимова скончалась в 1945 году. Ее отель пережил крах в черный для американского бизнеса 1929 год; а сама актриса вошла в историю как крестная Нэнси Рейган.

* * *

Ярким моментом среди бурных романов Мерседес де Акосты был роман с актрисой Эвой Ле Галльен. Когда они познакомились, Эве был двадцать один год, Мерседес – двадцать семь. Встреча произошла как раз накануне бракосочетания Мерседес с Абрамом Пулем, состоявшегося 11 мая 1920 года. Затем они снова встретились в ноябре 1921-го.

Эва Ле Галльен, родившаяся в 1899 году, была дочерью английского литературного критика и поэта Ричарда де Галльена (друга Оскара Уайльда) и его датчанки-жены, журналистки Юлии Норрегард. Родители Эвы разошлись в 1903 году, и ее детские годы прошли в Париже. В семь лет девочку привели на спектакль «Спящая красавица», в котором роль принца исполняла Сара Бернар, и в душе Эвы зародилось желание стать актрисой. Актерский дебют Эвы состоялся в Лондоне в 1914-м, а год спустя она отправилась в Нью-Йорк. Она получила свои роли и признание американской публики. И, как позже и Грета Гарбо, жила затворницей, предпочитая покой шумным дружеским посиделкам и ночным бдениям в многочисленных клубах. О

подобных сомнительных развлечениях ее подруга Мерседес напишет: «Теперь трудно понять, что мы находили во всем этом хорошего. Полагаю, что это был недавно открытый нами соблазн однополой любви, которая после войны пышным цветом расцвела в ночных клубах и кабаре, где молодые люди одевались, как девушки. Эта любовь, как и спиртное, была под запретом и нередко влекла за собой полицейские облавы, отчего запретный плод казался еще слаще. Молодежь взбунтовалась, ей ничего не стоило обвести власти и полицию вокруг пальца, и это только придавало ощущениям особую остроту».

Некоторое время Эва пребывала в заблуждении, брак Мерседес с Абрамом казался ей истинным, порядочным, почти незыблемым. Однако все кончилось в одно мгновение, когда женщины остались наедине… «Безраздельно отдавшись Мерседес, Эва приходила в ужас от одной только мысли, что может ее потерять. Она писала, что мысль об Абраме или ком-то еще в объятиях подруги была для нее просто невыносима».

Самое смешное, что когда Мерседес приболела, Абрам Пуль известил телеграммой любовницу жены – Эву. А тут еще появилась прежняя подружка Мерседес Билли Маккивер. «Это была жительница Нью-Йорка, дама без предрассудков, происходившая, впрочем, из весьма консервативной семьи. Мерседес написала о ней следующие строки: «Она подобна ртути… дерзкая, необузданная, было в ней нечто «восхитительно потустороннее».

Вскоре после выздоровления Мерседес отплыла на борту «Олимпика» в Европу. А через два дня любящая и ревнующая Эва отправилась вслед за Мерседес на борту «Мавритании». Они ездили по великолепным городам, любуясь архитектурой и друг другом, останавливались в роскошных отелях. Пока не пришла пора Эве уступить место Абраму. Все это кажется слишком забавным.

И далее все продолжалось как в плохом романе: мучения, страсть, ревность, расставания, новые объятия и нежные слова.

Уже дома, на американском континенте, Мерседес, длившая свое прерывистое влечение русской актрисой Аллой Назимовой, подружилась с Павловой и Карсавиной, и троица вместе развлекалась в Нью-Йорке. Так продолжалось еще какое-то время: «Эва колесила по стране с гастролями, а Мерседес крутила новые романы, развлекалась и строила новые планы». Стройная, подвижная, наделенная острым умом испанка продолжала приковывать к себе взгляды своими огромными черными глазами и густыми каштановыми волосами.

Тянувшийся три с половиной года роман Эвы и Мерседес

наконец завершился. Его завершение ускорил тот факт, что у Мерседес появился новый приятель – молодой драматург Ноэль Кауэрд. Он с помощниками приехал в США для постановки некоей «изощренной пьесы о наркотиках». Наверное пьеса имела успех, коль имя драматурга стало известным в Америке.

Полагают также, что разрыву Мерседес с Эвой поспособствовали финансовые авантюры. «Мерседес втянула ее в две авантюры, закончившиеся провалом. Самый длительный разрыв имел место, когда Эва познакомилась с Элис Деламар, наследницей значительного состояния. Мерседес намеками, однако с горечью, упоминает в своих мемуарах, что одно жизненное обстоятельство в течение сезона «Сивик Репертори Тиэтр» как раз и снабдило ее необходимыми для этого средствами. Разумеется, здесь не обошлось без финансовой поддержки со стороны Элис, а также финансиста Отто Кана. Отношения с Деламар позднее еще более упрочились, после того как Элис приобрела участок земли в Вестоне, штат Коннектикут, а Эва поселилась неподалеку».

После марта 1926 года Эва и Мерседес практически не общались.

…В конце лета 1925 года, вскоре по возвращении из Европы на борту «Маджестик» вместе с Эвой и драматургом Ноэлем Кауэрдом, Мерседес получила записку от знакомого фотографа Арнольда Гента; в записке говорилось, что он снимает портрет самой прекрасной из когда-либо виденных им женщин и хочет, чтобы Мерседес тоже познакомилась с ней. Речь шла о Грете Гарбо.

Глава 9
«Чтобы понять Грету, вам надо понять север»

В 1930-м Гарбо снималась в фильме «Мата Хари» (вышел на экраны в конце 1931 г.). Ее близкая подруга Мерседес де Акоста считала сценарий неудачным по той причине, что была хорошо знакома с прототипом киноленты. Мата Хари в свое время была любовницей Фила Лайдига, деверя Мерседес. Конечно же, Гарбо внешне мало походила на Мату Хари, к тому же ее партнер по фильму Рамон Новарро был слишком мал ростом, и это бросалось в глаза.

Гарбо понравилась Мерседес лишь в заключительной сцене расстрела.

«В длинной черной накидке, с гладко зачесанными назад волосами, с напряженным выражением лица, она никогда еще не выглядела столь прекрасно и столь трагично».

В 1932 году, вскоре после завершения работы над картиной «Гранд-отель», Гарбо перебралась жить к Мерседес. В том же 1932-м актриса снялась в фильме «Если ты желаешь меня», а после вдруг бросила все, уехала в Нью-Йорк, а затем домой, в Швецию.

Это произошло вскоре после ее встречи с Сесилем на вечеринке у Гулдингов, к тому же все это время она ссорилась со своей возлюбленной Мерседес.

Мерседес писала о поступке подруги так: «Чтобы понять Грету, вам надо понять Север. И пусть оставшиеся годы она проведет в южном климате, все равно останется северянкой, со свойственными Северу трезвостью ума и замкнутостью. Чтобы понять ее, вы должны по-настоящему понять ветер, дождь, угрюмое, низкое небо. Она создана именно из этих стихий, в прямом и переносном смысле. В этой своей инкарнации она до конца своих дней останется «ребенком викингов», которому не дает покоя мечта о снеге».

После отъезда Гарбо Мерседес тесно сошлась с Марлен Дитрих, которая буквально засыпала ее дом букетами роз.

А произошло все тоже банально. Сесиль Битон, находившийся на тот момент в Голливуде, как-то пригласил Мерседес провести с ним вечер на концерте знаменитого немецкого танцора Харальда Кройцберга.

Темноволосая и темноглазая Мерседес надела белые брюки,

белую водолазку и белое пальто. Когда они с Сесилем заняли свои места, Мерседес тут же заметила впереди привлекательную блондинку, бросившую в ее сторону робкий, но призывный взгляд.

То была 31-летняя Марлен Дитрих – необузданно-сексуальная и соблазнительная актриса, получившая прозвище «женщина-вамп»

* * *

В эти же годы друг Гарбо – фотограф Сесиль Битон, вымученный любовной лихорадкой к Питеру Уотсону, любовнику дизайнера и декоратора Оливера Месселя, тоже пытался наладить свою жизнь. В какой-то момент неприступный, пренебрегающий словами и чувствами воздыхателя Питер посоветовал тому обзавестись любовницей.

«Сесиль так и поступил, – сообщает Виккерс, – совершив очередную вылазку на «гетеросексуальную почву», где завел роман с блистательной виконтессой Каслросс, которая, пребывая в высокомерном неведении, полюбила его всей душой и, как следовало ожидать, соблазнила в комнате, наполненной ароматом тубероз, в Фарингдоне – эксцентричном оксфордширском поместье эксцентричного пэра лорда Бернерса. Озадаченные гости этих стен, немало повидавших на своем веку, поднялись наверх, чтобы подслушать под дверью.

«О боже, боже, боже!» – доносилось восторженное восклицание Сесиля из святая святых – спальни Дорис. Она соблазнила Битона вкусить запретный плод, а чтобы он не слишком переусердствовал, заставляла думать в момент любовного акта о бракосочетании собственной сестры. Этот роман весьма позабавил лондонское общество, и однажды вечером лорд Каслросс, обедая в ресторане, заметил Сесиля в обществе своей бывшей супруги. «Вот уж ни за что бы не подумал, что Дорис лесбиянка», – заметил он.

Помимо этого, Сесиль оказался в постели еще с одной женщиной, Лилией Ралли, подругой детства югославской принцессы Ольги и ее сестры, герцогини Кентской. Эта дама тоже была без ума от Сесиля, с которым на протяжении всей своей жизни оставалась в близких отношениях.

Кстати, этот роман положительно сказался на карьере Битона, поскольку ему приходилось снимать семейство Кентов, принцессу Ольгу, а вскоре после этого и королеву Елизавету – впоследствии королеву-мать».

И если на родине, в Англии, Сесиль пытался вести себя чуть благопристойней, то попадая в Голливуд, крутил сиюминутные романы (из самых известных в тот период нам называют актера Гэри Купера). Также Сесиль часто отправлялся на оргии в турецкие бани.

О Сесиле Битоне ходило множество слухов, вернее, о его любовных подвигах.

После случая с актрисой Корал Браун его прозвали чересчур пылким. Однажды тот получил заказ сфотографировать актрису и, к величайшему удивлению последней, набросился на нее прямо в театральной гостиной.

Когда же в дневниках Сесиля появились заметки, касающиеся его романа с Гарбо, Корал заметила: «Все до единого в Голливуде покатываются над ним со смеху…».

Во взаимоотношения Сесиля и Корал Браун неожиданно влезла секретарша фотографа Мод Нельсон – лесбиянка, которая принялась распространять слухи-сплетни. Меж тем у Корал был мужчина, отношениями с которым она дорожила, и в какой-то момент она решается на самоубийство, лишь бы пресечь все негативные домыслы. Но все в конец концов обошлось, и актриса даже подумывала о том, чтобы перенести пережитую ей драму на экран.

И пока Грета Гарбо пряталась от мира на родине, популярность Сесиля Битона у представителей обоего пола только росла…

Глава 10
Начало великой эры женских брюк

Сразу после съемок в 1932 году Гарбо на целых восемь месяцев скрылась в Швеции. Репортеры откопали Гарбо в ее «убежище», что находилось в часе езды от Стокгольма, – актриса уединилась от мира в лесу на роскошной вилле с видом на озеро.

Воспользовавшись примерами из книг биографов Греты Гарбо, мы прочтем, что же шведка рассказывала журналистам. Этот искренний монолог – надо заметить, редчайший – хорошо характеризует настоящую сторону актрисы, вовлеченной в неблаговидные связи, «светские» интриги и финансовые делишки.

«Многие люди утверждают, что я задавака и ко мне не подойти с вопросом, – и все из-за того, что я не «оголливудилась», что не общаюсь с остальной киношной братией. Это вовсе не соответствует действительности. Единственная причина того, почему я предпочитаю уединение, заключается в том, что мне необходимо восстановить силы после напряженной работы, иначе я просто не смогу сниматься дальше. Не стану спорить, мне доставляет большее удовольствие прочитать какую-нибудь увлекательную книгу, чем тратить попусту время на вечеринки. Всем моим настоящим друзьям это прекрасно известно. А если у вас есть хорошее радио, с которым вы мысленно можете совершать кругосветные путешествия, то у вас есть все основания быть довольной жизнью. Моим величайшим желанием всегда было обретение внутренней гармонии. Знаете, ведь и у кинозвезд бывают проблемы, пусть даже не материальные, – но разве у нас, как и у всех, нет души?

Знаете, я давно уже не испытывала подобного удовольствия, как в эти месяцы, пока жила в Стокгольме. Это было просто изумительно! Как-то раз вечером я пошла на собрание, организованное «Армией спасения». Моя мечта – сыграть в картине девчушку из «Армии спасения». По-моему, существует немало тем, из которых хороший сценарист при желании может сделать конфетку. Как-то раз я также посетила Риксдаг, чтобы послушать дебаты. Это тоже показалось мне ужасно интересным, хотя из этого вряд ли получится фильм. Я посетила немало лекций. Я была в восторге, что меня никто не узнает. Ведь случись мне быть узнанной, как вся прелесть этого вечера попросту пошла бы насмарку.

Я бесконечно счастлива – возможно, главным образом потому, что как никогда хорошо себя чувствую. Уже давно я не

испытывала такого прилива сил».

И, значит, права была ее подруга-поэтесса, обозначившая: чтобы понять Грету, нужно понять Север…

Гарбо возвратилась из Швеции в апреле 1933 года. Первым ее порывом было возобновление отношений с Мерседес. Она написала ей письмо с борта судна, на котором плыла, и вот уже Мерседес занята только тем, чтобы быстро подыскать для подруги новое жилье. Эту новость Мерседес де Акоста сообщила письмом своей новой подружке – Марлен Дитрих, прибавив, что Грета должна сняться в фильме «Королева Христина» у режиссера Рубена Мамуляна.

Возвращение кинодивы не помешало Мерседес любить других. В письме к Марлен Мерседес откровенничает: «Постараться объяснить, какие чувства я испытываю к Грете, было бы просто невозможно, поскольку подчас я не понимаю самое себя… Мой разум видит реальность – человека, девчонку-служанку из Швеции, с лицом, которого с любовью коснулся творец, заинтересованную исключительно в деньгах, собственном здоровье, сексе, пище и сне. И все же это лицо обманчиво, и моя душа пытается воплотить ее образ в нечто такое, чего не приемлет мой разум. Да, я люблю ее, но я люблю созданный мною образ, а не конкретного человека из плоти и крови…»

И, славно выполняя традиции развратных Маргариток (помните, один из дружков Мерседес придумал нечто вроде игры, которую назвал Международной цепочкой Маргариток, – ее цель в том, чтобы «слить в любовных объятьях как можно больше людей, используя при этом как можно меньше постелей»), писательница предлагала ревнивой Марлен Дитрих: «Я приведу к тебе в постель кого ты пожелаешь! И вовсе не потому, что я недостаточно люблю тебя, а потому, что люблю всей душой!» Да уж, странная любовь была у этих барышень…

* * *

Мерседес, страдающая от депрессии и жутких головных болей, как-то в припадке ярости мчась по дороге, попала в аварию, вылетела из машины и ударилась головой. Проведя в больнице продолжительное время, она не переставала писать письма той и этой подругам, сочинять сценарии для будущих фильмов, в которых бы снялась Грета.

Когда кризис болезни миновал, Мерседес повела Грету в один их небольших магазинов-ателье, в котором работал великолепный портной мужской одежды. Грета получила в

подарок вельветовые брюки, в которых и появилась на людях. Этот момент удалось запечатлеть папарацци, и снимок стал достоянием общественности.

Этот момент – с подачи Мерседес – считается началом мужских вещей в женском гардеробе. Конечно же, это преувеличение; брюки в гардероб женщины уже успешно ввела Коко Шанель – великая кутюрье, чье телосложение походило на мальчишечье и которая также обожала штаны, ибо, помимо всего прочего, увлекалась конным спортом.

Любопытно, что пока Гарбо была в отпуске на родине, Мерседес приводила к этому портному свою подружку Марлен, и та заказала у него аж шестнадцать комплектов мужской одежды.

Вот строки из мемуаров Мерседес де Акоста: «С той секунды женщины всего мира натянули на себя брюки. Это стало началом Великой Эры Женских Брюк! Боюсь, что я и есть та самая виновница, которая дала всему этому толчок. Толстые и худые, высокие и низкорослые, молодые и старые, женщины во всем мире решили, что, облачившись в брюки, они будут смотреться не хуже Марлен (ее фото в этом предмете гардероба также было напечатано в журналах. – Авт.). Каждое ее фото, которое появлялось в печати, влекло за собой продажу новой тысячи пар брюк, и магазины просто захлебывались от покупательниц. Война, разразившаяся несколько лет спустя, распространила эту моду дальше, так как женщины, занятые на военных работах, все до одной переоделись в брюки».

Даже полностью отойдя от дел, пребывая в глубоко престарелом возрасте, Грета признается журналистам, что носит только брюки и свитер с высоким горлом. «Я привезла из Нью-Йорка шестнадцать брюк. В моем чемодане вы не найдете ни одного платья или юбки. Я горжусь, что ввела в женскую моду рубашки-поло и заинтересовала ими женщин. Кэтрин Хепберн помогла мне в этом. Не скрою, что борьба женщин за право носить брюки доставила мне большое удовольствие. Они явились здоровой альтернативой традиционному женскому костюму».

* * *

Весьма примечательна и история развода подруги Греты Гарбо – испанки Мерседес.

Давно оставленный ею на произвол судьбы муж Абрам Пуль в 1935 году наконец решает подать на развод. Его гулящая напропалую супруга объяснила, что… впрочем, дадим ей слово. «Я искренне была привязана к нему и глубоко переживала, что он

одинок. Зная, что Абрам неравнодушен к одной манекенщице, я написала ему письмо, в котором предложила ему сделать ее своей любовницей. Он почему-то воспринял это предложение совершенно неправильным образом и прислал мне в ответ разгневанное письмо, в котором обвинял меня в полном отсутствии моральных принципов. Однако вскоре после этого до меня дошли сведения, что он уже давно воплотил в жизнь мое предложение»; «Ведь, в конце концов, мы любили друг друга. Мы были друзьями и прожили вместе пятнадцать лет. А то, что наши интимные отношения уже давно утратили ощущение новизны, разве могло служить поводом к разводу?»

Как мог супруг пенять жене на «полное отсутствие моральных принципов», если эта женщина никогда даже не знала, что это вообще такое…

Искательница приключений, поссорившись с мужем, отправилась в длительное путешествие по Европе с посещением Парижа и прочих примечательных мест. В Италии она гостила в женском монастыре; в Австрии – в поместье у Элеоноры фон Мендельсон.

Вернувшись в Нью-Йорк, путешественница получает телеграмму от Греты, которая приглашает ее в Стокгольм: «Я жду тебя к обеду в следующий вторник, в восемь часов вечера в обеденном зале „Гранд-отеля”». Понятное дело, Мерседес прибыла вовремя. «Обед состоялся, как и было запланировано: «вечер прошел в сентиментальной атмосфере», с икрой, шампанским, под оркестр, исполнявший любимые мелодии. После этого Гарбо и Мерседес отправились погостить с графом и графиней Вахмаистер, и Гарбо свозила подругу взглянуть на домик, в котором она родилась.

«Она (Грета) не стала ничего рассказывать. Мы просто немного постояли молча. Я была ужасно растрогана. Растрогана потому, что вижу дом, где она появилась на свет, и потому, что она привезла меня сюда. Я знала, что этот жест многое для меня значит. Когда мы отправились в обратный путь, никто из нас не проронил ни слова»…»

В конце 1935 года женщины покинули холодную Швецию, чтобы прибыть в Голливуд. Гарбо предстояло сняться в «Анне Карениной». Сюжет этого фильма, как мы помним, был ее любимым, был самым близким и трогательным для ее северной души.

На следующий год Грета Гарбо снялась в «Камилле» Джорджа Кьюкора.

Глава 11
Леопольд Стоковский. Несостоявшийся жених

В конце 1937 года на американские экраны вышел фильм под названием «Завоевание» – это была героическая и вместе с тем трогательная картина о любви Наполеона и его возлюбленной Марии Валевской (роль Наполеона сыграл Чарльз Бойе).

Незадолго до начала съемок фильма Грета Гарбо познакомилась с мужчиной, занявшим в ее жизни важное место. Им стал дирижер Леопольд Стоковский («Стоки»), приехавший в Голливуд специально для работы в фильмах.

Актриса и дирижер повстречались на званом обеде в доме Аниты Лоос в Санта-Монике, а спустя всего несколько месяцев отправились в совместное путешествие по Европе. Первую свою остановку они сделали на вилле Чимброне в Равелло, на побережье Италии. Не удивительно, что газеты запестрели первополосной новостью: суперзвезда выходит замуж, «гип-гип, ура!» скоро брачующимся…

Пришлось Гарбо разочаровать слишком ретивых писак; в опровержении, сделанном актрисой по поводу предстоящего брака, говорилось: «Ни о какой свадьбе не может быть и речи, по крайней мере в ближайшие два года, из-за моих контрактов в Голливуде и творческих планов. После чего я снова стану обыкновенной женщиной и в частной жизни вольна делать что угодно. Надеюсь, что обо мне позабудут и репортеры наконец-то перестанут беспокоить меня».

Гарбо и ее новый возлюбленный провели в путешествии несколько месяцев, напоследок посетив родные места Греты. Это свидетельствовало об особом доверии актрисы. В Швеции они остановились в поместье, незадолго до того приобретенном Гарбо (к этому времени актриса владела немалой недвижимостью, в том числе и в США).

Непонятно, почему не сложился этот союз (а может, наоборот, слишком понятно, и дирижер, в котором преобладало здравое начало, отвергал распущенность), но вскоре после описываемых событий Леопольд Стоковский женился на Глории Вандербильт.

* * *

Разочарованная шведка находит для себя новую отдушину и присматривается к партнеру по съемочной площадке – актрисе Ине Клэр.

В 1939 году обе девушки задействованы в комедии «Ниночка». Гарбо, понятное дело, блистала на первых планах, тогда как роль Ины Клэр, которая играла великую герцогиню, пришлось изрядно урезать, чтобы та не заслоняла собой Грету. В последующие годы Ина Клэр не раз признавалась, что Гарбо горела желанием сойтись с ней, но она твердо дала понять, что не допустит ничего подобного, мол, непристойное поведение – не ее стезя.

В сентябре 1939 года началась Вторая мировая война в Европе. Когда началась война, Грета Гарбо все еще находилась в Голливуде, работая над фильмом «Ниночка». Мерседес, наблюдавшая за работой подруги, так описала ее состояние:

«Грету было не узнать. Она, как и прежде, регулярно заходила за мной после съемок, и мы отправлялись бродить по холмам. По крайней мере, я неторопливо прогуливалась, а она летела вприпрыжку. Она то и дело смеялась и повторяла один и тот же вопрос: «Почему?» – так, как она делала в фильме… Она изображала для меня сцены из картины. Казалось, будто в один прекрасный день она действительно превратится в Ниночку. Я смотрела на нее словно завороженная, наблюдая за тем, как веселая роль, вместо привычных печальных, целиком и полностью изменила все ее существо».

Не потому ли эта роль, хоть и принятая публикой с прохладцей, стала на всю жизнь любимой ролью самой Греты Гарбо… к тому же пройдет совсем мало времени – и великая Гарбо навсегда покинет кинематограф…

«Мой самый любимый фильм – «Ниночка». Благодаря Любичу получилась замечательная комедия. Я так устала от всех этих роковых женщин, что восприняла фильм как отдушину. Кстати, мало кто верил, что Гарбо может играть в комедии», – многие годы спустя разоткровенничается звезда. – Всего несколько человек в Голливуде понимали мои проблемы. К их числу принадлежал и Любич. Как и я, он был эмигрантом и говорил по-английски со страшным акцентом. И вот в «Ниночке» мне предстояло сыграть сцену, где моя героиня произносит несколько грубых слов. Например, там была такая реплика: «Вот пну тебя под зад». Едва прочитав сценарий, я выразила протест руководителям студии. Видимо, они думали, что если фильм не будет вульгарным, то не вызовет интереса. А может быть, они полагали, что моя героиня, русская комиссарша, должна выражаться только таким образом. Одним словом, когда пришла

пора произносить эту реплику, я от смущения выскочила из павильона и, забившись в угол, дала волю слезам. Потом кто-то вошел и по-отечески положил мне на плечо руку. «Маленькая девочка, ты права. Не плачь!» Услышав этот акцент, я поняла, что передо мной Любич. Вечером он позвонил мне домой и согласился, что женщина не должна говорить таких слов».

«На протяжении военных лет, – констатирует Хьюго Виккерс, – Мерседес большую часть времени оставалась в Голливуде, где нашли пристанище такие выдающиеся личности, как Стравинский и сэр Чарльз Мендль со своей супругой Элси де Вольф. Однако работа перепадала ей не так уж часто, а затем Мерседес и вообще вызвала к себе некоторую неприязнь тем, что наняла экономку-немку. Поэтому, когда Мерседес узнала, что Бюро военной информации издает в Нью-Йорке пропагандистский журнал «Победа», она обратилась туда с просьбой предоставить ей редакторскую работу и вскоре перебралась в Нью-Йорк, поселившись в доме № 471 на Парк-авеню. Ее прибытие совпало во времени с переездом Гарбо в расположенный напротив отель «Ритц», и подруги частенько обменивались световыми сигналами, несмотря на строгие предписания военного времени. Мерседес продолжала писать пьесы, в том числе и «Мать Христа», к которой Стравинский впоследствии сочинил музыку».

Можно справедливо сказать, что военные годы стали малоуспешными как для Греты Гарбо, так и для ее приятельницы Мерседес де Акосты.

В эти годы Мерседес побывала в Польше, в Индии, дважды съездила во Францию, «расширив тем самым круг своих романтических увлечений», однако, как констатировали историки литературы и кино, ее творческая карьера пошла под уклон, «как, впрочем, и ее здоровье и уровень терпимости к ней ее друзей».

Глава 12
Гейлорд Хаузер. Супруги Шлее. Пострадать от соблазна

Незадолго до начала 40-х годов Мерседес познакомила свою подругу Гарбо с Гейлордом Хаузером. Встреча послужила началом бурного, но скоротечного романа.

Нет ничего удивительного, что этот господин появился в ряду многочисленных знакомых испанки, ведь Гейлорд был своего рода народным лекарем, проповедником здорового образа жизни. Мерседес, страдавшей от частых головных болей, он советовал долгие изнурительные прогулки, могущие непременно избавить ее от физических страданий.

Связь Гарбо и Хаузера не могла длиться долго, слишком разными темпераментами они обладали. К примеру, когда Хаузер рвался на очередную премьеру или вечеринку, его пассия заставляла его сидеть в ее обществе дома взаперти. Но Гейлорд Хаузер не для того подбирался к голливудской публике, чтобы о нем так скоро забыли в обществе, – и все из-за этой знаменитой затворницы, которую он звал «миледи»…

В первое время он еще всеми силами стремился развеять ее меланхолию, изгнать ее чувство одиночества. В 1939 году он писал Мерседес: «„Миледи” опять впала в очередную полосу депрессии и не в состоянии делать что-либо, что, впрочем, может служить объяснением, почему она мне не позвонила. Надеюсь, что к тому времени, как ты получишь это послание, она уже даст о себе знать…»

Как-то Хаузер, будучи в Нью-Йорке, притащил Грету в «Шерри-Нидерланд-отель» – модный магазин дизайнерской одежды, принадлежавший русской по имени Валентина. Весьма примечательно, что, прежде чем стать успешной, Валентина предпринимала несколько попыток обзавестись своим делом. Так вот одно из ее первых предприятий потерпело крах, потому что подвел партнер. Благодаря одному из друзей она сумела выбраться из бедственного положения. И кто бы мог быть этим благородным рыцарем? Да, как узок круг сих служителей прекрасного вожделенного… К счастью, на помощь Валентине пришел уже упоминаемый дирижер Леопольд Стоковский.

Но вернемся к моменту появления в магазине модистки актрисы Греты Гарбо.

Муж Валентины, Джордж Шлее, в тот момент оказался в

магазине и был сильно поражен, когда увидел, как клиентка его супруги, готовясь к обыкновенной примерке, сняла с себя всю одежду. О том, что Гарбо осталась в магазине в чем мать родила, свидетельствовала нью-йоркская журналистка Элеонора Ламберт, сопровождавшая актрису и ее друга.

Прием соблазнительницы сработал. Грета и Валентина «подружилась», и Джордж Шлее не раз сопровождал обеих женщин на какую-нибудь вечеринку, причем «обе были одеты в совершенно одинаковые синие матросские костюмы».

* * *

Кем же были Валентина и ее супруг Джордж Шлее? Биографы Гарбо раскрыли их частную жизнь, обнаружив корни этих людей в дореволюционной России.

Адвокат Георгий Матвеевич Шлее, коего в США прозвали на американский манер Джордж Маттиас Шлее, был интеллигентен, образован, пользовался уважением в литературных и художественных кругах. Впрочем, некоторые знавшие этого человека находили его крайне неприятным внешне, даже чрезвычайно уродливым.

Шлее родился в Санкт-Петербурге 1 июня 1896 года в зажиточной семье. Гонимый большевистской революцией на юг, он оказался в Севастополе, где сотрудничал с местным университетом и издавал газету. Затем служил в Белой гвардии (ходили слухи, будто к 1921 году он дослужился до генерала). Слухи же приписывали ему связь с четырнадцатилетней сиротой Валентиной Саниной, которую он приютил и с которой вместе покинул гибнущую Россию. «С длинными огненно-рыжими волосами, она была красива неземной красотой».

Валентина Николаевна Санина родилась в Киеве примерно в 1899 году. Это была глубоко религиозная и суеверная женщина. Она верила, что ее род ведет свое происхождение от самой Екатерины Великой, – так это или нет, никому достоверно не известно. До роковой встречи с будущим супругом Валентина училась драматическому искусству в Харькове.

Вот как все происходило, по ее словам: «Мой муж сказал, что хочет на мне жениться, на что я ответила ему: «Я не обещаю тебе любви. Я не знаю, что это такое – любить кого-то, но если тебе нужна моя дружба, что ж, я готова выйти за тебя замуж». И он ответил: «Если ты выйдешь за меня, то я до конца своих дней буду о тебе заботиться». Что он и делал на протяжении двадцати двух лет…»

Супруги Шлее бежала из России сначала в Грецию, а когда кончились бриллианты, обеспечивавшие им нормальную безбедную жизнь, они отправились дальше, в Рим, а затем в Париж. Шлее организовал популярное ревю «Russe», а Валентина снялась в одном из фильмов в роли ангела. В 1923 году супруги вместе со своим театром отправились в Америку.

Одной из первых, с кем познакомилась Валентина по ту сторону океана, была вездесущая Мерседес, которая опишет эту сцену так: «Когда мы познакомились с ней, у нее были пышные рыжие волосы, такие длинные, что, когда она их распускала, они волочились по полу. Она обычно носила их, собрав в огромный узел на затылке, хотя я несколько раз видела, как она обматывает их вокруг шеи наподобие золотого воротника. В тот вечер, когда мы с ней познакомились, она была вся в черном и вид у нее был просто потрясающий. Она мне сразу понравилась и Джордж тоже, и, как мне кажется, мы почувствовали друг к другу симпатию».

Муж Мерседес, Абрам Пуль, очарованный колоритной внешностью новой знакомки, написал два портрета Валентины – один в полный рост, другой по пояс.

Очутившись в Нью-Йорке, Валентина принимала участие в одной из постановок, но позже разочаровалась, оставила сцену и увлеклась миром моды. Ее новое начинание получило название «Платья от Валентины». Кто-то из мира театра и кино как-то обмолвился, что ничто не смотрится столь величественно, как простое платье от Валентины.

«По мнению Валентины, человеческое тело сродни механизму, а ведь все механизмы различны. И тогда у нее зарождались идеи, что и как надо изменить. Валентина терпеть не могла, когда что-нибудь сковывало движения, и поэтому обожала глубокие декольте или же небольшие капюшоны»; «Валентина служила себе самой лучшей рекламой – „она носила платья так, что другим тоже хотелось примерить их на себя”».

Валентина шила платья исключительно на заказ; она одевала таких великих звезд своего времени, как Кэтрин Хепберн, Глория Свенсон, Мэри Мартин, Норма Ширер, Полетт Годар, Розалин Рассел и др. Излюбленными цветами русского дизайнера были «земляные» оттенки белого, желтые (от шартреза до охры), оливково-коричневые, зеленые и черный. Она также обожала стилизацию под яркий, богатый халат мандарина. Платья, которые она предлагала носить клиенткам, чаще всего плотно прилегали к телу, сообщая женщине грациозную утонченность и сексуальность.

Валентина делала особый упор на простоту, и ее повседневная одежда состояла из накидок, юбок и блуз.

«Простоте не грозит изменчивость моды, – емко сказала модистка в конце 40-х годов. – Шикарные женщины до сих пор носят платья, сшитые у меня в 1936 году… Шей с расчетом на целый век. Позабудь, какой на дворе год».

К 40-м годам XX века чета Шлее достигла в нью-йоркском обществе уже известного веса: они пользовались признанием, были богаты. Жили же в просторной квартире на четырнадцатом этаже дома № 450 по Пятьдесят Второй Восточной улице; этот район считался престижным. Через какое-то время своего пребывания в этом городе Грета Гарбо поселилась в этом же доме, но несколькими этажами ниже супругов Шлее. «Ее жизнь была наполнена нескончаемыми путешествиями, встречами, спортивными упражнениями, метаниями от одного «таинственного рандеву» к другому». Как оказалось, квартира на 52-й Восточной улице, в которую Гарбо переехала в 1953 году, стала ее последним американским пристанищем.

Весной 1946 года Сесиль встретил Гарбо в Нью-Йорке на вечеринке, которую давала редактор журнала «Вог» Маргарет Кейс. Актриса появилась там в обществе Джорджа Шлее. И если ее увлечение рыжеволосой Валентиной вполне понятно, то вызывает некоторое недоразумение связь актрисы с пожилым Джорджем. «Я никак не мог уразуметь, как это ему удавалось, но он обладал над Валентиной и Гарбо безграничной властью», – с нескрываемой завистью высказывался один доброжелатель. «Шлее – просто проходимец», – констатировал другой. «А потом там была еще Мерседес де Акоста. Гарбо по отношению к Мерседес была тем же, кем Шлее – по отношению к ней самой. Мерседес была всей душой предана Гарбо, в то время как та обращалась с ней точно так же, как Шлее обращался с ней».

Глава 13
Джордж Шлее. Вкус любовного скандала

И коль мы попали вместе с великосветской публикой на прием, устроенный редактором журнала «Вог» Маргарет Кейс для узкого круга друзей, то присмотримся к тому, что же там происходило. Главной изюминкой вечера была дегустация икры, доставленной прямо из России по заказу одного из магазинов деликатесов. Водка лилась рекой. Сесиль, который не видел Гарбо более десяти лет – с 1932 года, был «поражен тем, как ей удалось сохранить свою красоту». Гарбо протянула старому другу угощенье, сказав: «Когда ты видел меня раньше, я еще не красила губы». Грете Гарбо идет 42-й год.

Как настоящий эстет и фотограф Сесиль стал внимательно разглядывать былую пассию. Она похудела, отчего нос слегка заострился, а когда она улыбалась ему, то на ее лице появлялись мелкие морщинки. «Все та же красота пепельных «мышастой масти» волос никуда не исчезла, но вот худые руки слегка увяли, щиколотки и ступни стали какие-то шишковатые. И никакого шика. Шляпа, как у кукольного Пьеро, рубашка, как у разбойника с большой дороги. Потрясающие голубые глаза и веки; чистая радужная оболочка глаз. Былая красота».

Впрочем, и «былая красота» так проняла Сесиля, что он вывел актрису на крышу террасы, где они долго-долго болтали и страстно целовались. «Она все говорила и говорила, тараторила без умолку, как расшалившееся болтливое дитя, – словно пытаясь тем самым защитить себя от той неловкости, которую наверняка испытывала, слушая те глупости, которые я бормотал, одновременно нащупывая бугорки ее позвоночника, вдыхая свежий аромат ее щек, мочек ушей и волос».

Далее произошло совсем неожиданное – Сесиль Битон «несколько скоропалительно предложил Гарбо руку и сердце». Обратившись за цитатой к Виккерсу, мы узнаем следующее: «В ответ та заявила: «Моя постель слишком мала и целомудренна. Я ее ненавижу. Я ни разу не думала о ком бы то ни было как о возможном супруге, но в последнее время я частенько задумывалась о том, что годы идут и все мы становимся все более одиноки и что я, возможно, совершила ошибку – пошла не по тому пути».

Сесиль тотчас же уцепился за эту мысль:

– Да, но почему бы тебе не выйти замуж за меня?

Гарбо, что, впрочем, и неудивительно, не ожидала такого напора.

– Господи, – сказала она. – По-моему, тебе не стоит столь легкомысленно бросаться словами».

Много позже, когда они будут по разные стороны морей и континентов, Сесиль Битон, замученный постоянным молчанием и небрежением женщины, в которую он вдруг заново влюбился, пришлет ей письмо, где будут такие строки: «Ты помнишь, как я в третий раз во время нашей встречи сказал тебе, что хотел бы на тебе жениться, и ты сказала, что это весьма легкомысленное заявление с моей стороны, – но это не так, всегда было не так. Неужели тебе непонятно, что мы созданы друг для друга. Я знаю, что не буду счастлив до тех пор, пока ты не сделаешь из меня честного человека. Ты не забыла об этом? Ты помнишь, как сама сказала мне, что хочешь поведать один секрет, и я почувствовал себя таким маленьким и неопытным и стыдился самого себя из-за этого секрета».

Но даже это притворство, эта эротичная игра в слова не тронет ее угрюмого, углубленного в себя самое сердца.

Однако итог их страстных объятий и воспоминаний в тот весенний вечер 1946 года был весьма внушителен, если не для них самих, то для истории кино уж точно. Благодаря той встрече на свет появилась целая фотосессия, устроенная Битоном для Греты, давшей согласие на съемку. «Бесценнейшая коллекция», – называл фотографии сам Сесиль.

В своих книгах фотограф так описал эти редчайшие фотосъемки звезды: «Она неподвижно застыла у стены. Затем я начал давать команды: «Будь добра, поверни голову в эту сторону, теперь в ту, а теперь – в профиль». Гарбо, по натуре великая притворщица, постепенно прониклась духом этого представления. Она устроила прекраснейший немой спектакль. Выражение ее лица полно жизни и на каждом снимке неповторимо. Гарбо – замечательная актриса. Это воистину ее стихия; она просто не мыслит себя без игры. Это было небольшое импровизированное представление. Фотографии получились просто чудо. Это прекрасная иллюстрация тому, что она мастерица на спонтанное перевоплощение в своих пластичных позах, жестах и настроении».

А позже, как и следовало ожидать, разгорелся скандал.

Сесиль утверждал, что Гарбо собственноручно поставила карандашом крестики на тех фотографиях, которые он мог поместить в журнале «Вог».

Сесиль отнес эти фото художественному редактору

Александру Либерману, которого они привели в восторг, и он даже назвал их «бесценным урожаем».

В результате на свет появился номер журнала с несколькими фото звезды. Впрочем, когда номер готовился к печати, Грета уже вовсю препиралась с фотографом, чтобы он не смел размещать более одного ее фото в прессе. А так как исправить уже ничего было невозможно, Гарбо всерьез обиделась на фотографа – несостоявшегося жениха.

В преддверии этих нерадостных событий они еще продолжали перебрасываться письмами. Сесиль Битон отплыл в Британию, а по прибытии немедленно написал Гарбо, приглашая ее остановиться у него в Лондоне по пути в Швецию (актриса собиралась в свое первое послевоенное путешествие). Гарбо ответила, поясняя, что будет путешествовать не одна, а в сопровождении Шлее (естественно, без его супруги), и самое большее, на что он может рассчитывать, – что она заглянет к нему, будучи в Лондоне. Позже сгоряча Сесиль в обществе назовет Шлее «помощником второсортного портного» и еще – «русским осетром».

А получив от нее скупую весточку, он вновь раскисает и поддается чувствам. «Временами я чувствовал себя совершенно подавленным из-за того, что утекло столько воды с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз, – пишет он возлюбленной. – Тем не менее я всегда искренне верил в нас с тобой, я знаю – что бы ты ни сказала мне, – что у нас с тобой совершенно искренняя взаимная симпатия и любовь друг к другу и что такое случается порой только раз в жизни. Я всегда мысленно обращался к тебе, словно ты была совсем рядом, и как бы занят я ни был, мне всегда хотелось, чтобы ты находилась здесь, подле меня, чтобы делить со мной мою радость… я знаю, что ты полна понимания, что ты настоящий друг, в чем я всегда был уверен. Что касается меня самого, то никогда прежде мне не хотелось посвятить себя целиком только одной женщине, но я знаю, что в один прекрасный день все преграды будут преодолены и мы счастливо заживем вместе. Ты занимаешь львиную долю моих планов – и я пока не тороплюсь непременно взяться за их воплощение, поскольку ни ты, ни я не были бы абсолютно счастливы без взаимного доверия, и, как мне кажется, тебе стоит снова увидеться со мной, чтобы до конца осознать, насколько я искренен…»

* * *

Грета Гарбо с новым возлюбленным в лице супруга рыжеволосой модистки прибыла наконец в Лондон («Ты в Лондоне, а это величайшее событие – как если бы Венера посетила Марса», – напишет Сесиль), а погостив там немного, отправилась в Париж, куда прибыла 17 августа. Ей удалось скрыть от прессы тот факт, что она путешествует в обществе Джорджа Шлее.

Любовники прибыли на юг Франции, где остановились на «Вилле королевы Жанны» у Поля Луи Вейлера, командующего, с которым Грета познакомилась благодаря своей приятельнице леди Мендль (Элси де Вольф). «Здесь, – как сообщают биографы, – ей удалось провести дни отдыха в полном уединении. Скрытая от посторонних глаз, она купалась по утрам обнаженной, пока еще не пробудились остальные гости. Эта просторная вилла словно была нарочно построена для тех, кто обожал затворничество. Во время своего пребывания там Гарбо держалась настолько обособленно, что Пандора Клиффорд, также гостившая в этом доме в то же самое время, только догадывалась о ее присутствии, но ни разу не столкнулась с ней».

Насладившись столь полным уединением и оторванностью от мира, Гарбо вместе с Шлее проделала путь вдоль всего побережья до Канна, навестив «Шато де ля Гаруп», владельцами которого тогда были чилийский коллекционер Артуро Лопес и его супруга Патрисия. Там Гарбо встретила Майкла Даффа и Дэвида Герберта, которым довелось насладиться с этой полуголой красоткой во время купания.

Папарацци, от которых она всегда убегала, настигли актрису в этом райском уголке. 7 сентября «Нью-Йорк таймс» опубликовала вполне приличное фото Греты Гарбо, прогуливающейся по улицам Канна в шортах и широкополой шляпе.

И пока парочка наслаждалась обществом друг друга, Сесиль Битон в буквальном смысле засыпал Гарбо письмами. В одном из них жалкий влюбленный писал: «Как мне кажется, тебе следует как можно чаще наезжать в Европу, где, согласись, окажешься в более теплой и приветливой обстановке. Нет никаких причин, которые не позволяли бы тебе сделать попытку и начать здесь новую жизнь. Расстанься с кино и веди ту жизнь, какая тебе самой нравится. Просто ужасно, что ты постоянно вынуждена прятаться от своих тупоголовых поклонников на Мэдисон-авеню или бульваре Сайсет. Все вышеизложенное не что иное, как приглашение попробовать свить гнездышко здесь у меня в „Реддиш-Хаусе”».

Расстанься с кино и веди ту жизнь, какая тебе самой

нравится; кто бы мог подумать, но именно так и поступит кинозвезда, игнорируя и любимое прежде творчество, и свою мировую славу…

Так и не встретившись с любимой, проводившей дни в объятиях Джорджа Шлее, Сесиль страдал и нервничал, мучился и писал трогательные письма…

«…Тем временем «Куин Мери» полным ходом удаляется прочь, и дни до прибытия должны казаться тебе абсолютно нереальными – вне времени, вне человеческих представлений. После чего ты прибудешь к себе на Манхэттен. А дальше что? Этому старому осетру придется предстать перед ликом разгневанной супруги. Боже упаси, чтобы я когда-нибудь узнал всю подноготную этих Шлее, и к тому времени, когда «Куин Мери» вернется, заправится и снова ринется через Атлантику, надеюсь, она захватит с собой и меня».

А когда закончился октябрь, Сесиль Битон действительно отплыл через Атлантику, чтобы по заведенной уже традиции провести за океаном три зимних месяца, работая на журнал «Вог».

Через годы Сесиль – оставшийся в жизни Греты Гарбо, напишет о Джордже Шлее – также постоянно присутствовавшем в жизни звезды: «Она снова опутана по рукам и ногам своей странной преданностью этому довольно-таки зловещему Распутину из «Дорожной Компании», и я даже не представляю, удастся ли ей когда-нибудь освободиться от этих пут. Этот ее друг ужасно ревнив и настоящий хищник. Он словно околдовал ее. Все это весьма прискорбно. Когда мы все-таки встречаемся, то пылаем, как два дома, охваченные пламенем. Непохоже, однако, чтобы ей снова удалось улизнуть от него»; «…то, как ему удалось взять в свои руки интересы Гарбо, вселяет тревогу, и я не вижу никакой возможности освободить ее из-под его влияния; и хотя общество друг друга их больше не возбуждает и они частенько сидят, не проронив ни слова, она придает чувство важности его тоскливому существованию, и вряд ли он позволит ей выскользнуть из его мертвой хватки. Она же, в свою очередь, до глубины души глубоко тронута его преданностью и его попытками помочь ей, и это еще теснее привязывает их друг к другу».

В те же годы давняя подруга актрисы Мерседес де Акоста тоже с горькой язвительностью подметит: «Какая жалость, что столько драгоценного времени растрачивается впустую. Влияние зашло столь далеко, что она начала разговаривать при помощи «знаменитых» коверканных «шлеизмов» – этакой смеси славянского и бруклинского диалектов с детским сюсюканьем! Какое низкое падение для столь благородного существа, какое до

обидного бессмысленное существование!»

В чем загадка этой странной на первый взгляд связи Греты Гарбо и Джорджа Шлее, мы расскажем чуть позже…

Глава 14
«Двуликая женщина»: «Мне придется сделать тебе предложение»

В самом начале 40-х годов Гарбо предприняла энергичную попытку освободиться от амплуа эротогероини, навязанного ей кинодельцами. Она все еще была красива, но уже богата, и потому могла диктовать свои условия. Ее жизнь складывалась слишком трагически, чтобы играть трагедию еще и на экране. А может, эти процессы взаимосвязаны?

В 1941 году на экраны вышел фильм «Двуликая женщина», во время съемок которого у Гарбо был бурный роман с проповедником здорового образа жизни Гейлордом Хаузером, что отразилось на игре знаменитой актрисы. На экране Грета показывала не только страсть, но и здоровый темперамент: исполняла модные танцы, плавала в бассейне, бегала на лыжах и вовсю демонстрировала прекрасную фигуру. Но лента не сделала ее символом физкультурной грации (много лет спустя на этот пьедестал взойдет американка Джеймс Фонда); более того, ее спортивные достижения в кадре казались публике ужимками, странными и неестественными.

Вот как об этом же рассуждают авторы и искусствоведы: «Она хотела стать частью современной Америки! Но люди ходят в кино отнюдь не для того, чтобы смотреть на себе подобных, – они жаждут приобщиться к миру высоких страстей. Имя Гарбо значило для них любовь, страсть, страдание, и они не желали менять своих представлений»; «В фильме 1941 года было несколько весьма забавных сцен, а вышедшие из-под пера С.Н. Бермана диалоги искрились задором, но Гарбо явно смотрелась там не к месту».

Гарбо не отчаялась и принялась строить разнообразные планы на будущее, многие их которых так и остались неосуществленными. Единственное, о чем она не забывала и что навсегда осталось в тени от зорких глаз любопытствующих, – это взаимоотношения Греты Гарбо с ведущими бизнесменами Америки и мира.

И когда в следующий раз – в 1949 году – план Уолтера Вангера дать актрисе главную роль в экранизации романа Бальзака «Герцогиня де Ланже» потерпел неудачу, Гарбо приняла окончательное решение уйти из большого кино. Залька Фиртель по этому поводу высказывается так: «Выставляемые напоказ

дилетантизм, чванство, некомпетентность и лицемерное, нечистоплотное пренебрежение к чувствам великой актрисы не имели аналогов на протяжении всей истории кино. Все это вынудило Гарбо раз и навсегда отречься от экрана».

В памяти еще свежи скромный успех (вернее, неудача) с фильмом «Двуликая женщина», и вот – новый провал в работе. Прежде всего, следует учесть, что свою отрицательную роль сыграл не сам образ Гарбо, а… время, в которое осуществлялись постановки. В связи с разыгравшейся в Европе войной возможности проката фильмов из-за океана были ограничены, а значит, и Грете, и ее работодателям грозили финансовые издержки (если не крах). Ведь все сюжеты, в которых снималась красавица-шведка, уже давно были рассчитаны в первую очередь на европейскую публику. «Попытка переориентировать ее на образ современной американки вызвала лишь критику и отторжение зрителей». Да и к тому же в самой Америке, в Голливуде, восходила цела плеяда новых ярчайших звезд XX столетия…

Размыслив, Грета Гарбо решила уйти. Дважды перенеся разочарование, великая актриса навсегда покинула кино. «Она избегала традиционных вечеринок, не подпускала к себе репортеров, тщательно скрывала все свои романы, ушла из кино в расцвете красоты и таланта». Узнав об этом решении, ее старый любовник Джордж Шлее уговорил примадонну кино провести зиму на восточном побережье. Своей рыжеволосой супруге Валентине Шлее объяснил поступок так:

– Я люблю ее, но она никогда не захочет выйти замуж, а кроме того, у нас с тобой слишком много общего.

* * *

Как мы помним, в промежутке между двумя неудачами в кино, постигшими Грету Гарбо, ее друг Сесиль Битон оказался в Нью-Йорке. Влюбленный по уши фотограф, не ожидая от своей пассии ответных чувств, на какое-то время переключается на молодого актера Джеффри Туна (он сыграл лорда Уиндермира в фильме «Веер леди Уиндермир»). Впрочем, поговаривают, что красавчик Тун «вежливо дал понять, что не приемлет его домогательств». Выводя страстные письма женщине, Битон не забывает меж тем написать в своем дневнике: «Джеффри Тун показался мне совершенно очаровательным, и я ощутил, что жизнь полна самых удивительных возможностей». Впрочем, этот противоречивый малый в другой раз свидетельствует на

страницах того же дневника: «Это тот самый человек, с которым я готов прожить жизнь. Прискорбно, однако, что наши пути разошлись». Имея в виду не Джеффри Туна и даже не Грету Гарбо, а некоего австралийца, с которым познакомился в 1944 году в Бомбее.

Проживая в отеле «Плаза» (постоялец занял номера 249–251; любопытно, что пресс-секретарем отеля служил вынужденный эмигрант князь Сергей Оболенский), Сесиль несколько раз пытался дозвониться Грете. И вот – удача! Актриса не только снизошла до разговора с ним, но и пообещала навестить дружка в его номере.

В назначенный день Сесиль наполнил номер роскошными цветами, разбросал по всей комнате любимые сигареты актрисы и, нарядившись, стал пребывать в нервном напряжении. Она пришла – строгая, загадочная и… решительная. Сесиль, словно играя трагическую роль, спросил гостью, испытывает ли она сейчас, при встрече – «после долгой разлуки и размолвки, после нескончаемой депрессии и сомнений» – чувства, хотя бы отдаленно похожие на эмоциональный или душевный подъем. Актриса предпочла не отвечать; вместо этого Гарбо разделась и приступила к совокуплению. «Неромантично», – скажут читатели; но разве в подобных поступках быть то с тем, то с этим вообще присутствовала великая, глубокая романтика?!

Гарбо не пришло в голову ни поговорить со своим товарищем, ни просмотреть фотоальбом, который Сесиль специально положил так, чтобы тот оказался у нее на виду, ни взять в руки один из номеров журнала «Вог», где были напечатаны его работы. Задернув горчичного цвета шторы, женщина повернулась к Сесилю и… «Я был совершенно сбит с толку происходящим и не сразу пришел в себя. Всего через несколько минут нашего воссоединения, после долгой разлуки и размолвки, после нескончаемой депрессии и сомнений мы оказались в объятиях друг друга – это было совершенно неожиданно, необъяснимо и… неизбежно. Только в такие мгновения начинаешь понимать, как прекрасна порой бывает жизнь. Я даже не догадывался, что способен с такой быстротой преодолеть разделяющую нас пропасть. Я мысленно возвращался к дням, проведенным мною в «Реддиш-Хаусе», когда я предавался самым безумным мечтам, и вот теперь воображаемые мною сцены действительно происходили со мной…».

Утром следующего дня осчастливленный Сесиль Битон разговорился с баронессой Будберг, оказавшейся страстной поклонницей Гарбо; «Гарбо – это символ», – сказала ему баронесса. Это показалось фотографу хорошим знаком.

Однако второе свидание с Гарбо прошло не так успешно. К тому же его потрясло то, что на его вопрос о будущих съемках звезда неожиданно призналась: «Киностудии – это жуткое место».

Любовник, чьей профессией было подмечать все особенности фотообъектов, обратил внимание, что Грета заметно постарела. Дневник сохранил его досадливое раздражение: «За обедом вид у нее был едва ли не обезьяний – волосы растрепались, помада размазалась, а тело – какое-то тощее и плоское».

В третий раз все вышло еще хуже, после чего ему снова дали понять, что Грета не собирается поднимать трубку. Спустя неделю его пассия одумалась, и встречи возобновились. «Когда же любовники снова встретились, Сесиль был вынужден признать, что она бледна и как-то по-особому трогательна и прекрасна. А еще у него словно камень свалился с души, когда атмосфера снова стала непринужденной».

Иногда они проводили время в номере, иногда просто прогуливались по Центральному парку. «Временами картины и фотографии бывают больше похожи на людей, чем сами люди, – рассуждал фотограф. – Крайне редко, когда я гуляю с Гретой, у меня возникает возможность разглядеть ее. Иногда мы останавливаемся, чтобы посмотреть на молодой месяц, и тогда я вижу ее такой же, как и на лучшей ее фотографии или в кино».

По совету одной из своих великосветских подруг Сесиль стал играть роль равнодушного бонвиана, держащего свою пассию на некотором расстоянии. Отчужденность не ускользнула от Греты, и женщина поспешила предпринять шаги для завоевания его сердца.

В День благодарения, 27 ноября, Сесиль послал Грете вазу с белыми орхидеями, вложив в букет письмо. Шаг был дополнен тем, что мужчина без всяких объяснений укатил на уик-энд в Бостон. В отсутствие любовника Гарбо настойчиво звонила ему. Они встретились в понедельник, и хотя актриса притворялась веселой и беззаботной, она задала немало ревнивых вопросов. Да и ее бледный и несчастный вид не ускользнул от торжествующего фотографа.

Знал ли Битон, что актриса встречается еще, по меньшей мере, с одним ухажером? – без сомнений, ведь она сама не раз говорила ему, что Шлее по-прежнему назначает ей свидания. «Но меня от них клонит в сон», – всякий раз оправдывалась она. А на ближайшее Рождество она даже подарила Битону любимую тарелку Шлее, просив при этом никому не показывать подарок.

А то как-то она обвинила Битона в излишней темпераментности, которая может привести к тому, что «ткани ее организма» порвутся под его порывами. Впечатленный, он

запишет: «Я вел себя как настоящий мужлан – сделал Грете больно, и теперь ей придется переждать несколько дней, пока она не поправится, чтобы нам снова соединиться в объятиях. Она пояснила: «Понимаешь, женщина – это хрупкий предмет. И тебе следует проявлять осторожность и несколько умерить свой пыл. Ткани легко порвать. Ты должен быть нежным и внимательным»…»

Интересно, кроме убогих позеров, мечтающих задержаться в вечности, кто записывает подобные мысли, чтобы затем опубликовать их?!

* * *

Привыкнув видеть подле себя Сесиля Битона, немолодая актриса вдруг совершает совершенно нехарактерный для нее поступок. Она начинает критиковать любовника за его страсть к пышным нарядам, за его карикатурное позерство, за нелепые позы, когда он картинно держит руку на своем бедре. Все это и многое другое выдавало в нем гомосексуалиста. Это не сильно шокировало Грету, ведь она сама в личной жизни могла с удовольствием играть роль то свирепого, то невинного мальчика (бывало, подобным поведением она вызывала неловкость или шок у некоторых светских дам).

Но на сей раз Гарбо заявляет Сесилю, что желает «сделать из него настоящего мужчину». И вот как-то парочка отправилась в театр на спектакль по пьесе Раттигана «Парнишка Уинслоу». По ходу спектакля Гарбо наклонилась к Сесилю и произнесла:

– По-моему, мне придется сделать тебе предложение.

На что тот ответил:

– Нет, этот номер не пройдет. Потом всю жизнь будешь раскаиваться.

Так в чем же заключалась его страстная любовь? В заполучении ее тела? Или в желании очаровать ее душу?

Этот эпизод в их отношениях здорово пощекотал им обоим нервы. Сесиль остался весьма доволен этим проявлением со стороны еще совсем недавно великой и почти недоступной звезды. Он видел, что Грета не уверена в себе, в своих чарах, она ревнива и подобострастна.

В другой раз (и не единожды) она изрекала, превратив со временем фразу в шутку:

– Мне придется сделать тебе предложение, чтобы сделать из тебя честного человека.

Но это ничего не решало…

«Тем не менее, он по-прежнему был от нее без ума; каждое место, где они бывали вдвоем, становилось для него «священным» – будь то бар или книжная лавка. Когда Сесиль возвращался к себе, по его собственному признанию, он „находился в состоянии экстаза”». И грустно, и смешно… да, именно грустно, потому что несчастная Грета Гарбо поняла, что по-настоящему влюблена… и в кого! Впрочем, разве много настоящих, неиспорченных деньгами и развратом людей можно встретить в кинематографических кругах, или в кругах так называемого Высокого искусства?

Вот она откровенничает, говоря почти истерично:

– Это просто небольшое словечко, но ты мне нравишься, и каждый раз, когда я прощаюсь с тобой, мне хочется увидеть тебя снова. Как мне хочется уехать куда-нибудь, чтобы там был большой балкон, и я бы приходила через него и ложилась с тобой в постель. Подумать только, ведь я люблю тебя, Сесиль. Я люблю тебя. Я по уши влюблена в тебя.

Его ручка запечатлела в дневнике, как они отправились в ночной клуб «Голубой Ангел» и там Гарбо все время шептала:

– Я тебя люблю, я тебя люблю.

«Воистину это день моего величайшего триумфа», – вспоминал он…

Глава 15
«Люди могут иметь свои будоражащие секреты…»

Когда Гарбо только появилась в Голливуде, мужчины ходили за ней толпами. Сейчас поклонников поубавилось. Да и закрытый образ жизни не предполагал новые знакомства. Уже давно среди знакомых актрисы появлялись только свои, избранные. Вот на Рождество у Сесиля Битона в числе остальных гостей – знаменитости Сальвадор Дали, Алан Портер, Наташа Уильсон и Джорди Дейвис. Его подружка Грета явилась под руку с Джорджем Шлее, с которым провела ночь накануне.

Фотограф принялся в упор рассматривать своего соперника. «Что касается Джорджа, то я ему не доверяю ни на грамм. Вид у него был несколько сконфуженный, и он никак не мог честно и уверенно посмотреть мне в глаза. Казалось, что от него исходит некий электрический заряд беспокойства, и даже спиртное не помогло ему установить со мной доверительные отношения. Он отпустил пару каких-то замечаний, которые я нашел довольно безвкусными.

Войдя в квартиру, он заявил: «Должно быть, ты здесь уже расспросил кучу народа, – а позже, взяв еще один стакан, добавил: – Я, пожалуй, сделаю глоток, чтобы показать… что я не держу зла»…» Но а когда светская вечеринка подходила к концу и гости стали расходиться, Сесиль попытался украдкой поцеловать Грету, но, как он напишет: «на ее лице промелькнуло выражение неподдельного ужаса, и она шепнула: „Только не делай глупостей”».

Как говаривал герой одного сатирического фильма: высокие отношения, высокие…

Но буквально через короткое время Гарбо после размолвки со Шлее, вся в слезах, наслаждалась объятиями Сесиля. Этот вечер и ночь наступления 1948 года описаны в мемуарах Сесиля Битона во всех подробностях. Они с подругой пили виски урожая 1840 года у него дома, в номере отеля «Плаза», затем они оказались в объятиях друг друга – «то безумных, то нежных… нам обоим явно не хватало рук, чтобы обвить друг друга за шею, талию, плечи». После чего подошли к окну и слушали звуки автомобильных клаксонов, возвестивших наступление нового года. И вновь дали волю своим чувствам…

Они по-прежнему действовали в рамках конспирации: писали

и звонили друг другу под псевдонимами: «мисс Г», «мисс Браун» или «мистер Томас» и проч.

«Неожиданно во мне пробудилась неуемная энергия, которую я подчас не в силах сдержать. Это обескураживает, интригует и даже пугает ее. Пусть это время продлится как можно дольше! Я ощущаю прилив жизненных сил, я не ведаю усталости, когда провожаю ее к себе домой».

Они тесно общались на протяжении всего января и февраля, пока Сесиль и Гарбо находились в Нью-Йорке. Однажды он даже сбежал с приема, устроенного Виндзорами в отеле «Уолдорф-Астория», чтобы побыть наедине «с самой обворожительной женщиной нашего времени». Хьюго Виккерс весь этот накал чувств передает так: «Частенько Гарбо заявляла: «Мне надо идти», – что служило приглашением к сексу. Я никогда не догадывался, сколько фантазий могут родиться в этот момент, причем в совершенно невообразимых оттенках настроения – сентиментальности, игривости, эмоциональности и нескрываемой похоти. Теперь до меня стало доходить, как много времени я потратил впустую и как мало я знал из того, что касается физической любви».

Гарбо нравились мужчины нежные, чувствительные к ее эмоциям. Как-то раз она сказала Сесилю:

– Я не терплю ничего резкого. Никакого стаккато.

Сесиль не верил своему счастью.

«Я был с той, о любви которой мечтал всю жизнь, и вот теперь она действительно любила меня».

Сесиль не переставал удивляться ее знанию поэзии и литературы, несмотря на уверения Греты, что она никогда ничего не читает, и ее страстному увлечению скульптурой.

– Скажи, ну разве ты не пожелал бы прикоснуться к нему губами и ощутить, как он набухает от твоего прикосновения? – сказала как-то раз Гарбо, с восторгом глядя на обнаженный сосок одной из женских фигур, изваянных Микеланджело.

Сесиль был не менее поражен, когда Гарбо, рассуждая о гомосексуализме, сказала, что люди могут вести потайную жизнь, иметь свои будоражащие секреты, что она сама нередко поддается совершенно фантастичным влечениям, однако ее пугает, с какой озлобленной нетерпимостью относится к подобным вещам широкая публика. Постепенно Сесиль проникся еще большим восхищением не только к красоте Гарбо, но и к ее «чудесному и благородному» характеру».

Однажды, словно что-то заподозрив, актриса спросила у своего любовника:

– Ты, надеюсь, не пишешь о людях?

– Ну как ты только можешь думать, что я осмелюсь сделать нечто такое, от чего тебе будет больно? Ведь я всем сердцем люблю тебя. И я буду делать только то, что заставит тебя еще сильнее меня полюбить. Ты ведь веришь мне?

Она верила… а он продолжал строчить свой дневник: весь период с ноября 1947 по март 1948 года был посвящен только и только ей.

«Ни он, ни она еще не догадывались, какие неприятности ждут их впереди из-за этого злосчастного дневника, однако, являясь летописью жизни одинокой стареющей звезды и мужчины, давно потерявшего из-за нее голову и наконец добившегося воплощения своей мечты, он остается ярким и бесценным для нас документом»; «На протяжении их романа Битон также с завидным упорством записывал каждое ее движение, каждую смену настроения, каждый оттенок интонации. Долгие разговоры воспроизведены почти дословно. И эти строки вряд ли вышли из-под пера потерявшего голову любовника, поскольку наблюдение предполагает некую дистанцию между людьми. Это скорее напоминает труд бытописателя, и благодаря своим дневникам, с их удивительно точными портретами современников, Сесиль несомненно удостоился места в ряду современных историков. Однако с точки зрения Гарбо это было едва ли не предательством».

* * *

Как-то вечером ревнующий и беспокоящийся за их будущее Сесиль проследил за Гарбо и Шлее, когда те направлялись в театр. «Гарбо было трудно с кем-то спутать: она тотчас привлекала взгляды»; но не только волнующая красота терзала сердце фотографа. Сесиль уже успел провести душевные разговоры со вновь возникшей в их жизни Мерседес де Акостой. Та, выступив в роли взволнованной за судьбу великой актрисы, возможно даже ее единственной подруги и защитницы, строила планы, как вернуть Грету Гарбо на большой экран. А заодно – сделать счастливой. «Она чувствует, – уверяла Сесиля Мерседес, – что должна играть ради собственного же счастья – ведь она обладает удивительным источником рвущейся наружу энергии. Но во что же теперь превратилась ее жизнь? Рыскать по антикварным лавкам вдоль Третьей авеню в поисках мебели для апартаментов Шлее и ждать, когда же тот позвонит? И куда это ее приведет? Его жена обладает куда более твердым характером и держит мужа на привязи куда сильнее, чем Грета, еще года два –

и он снова вернется к ней, и что тогда будет с Гарбо? Это настолько не дает мне покоя, что я лишилась сна!»

Они, словно заговорщики, пытались решить: возвращаться ли разочарованной Гарбо в Голливуд, остаться под влиянием Шлее в Нью-Йорке или же уехать в Европу…

И пока они думали и гадали, актриса решила предпринять поездку в Калифорнию.

Кто или что расскажет нам лучше, чем дневник возлюбленного Греты? «Мы прошли в другую комнату, и я наблюдал, как ее прекрасное лицо обратилось ко мне, временами она поворачивалась ко мне в профиль… гордо закидывая вверх подбородок и открывая взору благородные очертания шеи. В окна лился солнечный свет, и мне ужасно хотелось оставаться там, пока не станет темно, но получилось лишь еще раз и второпях… Я услышал в комнате какой-то легкий шорох, словно ветром всколыхнуло тисненую бумагу. Оказалось, что это одевается Грета. Я запротестовал, но она сказала, что осталась лишь для того, чтобы я получил хоть каплю удовольствия от ее бедного, измученного тела».

Сесиль всерьез задумал уговорить Грету сыграть еще в одном фильме – «Двуглавый орел», сценарий которого попал ему в руки. После отъезда актрисы в Калифорнию он отправляет ей письмо, в котором есть такие строки: «Он (американский красавчик-актер Алекс Корда – Авт.) сказал, что если ты действительно серьезно намереваешься подписать с ним контракт, то он, не теряя времени, приступит к работе, однако выразил сожаление, что твой агент «вынужден был уехать на Бермуды»… По-моему, самое главное то (и это уже можно утверждать почти наверняка), что ни при каких обстоятельствах тебе не придется играть вместе с Кьероном Муром. Я в шутку готов поклясться, что Алекс до сих пор пытается уверить самого себя и остальных, будто этот ирландский детина способен сыграть на экране чувствительного любовника. Корда ужасно упрям. Кое-кто из моих знакомых, что работает на него в Лондоне, – Кларисса Черчилль – написала мне сегодня утром: «Бедный, бедный Алекс!»… Он дал мне почитать сценарий «Орла». Это пока еще только наброски, и в них пока еще сильно заметно, что это экранизация пьесы, – и все равно там много замечательных сцен! Вот если бы ты могла вдохнуть в них жизнь, чтобы все стало так, как нужно. Романтичная и загадочная, ты привнесешь в картину недостающую ей теплоту и человечность. Я уповаю на это. По-моему, фильм получится замечательный! Я сказал Корде, что ты бы хотела, чтобы сценарием занялась миссис Фиртель, и по его мнению, это нетрудно организовать, и он непременно так и сделает, если это

тебя обрадует. Хотя он сам лично считает, что вышеназванная дама не слишком сильна в диалогах. Я ужасно без тебя скучаю…».

(Спустя многие месяцы, когда Грета все же решится наведаться в Англию, Сесиль познакомит ее со своей уилтширской соседкой Клариссой Черчилль, «которая в тот момент колебалась, не зная, выходить ей замуж за Энтони Идена или нет». Родственница великого премьер-министра мгновенно поддалась очарованию Гарбо. «Ну кто, скажите, способен устоять перед чарами Гарбо, особенно если те включены на полную мощность, – вопрошал Сесиль, – а они несомненно были включены ради Клариссы».)

Немногим позже, когда Сесиль две недели марта 1948 года гостил у Греты в солнечной Калифорнии, актриса получила телеграмму. Корда сообщал, что не сможет приступить к съемкам «Двуглавого орла», и предлагал актрисе попробовать свои силы в «Вишневом саде» у Кьюкора. Расстроенная Гарбо заявила любовнику, что Чехов кажется ей слишком скучным.

Время, проведенное любовниками под ярко-голубым небом Беверли-Хиллз, подарило новую сказочную романтику их отношениям. Мало того, что Гарбо сама встретила его на автобусной остановке, она еще и отвезла его к себе домой – «в святая святых». При первой же возможности он запишет:

«Поддавшись нахлынувшей на меня нежности, я заключил ее в объятия и никак не хотел отпускать. Неожиданно мы испуганно посмотрели друг на друга, не веря собственным глазам.

«Неужели тебе хочется прямо сейчас, рано утром?»

Словно в трансе, я поднялся наверх через гостиную по винтовой лестнице в ее бледно-голубую с бледно-серым и цвета бордо спальню. Мы были счастливы в нашем нетерпении, и временами нами обоими овладевали какие-то совершенно необузданные чувства. Мы так долго не видели друг друга. Наше воссоединение было бурным и страстным, а закончилось оно полным умиротворением, что пошло на пользу нам обоим. Мы спустились вниз как нежные друзья… В этот день я вступил во врата Рая».

Когда Сесиль Битон вернулся в Англию, он ликовал: если осенью 1947-го он плыл за океан, одержимый несбыточными надеждами на любовь с Гретой, то весной 1948-го он уже чувствовал себя победителем, покорителем «величайшей звезды и наиболее загадочной фигуры XX столетия».

Глава 16
Муза общего пользования, или побег из Голливуда

Мы помним, что Грета Гарбо, дважды потерпев неудачу с фильмами (комедия «Ниночка» 1939 г. и «Двуликая женщина» 1941 г.), решила покинуть кино. Однако надежды ее друзей, публики и работодателей рассыпались окончательно не сразу. Прослышав, что все надеются, что Гарбо согласится сняться в картине «Жорж Санд», Сесиль прочел сценарий, сделанный Залькой Фиртель. Однако его впечатления говорят о полном разочаровании: «Весьма сожалею, но вынужден заявить, что, по-моему, он безнадежен. В нем не чувствуется никакой реальности, действующие лица безжизненны, а сюжет напрочь отсутствует. Боюсь, что это безнадежное дело. Лично я сильно сомневаюсь, что в него еще можно вдохнуть жизнь. Какая жалость! Как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь сочинил настоящую историю!»

Меж тем, не теряя надежды увидеть Гарбо в новой роли, фотограф, пребывавший в Англии, пишет возлюбленной: «Я прочитал в газете, что ты подписала контракт и собираешься сниматься в фильме. Возможно, это правда. И если это так, то, как я понимаю, ты сейчас занята приготовлениями, упражняешь свои лопатки и висишь на трапеции. Мне только остается надеяться, что фильм получится замечательный, что это даст тебе возможность приехать сюда ко мне и провести несколько бесконечных мгновений со своим возлюбленным».

Но Гарбо не оправдала надежд ее любимого Битти. В другой раз он слышит, что она согласна взяться за роль в фильме Уолтера Вангера «Герцогиня де Ланже». Однако проект создания фильма, как и предыдущие попытки такого рода, потерпел неудачу. Компания переживала финансовые трудности, и Гарбо ошарашили предложением… оказать проекту финансовую поддержку. «Да, они готовы приступить к съемкам, – запишет Сесиль. – Когда же постепенно выяснилось, что у них на счету ни гроша, они вынудили ее поехать в Рим и там пытались склонить ее к ведению переговоров – чтобы она улыбалась итальянским толстосумам, для того чтобы те раскошелились на фильм с ее участием. Разумеется, на это она не согласилась…»

Как отметит Залька Фиртель, именно эта неудача вынудила Гарбо раз и навсегда отказаться от дальнейших попыток сниматься в кино.

В мемуарах Мерседес де Акоста имеется такое признание о Грете: «Когда мы вместе жили в Голливуде, она почти каждый вечер возвращалась домой из студии вся в слезах, несчастная до глубины души, и обычно запиралась в чулане или же днями ни с кем не заговаривала. Но теперь Грета обрела стабильность – и хотя она донельзя требовательна к себе в своей работе, она никогда не бывает довольна картиной. Ей хочется, чтобы каждая сцена с ее участием была доведена до совершенства, и поэтому та никогда не соответствует ее высоким требованиям. Вот почему она никогда не ходит на предварительные просмотры. От них Грета только расстраивается или впадает в депрессию, но она весьма интуитивная актриса и не знает, что делает…»

Как-то актриса предельно искренне призналась в том, как и что ей хотелось бы еще сыграть: «Если бы у меня была возможность играть одной, когда мне этого захочется. Если бы у меня была возможность взлететь, устремиться ввысь. Но все зависит от совершенства механических вещей. При помощи камеры можно снять бессчетное количество дублей, а если вам не по душе аудитория, то как унизительно играть на потребу публике. Я не люблю играть даже в присутствии электриков, но как-то раз меня попросили сняться в фильме, где действие происходит в Венеции. Но это уже совсем не для меня – в Италии, где люди любят таращиться на тебя во все глаза…». Странное дело – она страстно хотела играть, но в то же время чтобы рядом не было ни одной живой души, даже оператора и осветителя…

«Грета сама как-то призналась мне, – в другой раз сообщает Сесиль, – что атмосфера киносъемок обладает какой-то редкой интимностью». А вот еще одна зарисовка. Фотограф присутствовал в момент, когда Грете Гарбо позвонила ее агент Минна Уоллис и сообщила о предложении сыграть какую-то совершенно неподходящую роль, и Грета тогда сказала ему: «Ну как я смогу предстать перед камерой, если я перед этим хорошенько не выспалась, а я ведь буду волноваться и ни за что не усну, и вообще, сниматься – ужасно суматошное дело: ведь ты уже не принадлежишь самому себе, приходится играть перед посторонними людьми, электриками, осветителями…»

В уходе Гарбо из киноискусства была своя загадка, не понятная современникам великой голливудской актрисы. Многие пытались понять этот неординарный шаг – на пике славы; многие пробовали анализировать, сопоставлять, другие – пожелали прилюдно осуждать и насмехаться. Можно, конечно, сказать, что ответ на этот вопрос лежит в той же загадочной плоскости, что и замкнутость, отчужденность Греты. Не зря ведь о ней было сказано: «Чтобы понять Грету, нужно понять Север».

Думается, что разгадка в том, что она совершила фатальную ошибку, когда решила пойти по пути лицедейства, не свойственному здоровым дикой природной крепостью натурам… и вот теперь, уходя из мира грез, открещиваясь от этого извращенного мира, – она пыталась найти саму себя, потерявшуюся на целлулоидной кинопленке…

«Когда она еще снималась в кино, то возбуждала воображение художников и других творческих натур, именно поэтому она пользовалась успехом, и поэтому вполне естественно, что я смог многое понять в ней, благодаря тому образу, что жил на экране и был окружен ореолом легенд. Как муза, она была в общем пользовании…» Так трогательно и правдиво подметил ее друг Сесиль Битон.

Но еще ее проблема ухода из искусства лежала в другой, малозаметной всем остальным плоскости: ей бы хотелось играть романтические роли персонажей, наполненных внутренним трагизмом, мятущихся между женственной мягкостью и суровым мужеством, – Жанну д'Арк, Гамлета… А тайной заветной мечтой актрисы стал навязчивый образ классического латентного героя Дориана Грея.

* * *

Долгое время Грету Гарбо еще активно забрасывали предложениями выступить по радио или на телевидении. Она же не удостаивала эти просьбы ответом. А так как Джордж Шлее был ее близким и доверенным лицом, она показала ему как-то одно из приглашений, который отреагировал следующим назиданием: «Ты уж извини, но это то, от чего ты не имеешь права отказываться, – у тебя уйдет на это не более получаса, зато посмотри, какие деньги они готовы заплатить. Ты просто совершишь глупость, если откажешься». В ответ он услышал:

– А вот и нет. Деньги их мне не нужны. Ничто на свете не вынудит меня пойти на подобные вещи рады саморекламы. Зачем мне это?

Действительно, когда Грета Гарбо навсегда покинула Голливуд в 1942 году, она была безмерно богатой женщиной. Уже в начале 1940-х актриса была мультимиллионершей. В ее жизни, к счастью, были не только чудаки и романтики, но и вполне прагматичные люди, научившие ее обращению с финансами, акциями и другими деловыми бумагами. На ней делали деньги, но и она тоже научилась делать деньги.

Настал период, когда Гарбо – знаменитая, богатая,

независимая – решила просто жить, «не чиня насилия над своей личностью». Нам пытаются внушить, что ее богатство пришло к ней в силу того, что «сказывалось ее крестьянское умение экономить каждый доллар и вкладывать его в дело». Но не будь подле нее ушлых дельцов, делающих деньги буквально из воздуха, вряд ли ей удалось бы так круто взобраться по финансовой пирамиде.

Стоило бы задуматься тем биографам звезды, оставляющим без внимания фразу Сесиля Битона: «Она дала мне понять, что Шлее – главная фигура ее жизни и что мне не стоит делать ставку на такого ненадежного человека, как она». Почти 20-летняя связь с этим человеком, в котором многие из их окружения видели чуть ли не Квазимодо, – не только дань сексу. А потому можно сделать смелый вывод: он был первым, кто научил Гарбо управлять финансами. Но, впрочем, не последним, потому что с годами – когда уже она стала слишком богатой, чтобы об этом было так просто забыть, на ее жизненном горизонте возникли бизнес-акулы совсем иного уровня: Ротшильды, Онассис…

Но Шлее – женатый, богатый, обожающий антиквариат и недвижимость – присутствовал в личной жизни Гарбо с первого момента их знакомства и до своего последнего дня в начале 60-х годов XX века. «И снова все тот же идиотизм – во всем безоговорочно слушаться этого Шлее; в результате – никаких определенных планов. Других же людей она практически не видит. Все это весьма прискорбно, но она по-прежнему хороша собой и, как и прежде, чем-то трогательно напоминает ребенка. Однако с точки зрения здравого смысла она понапрасну тратит столь много драгоценного времени», – в 50-е или даже 60-е годы ревниво сообщал также обласканный славой Сесиль Битон своей подруге Мерседес де Акоста, давно ставшей его союзницей в интригах (точнее – бесконечных сплетнях и разговорах), связанных с Гретой.

В разгар их романа, когда Сесиль в марте 1948 года был допущен в роскошный дом Гарбо в Калифорнии, он вспоминал, с каким воодушевлением разглядывал ее Ренуаров, ее Модильяни, ее Руо, ее Боннара, гордясь тем, что удостоился чести посетить эти уединенные, закрытые от мира покои.

Гарбо покупала картины по совету своих умных друзей, среди которых, кроме Джорджа Шлее, были также выдающиеся бизнесмены Ротшильды и Онассис. В начале 1950-х годов на стенах ее квартиры видели трех Ренуаров, Боннара, Модильяни, Ван Донгена, Руо. Со временем эта коллекция продолжала расширяться, но Гарбо не выставляла ее на обозрение.

Более того, в 1970-е годы стало известно, что Гарбо – не

только владелица уникальной коллекции картин. Большая часть торгового центра на Родео Драйв в Беверли-Хиллз, самой респектабельной части Лос-Анджелеса, принадлежала актрисе. Кроме того, она владела домами в Нью-Йорке и родной Швеции.

Глава 17
Валентина Шлее. Возненавидеть звезду-миллиардершу

Мы помним, как страстно провинциальная нищая девочка мечтала стать богатой, чтобы никогда больше не знать нужду. И когда ее мечта сбылась – по вполне понятным причинам она должна была считать себя обязанной и верной человеку, приблизившему ее к заветной цели. Этим человеком мог быть только один Джордж Шлее.

«Многие удивлялись, не понимая, что связывает красавицу актрису с невзрачным мужчиной, одетым в плохо сшитые костюмы (хотя его официальной женой была знаменитая модельер Валентина). Гарбо обожала Шлее, он напоминал ей наставника ее юности Морица Стиллера. Всю жизнь Гарбо пыталась опереться на тех, кто мог подтолкнуть ее вперед, преодолев ее инертность, взять на себя ее заботы», – пишет Игорь Оболенский в своей работе «Грета Гарбо. Скандинавский сфинкс». Конечно, подобные рассуждения имеют под собой основу; но все же, думается, все это частности, тогда как главное – совместное ведение бизнеса.

Деньги – вот цемент, на котором два десятилетия держалась связь шведской актрисы и русского эмигранта.

Позже станет известно, что Гарбо не только передала Шлее право распоряжаться своими деньгами и покупать антиквариат, но и делать любые рискованные вложения. Когда в 1964 году Джордж Шлее умер практически у нее на руках во время их совместного путешествия по Европе (Шлее умер в Париже 3 октября 1964 года, его смерть долго служила предметом многочисленных домыслов), она в панике улетела в Америку. Хоронить мужа пришлось Валентине…

Валентина Шлее прибыла в Париж в понедельник, а во вторник вылетела вместе с телом покойного в Лос-Анджелес. Гарбо в эти дни нигде не было видно; струхнувшая женщина попросту укрылась неподалеку в квартире Сесили Ротшильд на Рю Фобур де Сент-Оноре. Похороны Джорджа Шлее состоялись в Нью-Йорке в Погребальной Часовне на углу Пятьдесят Второй улицы и Лексингтон-авеню. Во время траурной церемонии прозвучало стихотворение Пушкина «Памятник» (сначала по-русски, затем по-английски). Два православных священника провели службу, нараспев читая молитвы и зажигая свечи.

Отсутствие Гарбо на похоронах явно бросалось в глаза многочисленным присутствовавшим, хорошо знавшим все обстоятельства.

«Кем он был для нее: деловым партнером или чем-то большим? – вопрошает Хьюго Виккерс, пытавшийся навязать читателям версию чисто платонических взаимоотношений между Гарбо и Шлее. – Несомненно одно: он делал все что мог ради Гарбо, он посвятил всю свою жизнь, чтобы поддерживать огонь в тлеющем, угасающем мифе. По сути дела, он был мистером Гарбо и наслаждался этой ролью».

Каково же было возмущение модельерши, когда та узнала, что практически все свое огромное состояние Джордж Шлее завещал Гарбо. Соперница получила акции бумажной промышленности, дома в Италии и Южной Франции.

При этом – даже после смерти Шлее – его официальная и неофициальная жены продолжали жить в одном доме на Ист-Ривер в Манхэттене. Странные люди, удивительные взаимоотношения, необычные привязанности… Пока приятели – мужчины и женщины – интриговали и боролись за внимание звезды, сама она вела ту жизнь, которую считала единственно приемлемой для себя. Невзирая на условности! А иначе разве могла бы она поселиться в том же доме, что и ее давняя-давняя пассия Валентина и ее неверный супруг Джордж Шлее? Иначе разве могла бы не только наносить визиты, но и вместе отмечать праздники? Вот Сесиль Битон описывает: в июне 1961 года Гарбо присутствовала на прощальном обеде у Валентины, который та устраивала в честь мужа, в их квартире на Пятьдесят Второй Восточной улице. Вскоре после этого, согласно устоявшейся традиции, Гарбо и Шлее должны были отбыть на лето на юг Франции, а Валентина – уехать в Венецию. Вот в другой раз, в другой год, Грета сама говорит Сесилю, что «твердо решила, что точно не пойдет наверх к Шлее», потому что «прошлый год это была сущая пытка, и ничто не заставит меня пойти туда снова… в любом случае, это так отличается от того, как было в детстве у меня дома». Иначе разве могла бы – во все годы этого любовного треугольника и семейных интриг – носить вещи, сшитые под маркой Валентины? Для наглядности можно привести пару строк из письма их общей знакомой Маргарет, жившей в доме № 533 на Парк-авеню, которая живописала Сесилю: «Грета на этом вечере пребывала в своем самом разговорчивом и дружелюбном настроении; на ней было парчовое платье с длинными рукавами от Валентины, волосы зачесаны назад и завязаны кружевной лентой, что придавало ее внешности божественный, хотя и несколько необычный вид…» Речь шла о пасхальной вечеринке у

супругов Шлее.

«Она терпеть не может Валентину – кстати, взаимно – и поэтому особенно горько, что они вынуждены проводить так много времени в обществе друг друга», – откровенничал Сесиль с Мерседес.

Когда Гарбо отдалялась от Сесиля и тем более – от Мерседес де Акоста, оба дружка, словно бы заново нашедшие друг друга, начинали бурную переписку или, если позволяли обстоятельства, назначали частые встречи, чтобы только посплетничать о Грете. Как-то Мерседес написала своему доверенному приятелю Битону: «В июле Грета вернулась, но я ее еще не видела. Вечером накануне отъезда в Европу она обмолвилась о тебе, и я была вынуждена встать на твою защиту (почему – слишком сложно объяснять тебе в письме). Мы с ней повздорили, и я высказала ей все, что думала. Она рассердилась и уехала, так мне и не позвонив и не попрощавшись. И вот теперь, по возвращении, опять-таки не позвонила мне. Она поселилась в том же доме, что и Джордж Шлее, и вскоре переедет туда окончательно. Нет, это просто какой-то идиотизм, это просто противоестественно, что после стольких лет дружбы с ней все еще приходится обращаться в «лайковых перчатках» или же постоянно попадать впросак… Разумеется, мне ее ужасно недостает, и оттого, что я ее не вижу, мне становится тоскливо. Жизнь проносится мимо с такой быстротой, что безвозвратно уходят секунды, которые мы могли бы провести с дорогими сердцу людьми!»

В это время Мерседес жила в Нью-Йорке, в доме № 471 по Парк-авеню. Вскоре она получила такой же, полный скрытой ревности, ответ Сесиля, писавшего: «Дражайшая Мерседес! Был рад получить от тебя весточку, хотя и горько осознавать, что у тебя нелады с Гретой, и что самое главное, из-за меня. Прискорбно, что люди, которые любят друг друга, видятся гораздо реже, чем те, что находятся в более поверхностных отношениях. Мне очень горько за Грету, которая далеко не счастлива и только тем и занята, что еще больше осложняет себе жизнь. Я никак не могу взять в толк, почему она озлобилась на нас с тобой, ведь мы всегда были с нею предельно честны и желали ей только добра. Боюсь, что она так и не даст о себе узнать, хотя ей трудно обойтись без тебя – мне всегда казалось, что остаток дней вы проведете вместе. Как бы мне хотелось надеяться, что Шлее – действительно тот, кто ей нужен; но даже если отвлечься от всяческих предвзятых чувств, я глубоко сомневаюсь, что он способен дать ей то, в чем она нуждается, а она готова пожертвовать всем ради того, чтобы чувствовать себя под его крылом».

Им все еще хотелось верить, что Гарбо и Шлее находятся «в более поверхностных отношениях», увы, это было не так.

В 1990 году в Нью-Йорке прошел очередной аукцион Сотбис. На сей раз среди лотов были личные вещи знаменитой голливудской актрисы Греты Гарбо, уже отошедшей в мир иной. Участники торгов тогда же пришли к выводу, что женщина была истинной ценительницей искусства.

«Ее замечательные картины – Ренуар, Боннар, Руальт, Сутин и Модильяни – не способны сгладить впечатление (Битон впервые упоминает эти картины, когда описывает «кошмарную» обстановку в квартире Греты. – Авт.)».

И вот как Сесиль Битон написал (в поздние годы жизни) о пристрастии Гарбо к шедеврам и ценностям: «Многие из приобретений Гарбо появились благодаря совету Джорджа Шлее, а впоследствии еще одного друга – «барона» Эрика Гольдшмидта (Ротшильда). Кроме того, большая часть произведений искусства приобреталась просто ради вложения денег. Например, в 1942 году Гарбо купила в трех разных нью-йоркских галереях три картины Ренуара и тогда же, в четвертой, – картины Боннара.

Квартира Шлее и квартира Гарбо поражали удивительным сходством – та же обшивка стен, та же мебель в стиле Людовиков XIV и XV, одинаковые люстры и канделябры. В каждой коллекции были представлены одни и те же художники. У Гарбо было несколько гуашей работы Дмитрия Бушена, русского театрального художника, жившего в Париже. То был последний представитель знаменитого кружка мирискусников. У Валентины же было более тридцати его работ маслом, пастелью и гуашью. В коллекциях обеих дам были картины Сергея Судейкина, Эдварда Молине, Адольфе Монтичелли (вернее, у Гарбо имелась работа в его стиле).

Их библиотеки, состоявшие главным образом из книг в кожаных переплетах, расставленных по эскизам дизайнеров без всякой надежды на то, что они когда-либо будут прочитаны, содержали одно и то же собрание произведений Герберта Уэллса, выпущенное в Нью-Йорке издательством Атлантики в 1924–1927 годах. Джордж Шлее наверняка чувствовал себя как дома в обеих квартирах. Впрочем, на сей счет не может быть никаких сомнений».

При том, что квартиры Гарбо и Шлее разделяли всего-навсего четыре этажа!

…То, что Сесилю казалось важным, – его творчество или творчество других, посвященное Грете, – для нее самой было весьма незначительным. К примеру, когда к 50-летию актрисы Джон Бейнбридж выпустил биографию звезды и книгу в качестве

подарка передали Гарбо, а та просто-напросто… зашвырнула ее в воду. Тогда, летом 1955 года они со Шлее отплывали в Европу и подарок полетел за борт. «Она ее даже не открывала», – признается Джордж. «Книга о Грете произвела на меня тягостное впечатление, хотя, несомненно, она пользуется успехом», – укажет Сесиль. А между тем, как отмечают исследователи, «Нельзя сказать, чтобы эта работа принадлежала перу гения, однако на протяжении сорока лет она оставалась единственным более-менее серьезным исследованием жизни актрисы. Беинбридж справедливо указывал, что голливудская карьера Гарбо плохо вписывается в традиционные рамки. Она не позволила сделать из себя стандартный голливудский продукт».

* * *

Мерседес и Сесилю часто действительно было нечего делать, кроме как перемывать косточки звезде, обнаруживая и смакуя даже самые незначительные новости из ее жизни. Вот Мерседес докладывает Сесилю, что Шлее приобрел виллу в местечке Кап д'Эль, находящемся на юге Франции неподалеку от Монако.

Сесиль писал в ответ: «Просто чудовищно с ее стороны, что она не желает проведать тебя. Боюсь, что она принимает дружбу как нечто само собой разумеющееся. Я полагаю, что поскольку она повсюду имела успех, то привыкла считать, что люди просто обязаны ходить перед ней на задних лапках. Подозреваю, что такова ее судьба – выискивать именно тех людей, которые согласны делать все, что она прикажет, ничего не требуя взамен». И тут же: «По-моему, Шлее вскоре обнаружит, что вилла начала века, построенная ради зимнего солнца, не оправдает его надежд летом. Много бы я дал, чтобы увидеть, как он обставил это свое приобретение – не иначе как мебель с какого-нибудь аукциона и лампы, словно из борделя! Господи, голова идет кругом от этих людей!»

Валентина, которой молва приписывала роль любовницы молодой Гарбо, уже давно была вне сферы ее чувственных интересов, тогда как ее супруг так и остался спутником кинодивы. Фотограф Битон как-то назвал Валентину «одной из невыносимейших эгоцентриков-маньяков».

Уже после смерти мужа Валентина так страстно возненавидела Грету, что даже пригласила священника, чтобы он… выкурил из дома сам дух более удачливой соперницы. Священнику было велено обратить пристальное внимание на холодильник, куда Гарбо имела привычку заглядывать за

баночкой пива. Вряд ли это священнодействие имело положительные последствия, ведь, как вспоминали знающие Гарбо люди, актриса могла запросто зайти в квартиру «безутешной вдовы», словно бы не испытывая ни угрызений совести, ни иных негативных чувств и ощущений. Вот, к примеру, одно из таких свидетельств: вскоре после нью-йоркской премьеры «Мелового сада» Ноэль Кауэрд присутствовал на небольшой вечеринке с коктейлями, устроенной Валентиной у себя в доме № 450 по Пятьдесят Второй Восточной улице. Гарбо тоже заглянула туда на минутку, показавшись Кауэрду «очаровательной, но неряшливой». При этом никакой неловкости Гарбо, казалось, не испытывала…

На следующее лето после смерти мужа Валентина сдала виллу Кап д'Эль Диане Врилэнд со словами: «Я ее освятила. Там даже духу не осталось этой женщины!» Но, как заметила миссис Врилэнд: «Там нельзя было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на очередное привидение».

«Валентина продолжала жить у себя на четырнадцатом этаже, Гарбо – на девятом. Их нелегкая близость друг к другу продолжалась еще четверть века».

В глубокой старости у Валентины проявилась болезнь Паркинсона, она не могла обойтись без постороннего ухода, но не прервала привычку спускаться вниз, чтобы посидеть в фойе и понаблюдать за редкими жильцами, снующими по своим ежедневным делам. Скончалась она 14 сентября 1989 года, предположительно в возрасте девяноста лет. Словно по иронии насмешливой судьбы похороны Валентины состоялись утром 18 сентября – в день рождения Гарбо, когда той исполнилось восемьдесят четыре.

Глава 18
Эрик Ротшильд. Аристотель Онассис. Деньги – к деньгам

Деньги любят деньги; капитал Гарбо продолжал увеличиваться даже помимо ее воли – благодаря нужным знакомствам, а то и получению наследства (как в случае с Дж. Шлее). Став сверхбогатой женщиной, Гарбо познакомилась с семейством Ротшильдов; ее также видели на яхте Онассиса. 50-е годы XX века были насыщенными если не для Гарбо-актрисы, то для Гарбо-бизнесвумен – однозначно.

После того как папарацци засняли, как Гарбо и Шлее поднимались на борт яхты Аристотеля Онассиса «Кристина», тут же взявшей курс на Капри, Мерседес де Акоста извещает об этой новости Сесиля, вложив для наглядности в конверт одну из газетных фотографий. Тот пишет в ответ: «Спасибо за снимок Греты. Газеты наперегонки пишут о ней, а на этой неделе «Пари Матч» посвятил ей целый разворот, в котором Шлее удостоился повышения до «банкира и одного из директоров компании «Де Сото Моторс». Там есть одна фотография Греты, на которую я не могу смотреть без содрогания. Она слишком ужасна, и у меня рука не поднимается послать ее тебе. Я расстроен, что она тебе не звонит. Временами ее трудно бывает понять…»

Вслед за известием о покупке Шлее поместья на юге Франции неподалеку от Монако Мерседес узнает, что «самым преданным спутником Гарбо теперь стал Гольдшмидт-Ротшильд». (Между прочим, позже, когда их пути пересекались и если Гарбо доводилось во время прогулок с Эриком Ротшильдом встретить Мерседес, то актриса отделывалась едва заметным, ничего не значащим кивком.) Акоста тут же извещает об этом Сесиля; фотограф пишет в ответ: «Как мне кажется, Ротшильд – именно тот, кто ей сейчас нужен. У него неограниченный досуг – собственно говоря, ему просто нечем заняться – и поэтому это приятный в общении человек, разбирающийся в искусстве и с утонченным вкусом. Она может кое-чему у него поучиться, и если проявит усердие, то станет знатоком фарфора…»

Вместе с тем, как галантный кавалер, он пытается утешить Мерседес словами: «…я беспрестанно ломаю голову, как может такая чувствительная (на экране) женщина пренебрегать – и кем? – тобой, тем более что ты больна и нуждаешься в участии близких тебе людей, а ведь в твоей жизни она – богиня, женщина номер

один». Прекрасно зная, что после романа с Гарбо у Мерседес были другие, не менее бурные и волнительные романы, охотно обсуждаемые в светском обществе. Чего стоила, к примеру, ее связь с Марлен Дитрих или с Поппи Кирк (которая не так давно разорвала с Мерседес близкие отношения).

И если стареющая Мерседес с трудом находила утешение в окружающих, то Сесилю в этом плане было гораздо легче: он много был занят тем, что фотографировал прекрасных звезд своего времени (к примеру, Мэрилин Монро, Джоан Кроуфорд, готовил большую коллекцию снимков для модных журналов «Вог» и «Харперс Базар»), включая британскую королевскую семью.

Один из друзей Мерседес, по ее просьбе следивший за передвижениями Греты Гарбо, докладывал: «Из газет мне известно, что твоя Божественная Грета сейчас пребывает на юге Франции, где выпивает с Онассисом (sic!). Она купила просторную виллу на море, недалеко от Сомерсета Моэма. В Лондоне прошел повторный показ лучших фильмов с ее участием. Господи, вряд ли на экран когда-либо придет другая, подобная ей. Она была и остается Божеством».

Грета и Джордж Шлее поселилась на вилле «Ле Рок» неподалеку от Кап д'Эля. В конце августа папарацци сумели сфотографировать ее на приеме в «Спортивном клубе Монте-Карло», где шведка сидела рядом с Аристотелем Онассисом, «который в середине пятидесятых являлся ключевой фигурой всего юга Франции».

В то лето 1957 года, когда Гарбо и Шлее побывали в Кап д'Эле, за парой как-то заехал Ноэль Кауэрд. Позже он описал, что заехал за знаменитой красавицей на прекрасно расположенную, но уродливую виллу и затем повез ее в ресторан в близлежащий порт Вилльфранш, чтобы провести в ее обществе восхитительный вечер, полный неописуемого восторга. Кауэрд признавал, что Гарбо все еще потрясающе красива. Во время поездки и прогулки они осмотрели небольшую часовню, в украшении которой принимал участие режиссер Жан Кокто, и Кауэрд не удержался от язвительного замечания: «Вот уж не думал, что все апостолы так ужасно похожи на Жана Марэ». Конечно, ни для кого в мире киноискусства не было секретом, что эта знаменитая парочка – Кокто и красавчик Марэ – давние любовники.

Встреча с Ноэлем произошла до того, как Гарбо стала гостьей Аристотеля Онассиса. Гарбо и Шлее присоединились к Онассису на борту его яхты «Кристина» в августе. Их маршрут вдоль побережья Франции включал заход на виллу королевы Жанны. Гарбо тоже заглянула туда в компании Джорджа Шлее и миссис Онассис, чтобы провести немного времени с гостями Вейлера.

В 50-е годы XX века Грета напишет Сесилю, что совершенно неожиданно она вместе с Эриком Ротшильдом побывала в Австрии, целью их путешествия было навестить его жену Бину и ее мать. По ее мнению, Австрия – чудесная, просто бесподобная страна. На тот случай, если любовник захочет ей написать, Гарбо оставила ему адрес парижского банка Моргана. Привычная конспирация, давно принятая голливудской актрисой, подписывающей письма как «Г» или «Браун», путешествующей под именем «Гарриет Браун» и проч.

* * *

Сесиль Битон также не сидел на месте; несмотря на их отдаленность, переписка между недавними влюбленными продолжалась, то едва не прекращаясь совсем, а то вспыхивая с новой силой. Письма Мерседес лишь добавляли недостающие звенья в эту бесконечную череду событий из жизни Гарбо, в которые желал быть втянут Сесиль. Уже долгие годы он хотел (и имел) непосредственное отношение к личной жизни этой недавней мегазвезды экрана.

Побывав по делам в Европе в год, когда Гарбо и Шлее путешествовали, он поехал на Капри, затем в Венецию, оттуда 9 сентября вылетел в Нью-Йорк, а уже через пару дней вернулся обратно в Лондон. Дома его ждала весточка от Гарбо; вновь появлялись надежды на незабываемые встречи тет-а-тет, ибо, как сообщала респондентка, Грета будет 20 сентября в Крильоне, тогда как ее спутнику Шлее надобно вернуться в Штаты. Но актриса прибудет не одна, с ней останутся Гюнтеры, и они же будут сопровождать ее в Лондон. Возможно, в Лондон прибудет также Сесиль Ротшильд. (Гарбо пошутила: без пальто эта дама вполне может сойти за Сесиля Битона.)

Все могло быть так и не так… Не удивительно, что, когда Сесиль прибыл вместо Лондона в Париж, он застал там Гарбо в компании Сесили Ротшильд, «причем вид у нее был «довольно затрапезный» – на лбу пластырь, волосы всклоченные, лицо в морщинах, а комната уставлена полуувядшими цветами и фруктами».

Несмотря на постоянные жалобы Гарбо на плохое самочувствие (в письмах и при личной встрече), Сесиль отметил ее бьющую через край энергию.

В компании Ротшильд и Битона Гарбо с готовностью отправилась в театр, на пьесу Жульен Грин «L’ombre», с которой, впрочем, вся эта тесная группа сбежала. Ибо спектакль показался

им ужасно скучным.

В другие дни они завтракали в «Средиземноморском клубе», бродили по выставкам и антикварным лавкам. Сесиль привычно для себя подмечал: «Где бы ни появлялась Гарбо, вслед за ней всегда тянулся шлейф всеобщего любопытства».

Самый преданный биограф Греты – Сесиль Битон – рассказывает: «На Рю Бонапарт, проходив за ней до этого с полчаса хвостом, к ней подошел какой-то греческий студент, чтобы признаться в своей пламенной любви, а также попросить, чтобы она черкнула ему в записной книжке крест, линию, что угодно.

Я еще ни разу не видел, чтобы кто-то так, как он, не мог унять от волнения дрожь – его голос дрожал и обрывался. Должен признаться, что я знаю Грету уже около двадцати пяти лет, и хотя время наложило на нее свой жестокий отпечаток, ее магия все еще здесь – невероятная тайна ее красоты, эта искра, этот смех, эта чувствительность, эта тонкая натура, сам аромат ее красоты… В ее внешности есть нечто театральное, и одновременно она – сама естественность; просто ее естественная тяга к игре не может не проявить себя, и поэтому, где бы она ни появилась, это не может остаться незамеченным».

На следующий день предстоял перелет в Англию. Вечером накануне путешествия Гарбо чуть не закатила истерику только за то, что Сесилю долго не удавалось поймать такси. «Вот видишь, я уже на грани полнейшего упадка сил, вот почему без мадемуазели Сесили никак не обойтись: у нее всегда своя машина и шофер», – капризничала примадонна, уставшая бегать от любопытствующих и репортеров.

Однако следующий день был слишком великолепным, чтобы обращать внимание на мелочи. Едва их машина, везущая своих пассажиров в аэропорт, выехала за город, где начинались поля, как «солнце и свежий воздух сотворили с Гарбо чудеса – по мнению Сесиля, она вновь стала «юной и гибкой», как в день их первой встречи».

«Когда наконец я шагнул к себе домой вместе с Гарбо, чтобы выпить чашку чая, мне уже было не до слов. Я посмотрел на себя в зеркало и увидел запавшие глаза, свидетельствующие о полном нервном истощении. Она же во многих отношениях скорее напоминает мужчину. Она позвонила мне, чтобы сказать: «По-моему, сегодня в полседьмого мы могли бы испробовать один экспериментик». Однако поскольку она говорила по-французски, то поначалу было трудно взять в толк, что она имеет в виду; но вскоре я разгадал ее намеки, хотя и притворился, что не понимаю. Она была в явном замешательстве – толика чопорности

с моей стороны была вызвана возмущением в душе ее откровенностью и прямолинейностью, хотя, казалось бы, именно эти качества должны были вызвать у меня уважение».

По давней привычке Сесиль в своем дневнике зафиксировал каждое слово, каждый шаг обожаемой, ценимой им Греты Гарбо.

«Весь этот уик-энд она вела себя как ребенок – такая счастливая и смешная, искрящаяся остроумием. Безусловно, она гений в том, что касается ее умения осложнять собственную жизнь и жизнь окружающих, однако трудности этого уик-энда носили самый что ни на есть поверхностный характер и скорее напоминали дружеское поддразнивание. Сегодня мы вместе с Сесилью де Ротшильд отправились в Оксфорд. По-моему, лучшей спутницы ей не сыскать: Сесиль целостная, уравновешенная натура, без капли вульгарности, человек с твердыми жизненными ценностями и убеждениями. Несомненно, это уже шаг вперед по сравнению с дурацким детским сюсюканьем и жаргоном антикварных лавок Второй авеню. Сесиль только тем и занята, что пытается облегчить Грете жизнь, тем более что той, как никогда, нужен кто-то, кто бы о ней заботился. Какая она, однако, притягательная натура! Воистину, Грета величайшая чародейка нашего времени, и как замечательно, что я ее знаю, – и опять-таки, как печально, что именно эта ее натура мешает ей вести простую человеческую жизнь, такую, какую ведут менее прославленные представители человеческого рода. Мне совершенно не известно, как долго она еще намерена здесь оставаться – или же ей снова вздумается вернуться во Францию».

В другой раз Сесиль вспоминает о поездке Гарбо вместе с Сесилью Ротшильд, которые «отправилась в Кембридж навестить Виктора Ротшильда».

В какой-то иной момент, пребывая в ином настроении или после более длительного общения с Сесилью Ротшильд, Битон запишет следующее: «Мы все трое отлично ладили, хотя, как мне кажется, Сесиль – так же, как и я, как каждый из нас, – не прочь подчинить Грету себе, всю целиком, заставить ее отказаться от всякой независимости».

И вот уж совсем неприкрытые нотки раздражения по поводу вторжения в жизнь Греты Ротшильдов: «У нас ведь почти не было времени побыть наедине – сначала эти Гюнтеры, затем Сесиль, и вот теперь ее, можно сказать, передают в цепкие руки ротшильдовскому клану…»

Как-то Грабо призналась Битону: «Люди слишком часто использовали меня в своих целях, столько раз они делали мне больно, выкидывали такое, чего я от них никогда не ожидала. Я знала стольких мошенников, которые хотели использовать меня в

своих интересах, и им это удавалось, и хотя они повергали меня в ужас… я до сих пор не могу поверить, что это дурные люди». Но кто был в этом ряду обидчиков – актриса не упомянула, да, впрочем, им это и не нужно было; актриса и фотограф долгие годы прекрасно понимали друг друга. А вот, как мы видим, и Мерседес де Акоста словно бы вторит Сесилю Битону: «Это просто несправедливо – что это прелестнейшее создание эксплуатируют бессовестным образом, а она сама этого не понимает. В своей наивности она подобна ребенку, и поэтому ее всегда эксплуатируют».

…Это «прелестнейшее создание», эта «величайшая чародейка нашего времени», загадочная женщина, расположения которой добивались самые богатые и влиятельные люди, еще жива в памяти тех, кто «родом из XX века».

Глава 19
Мистерии с папарацци. «Она видит себя среди богинь»

Общеизвестна «любовь» людей сцены, людей искусства к журналистам и папарацци. Но у Греты Гарбо всегда были с ними особые отношения, граничащие с фобией. «Я поражаюсь, как все эти кошмарные выходки прессы и гангстеров от кино не сделали из нее нервнобольную», – заметил как-то Сесиль.

Едва обретя известность, актриса стала жертвой для всевозможных охочих до сенсаций писак и фоторепортеров. А так как само появление в кадре Гарбо было сенсацией, то ее появления ждали с особым тщанием всегда и везде.

Вот, к примеру, не успела она прибыть во Францию – как местная пресса ехидно сообщила: Гарбо одета в «шерстяное пальто, бесформенные брюки и нечто, напоминающее домашние шлепанцы». Когда же к ним приблизился фотограф, Гарбо, путешествующая с Джорджем Шлее, мгновенно схватила шляпу спутника, чтобы прикрыть лицо. Увы, ликующий фотограф запечатлел испуганные лица любовников.

Досужая пресса всегда преследовала свою добычу по пятам. Журналистка Генриетта Пьеро, чье имя так и кануло бы в безвестность, если б не ее профессиональная страсть, ходила за Гарбо на протяжении нескольких дней. Эта пишущая дама сумела подготовить репортаж для «Элль» о пребывании звездной гостьи в их краях. При том, что ей пришлось разыграть целый спектакль. Вот она демонстрирует краски, представляясь художницей; в другой раз, прикинувшись поклонницей, бродит по пятам, выклянчивая снимок; в третий – взбирается на дерево, чтобы фотографировать без опаски… Кроме того, журналистка поселяется в том же отеле, что и Гарбо, и, подкупив горничную, вытягивает из нее информацию: звезда ежедневно отправляется в термы для принятия ванн, звезда любит порядок, звезда не читает, не курит и не разговаривает, она всегда одевается в одно и то же, никогда не пользуется лифтом и постоянно сидит на вегетарианской диете – лимоны с сахаром… Настойчивой Генриетте даже удалось сделать несколько снимков: на них Гарбо чаще всего успевает прикрыть лицо рукой или повернуть голову в сторону. Впрочем, благодаря встрече с другим фотографом, которому, в отличие от нее, повезло больше (ранее он успел сделать удачный снимок), они удвоили напор преследования и в

результате были вознаграждены: им удалось сделать пару удачных снимков.

А вот другая страна, другие обычаи и… такие же жаждущие приобщиться к чужой «звездности» акулы пера.

«Харрисоны побывали в гостях на яхте Шлее, и Лилли пришла в ужас, увидев своими глазами, как досужие представители прессы держат судно под постоянным прицелом…» Это был тот случай, когда Грета гостила в Англии и Харрисон пригласил ее на борт яхты Дейзи Феллоуз, чтобы она познакомилась с Виндзорами. «Лилли заметила, что, когда они с Гарбо спустились на берег, та заметно съежилась. Фотографы напирали со всех сторон, отчего воинственно настроенный Харрисон был вынужден врезать первому попавшемуся». Оказавшись на вилле, Гарбо почувствовала себя в относительной безопасности (защищенная от орд папарацци высоким забором). Внимание прессы вылилось в многочисленные заголовки и статьи. 16 августа «Нью-Йорк таймс» опубликовала фотографию Гарбо с косынкой на голове и в темных очках, садящуюся в моторную лодку в Портофино. Подпись под картинкой гласила: «Беглая знаменитость». Была опубликована масса всяческих материалов, причем порой довольно язвительных. «Эпока» писала: «У нее печальное лицо, обиженно поджатые губы и тощие ноги». В «Темпо» начали за здравие, а кончили за упокой: «Лицо актрисы, на протяжении двух поколений заставлявшее зрителей замирать от восторга, еще не до конца утратило свою свежесть». «Эуропео» замечала: «Она еще более-менее стройная, хотя слегка раздалась в бедрах…»

Журналисты… А то могут и прямо в лоб спросить при первом удобном и неудобном случае: «Вы влюблены? Вы собираетесь замуж? За кого? Когда?» И пока ее глаза наполняются слезами и яростью, ее голос умоляет: «Будьте добры, оставьте меня в покое… я устала…»

Или вот еще образчик упоминаемого Сесилем бегства из Парижа (в тот раз, когда они общались с Сесиль Ротшильд), им пришлось делать все возможное и невозможное, чтобы избежать столкновения с папарацци. Отъезд из отеля обернулся сущим кошмаром: на тротуаре столпились зеваки, а Сесиль был вынужден дожидаться, когда же вынесут их чемоданы. После чего они с Гарбо направились в аэропорт; и чтобы лишний раз не попадаться на глаза репортерам, решили совершить осеннюю прогулку по близлежащим полям среди тюльпанов и гладиолусов. К счастью, все прошло гладко. Но последующие рассуждения по этому поводу главного свидетеля Сесиля Битона весьма и весьма любопытны: «Мои чувства на протяжении всего путешествия

оставались весьма противоречивыми – с одной стороны, я надеялся, что все будет хорошо и ее не станут понапрасну донимать репортеры, с другой – я подозревал, что все это ее не так уж и раздражает, что в душе она, пожалуй, даже рада этому, тешащему ее самолюбие, натиску. Мне казалось, что я умно поступил, организовав наш отъезд так, чтобы он не бросался в глаза. В этот субботний вечерний час представителей прессы можно было пересчитать по пальцам, и как только поблизости появлялись зрители, нам тотчас удавалось улизнуть. Вообще сама затея – перевезти Гарбо из Парижа в Лондон, умудрившись при этом не попасться на глаза прессе, – напоминала собой волнующую мистерию».

Или вот, во время пребывания Греты на родине Сесиля, «лондонская пресса оказалась настырной до невозможности – репортеры, преследуя Гарбо буквально по пятам, отравляли ей жизнь». В один из вечеров, когда она обедала в компании Сесиль Ротшильд и Галины Улановой, на улице собралась целая толпа репортеров, и друзья Гарбо всерьез обсуждали, как ей совершить побег через стену сада на заднем дворе дома. Представив всю нелепость ситуации, кинозвезда вышла, чтобы сесть в подъехавшее такси. Битон вспоминал: «Эффект можно сравнить со взрывом атомной бомбы. Около двадцати вспышек одновременно…»

Или вот картинка из времени пребывания Гарбо в Италии, о чем повествует Сесиль: «Итальянские газетчики превратили ее жизнь в сущее мучение, вернее, в собачью жизнь. Круглые сутки возле ее отеля стояла припаркованная машина, и стоило ей только отправиться туда, как за ней по пятам тотчас отчаливала стая репортеров. И поэтому она была вынуждена оставаться в номере, за закрытыми ставнями, потому что ее окна выходили во внутренний дворик и постояльцы из других номеров имели привычку таращиться на нее. В Италии фоторепортеры – сущие бандиты; будь у меня оружие – клянусь, я бы уложил их на месте, как, например, в тот день, когда у меня с собой была трость – и, господи, как меня подмывало тогда поразбивать им камеры, но я понимал, что это чревато скандалом. Они ни перед чем не остановятся, лишь бы заполучить ваш снимок – или что-нибудь еще».

Шведка по прозвищу «Голливудский сфинкс» действительно имела право признаться:

– Я потеряла сон и покой. В Риме я всего лишь дважды вышла на люди. Один раз в Галерею, а другой раз в церковь, и все равно не нашла душевного успокоения, потому что когда-то давно я начала сниматься в фильмах. Просто ужасно, стоит только

задуматься, что у тебя нет никакой личной жизни. И ты не можешь позволить себе никакой свободы, и коль уж пресса отправилась за тобой в погоню, то здесь уже ничего не поделаешь…

В другой раз Сесиль, издергавшийся в попытках защитить Грету от сторонних взглядов, пожалуется Мерседес: «Я только и занимался тем, что пытался оградить Грету от этих кошмарных газетных небылиц. Нельзя сказать, чтобы газеты ее особо интересовали. Они чаще всего как раз и критикуют ее за ее неразговорчивость и поэтому делают вид, будто она их больше не интересует. Однако она навсегда останется на редкость притягательной личностью, способной погружать людей в транс или экстаз (sic!) всякий раз, когда ей придет в голову околдовать их…»

Многие подмечали скромность, застенчивость звезды, ее немногословность, зажатость. А вместе с тем, как подметил все тот же проницательный любовник Сесиль Битон, «ей присуще чувство собственной важности. Она видит себя среди богинь. А еще она большая любительница критиковать манеры и неотесанность других людей, хотя сама весьма скромного происхождения».

«Среди богинь» ей помогали чувствовать себя простые люди – благодарные зрители ее великолепных фильмов, полных романтики разбитых сердец и страстных, часто несбывшихся надежд. Сколькие из них мечтали о такой женщине, как она; сколькие переживали за мужчин, которые не смогли покорить ее сердце, и экранных героев, навстречу которым она протягивала свои жаркие, удивительно красивые губы.

К примеру, когда в свой приезд в Швецию Гарбо покидала страну, то по пути ее следования на крышах и в окнах домов собралось столько любопытных зевак и поклонников, что для того чтобы актрисе подняться на борт корабля «Грипсхольм», понадобился целый полицейский эскорт.

Были и другие моменты в ее многочисленных путешествиях по Европе, когда Гарбо понимала, что ее жизнь, ее творчество не были зряшными. «…летом Гарбо съездила в Италию, где она присоединилась к своим знакомым Рексу Харрисону и Лилли Палмер (голливудская актерская семья; Лилли была немкой по национальности, что скрывалось в то время. – Авт.). Харрисону принадлежала вилла под названием «Сан-Дженезино», в честь святого – покровителя актеров. Шлее и Гарбо навещали ее, хотя сами жили на яхте, поставленной на якорь в самом дальнем и грязном конце залива, исключительно с той целью, чтобы избежать назойливых представителей прессы. Местные жители,

привыкшие к заезжим знаменитостям, обычно кидались за автографами, но Гарбо они встретили аплодисментами». «Обычно, – писал Харрисон, – она торопливым шагом пересекала главную площадь, пытаясь поскорее укрыться от посторонних глаз, но итальянцы стояли, хлопая в ладоши, чего я до сих пор ни разу не видел… Она обожала прогулки в полном одиночестве, по горным тропинкам к крестьянским фермам за нашим домом, иногда я тоже гулял с ней. Мне ужасно нравилось беседовать с ней. Временами ее охватывало веселье – по вечерам она порой заливалась смехом по нескольку часов подряд, а затем снова погружалась в глубокую депрессию».

«Я вовсе не увиливала от ответов, – как-то в редкую минуту общения с журналистами разъяснила свою позицию Грета Гарбо. – Но, по-моему, ужасно глупо то и дело попадать в газеты. Любой, кто хорошо делает свое дело, имеет право на частную жизнь. Будь вы на моем месте, вы бы думали точно так же».

Вечная борьба с прессой, с режиссерами, с коллегами-актерами, с дальними и близкими знакомыми, с самой собой – в конце концов… Да, было от чего сойти с ума; не удивительно, что звезда все чаще мучилась вопросом: «уж не написано ли ей на роду закончить жизнь в приюте для измученных жизнью».

Иногда ее «мучения» скрашивались поездками, иногда – разнузданным сексом, иногда – выпивкой. «Обожаю пропустить глоток-другой виски. Я всегда думаю о том, когда же я наконец выпью. Я знаю, что это нехорошо, но не могу устоять – сразу чувствуешь себя другим человеком», – говорила она Сесилю. Следует признать, что были желающие приписать Гарбо грех пьянства, однако это не так.

Конечно, мы понимаем, что диве было чем скрасить свои «мучительные дни»: великосветское общество, богатые и умные мужчины из числа дельцов и политиков, роскошный дом (дома), обставленный антиквариатом и ценными картинами… А что нет настоящих друзей, настоящей любви – так не звезда ли сама виновата в этом?! Оттого все эти жалобы кажутся многим из нас – из дня сегодняшнего – такими наигранными, нелепыми, а то и вовсе пустыми капризами избалованной вниманием барышни. Но понять эту женщину можно было бы только в одном случае: встав на ее место, заняв ее нишу, пережив ее триумф и минуты разочарования.

«Грета по-прежнему прячется от всех, главным образом из-за своей скрытности, а не потому, что ее кто-то преследует. Как мне кажется, то, как бесцеремонно копались в ее личной жизни в годы молодости, отложило отпечаток на всю ее последующую судьбу», – просто уведомил нас друг звезды Сесиль.

«Ее настолько пугает и беспокоит всякое, даже самое малое, вторжение в ее замкнутое существование, что ее друзья, стоит только обратиться к ним с просьбой рассказать о ней, даже вознести хвалу в ее адрес, разлетаются прочь, словно испуганные голуби», – написал журналист Алперт в год 60-летия звезды.

Глава 20
Энтони Иден: премьер-министр в роли поклонника

Следовало бы отдать должное многолетней преданности Сесиля Битона (определимся с терминами: в том высшем обществе, о котором мы ведем речь, понятие преданность имеет свои оттенки, скорее это некое присутствие в жизни другого человека, чем безоговорочная верность). Фотограф, подвизающийся на ниве красивых лиц и знаменитых личностей, приложил немало усилий, чтобы попасть на самый верх, – пиком его достижений считаются визиты для фотосессий в Букингемский дворец.

А кроме всего прочего, Сесиль Битон с головой уходил в работу над своими книгами, сценариями, сценическими костюмами, фильмами, мюзиклами (позже он неоднократно станет еще и ездить с лекциями в турне по США); он создавал эскизы декораций и по-прежнему делал фото для журналов мод, а также продолжал создавать серию портретов знаменитостей и представителей британской аристократии.

Снимки королевской семьи Сесиль Битон начал делать в 30-х годах XX века. В 1937-м его пригласили сделать официальный портрет герцога и герцогини Виндзорских во время их бракосочетания в Париже, а когда принцесса Елизавета родила сына, принца Чарльза, Сесиля вызвали во дворец, чтобы сделать первый официальный портрет матери и сына. В другой раз Сесиль Битон получил вызов в Букингемский дворец сделать фотопортрет королевы Елизаветы.

Или вот ему выпала честь запечатлеть принцессу Маргариту; о чем фотограф сообщит Грете, а заодно и всем нам: «Принцесса, в своем европейском наряде, ужасно застенчива, хотя и хохотушка, однако очень даже очаровательна и интересна, если ей предоставляется такая возможность. Фотосъемка во дворце обернулась нелегким делом, и у меня практически не было времени побеседовать с юной принцессой. Она до половины шестого утра находилась в ночном клубе и после двух часов позирования чувствовала себя утомленной. Однако она полна остроумия и, на первый взгляд, вполне терпимо расположена к остальному человечеству. Я думал, что принцесса окажется испорченной, капризной девчонкой, однако она была добра ко мне и готова помочь, и сказала, что попытается уговорить мать,

чтобы та пересмотрела свой запретительный вердикт по поводу замечательных фотографий, где я снял ее в черном бархатном кринолине, – на них она выглядит такой тоненькой и поистине царственной».

Понятно, что знаменитый фотограф посещал все светские мероприятия: от званых ужинов и балов до театральных премьер. А то как-то Сесиль, пребывавший в Лондоне во время светского сезона, устроил ужин в честь герцогини Кентской. Это дало повод одной из великосветских приятельниц сообщать другой: «Ты помнишь Сесиля Битона? Он безнадежно влюблен в Грету Гарбо, а герцогиня Кентская, соответственно, в него…»

* * *

Однажды Сесилю выпала возможность познакомить свою возлюбленную Гарбо сначала с Клариссой Черчилль (осенью 1951 года), а после и с ее супругом Энтони Иденом, ставшим к тому времени премьер-министром Великобритании. Если помните, поместье Клариссы соседствовало с поместьем Битона в Бродчолке, так что они могли захаживать друг к другу в гости запросто, по-соседски.

К тому же Сесиль впервые признался о своей любви к Гарбо именно Клариссе, и та советовала скрывать ото всех, чтобы не ползли злые и дерзкие слухи, – что обязательно бы сказалось на отношениях влюбленных.

Между прочим, Гарбо вполне заслуженно чувствовала себя причастной к семейному союзу Клариссы и Энтони; в одном из писем Сесилю актриса указывала, что этого могло бы и не произойти, если бы они не встретились тогда, и Сесилю «пришлось бегать за Клариссой по пляжу, уговаривая ее выйти замуж за мистера Идена».

Интересно, писала Гарбо, понимает ли министр иностранных дел, сколь многим он обязан Сесилю.

Сесиль Битон привел голливудскую актрису на Даунинг-стрит, показал гвардейцев у Букингемского дворца, что вызвало у нее неописуемый восторг. Словно превратившись в игривого ребенка, Гарбо принялась повторять их движения, вызывая на лицах редких прохожих улыбки.

Здесь, на Даунинг-стрит, располагалась резиденция сэра Энтони Идена, и Грета, осознав, что вот-вот увидит прежнюю знакомую в новой роли супруги премьер-министра, неожиданно для себя разнервничалась: «Подумать только, я на Даунинг-стрит!». Впрочем, то же самое, с тем же задором повторяла и

Кларисса, обрадовавшаяся появлению гостей. И вот уже вся троица (пока не пришел сэр Энтони) сидит, потягивая водку со льдом. Но дадим слово Сесилю: «Кларисса в полном восторге от Гретиной фантазии и воображения.

Грета неожиданно начала подшучивать над ее многочисленными жалобами. Она принялась рассуждать о том, как гостиничный шум не дает ей по ночам спать: «Ты когда-нибудь слышала, как перемалывают мусор? А теперь представь, что это делают ночь напролет!»

А так как Кларисса сама нередко страдала бессонницей, то поспешила выразить Гарбо свое сочувствие и порекомендовала беруши: «Энтони замучила бессонница, и он буквально глаз не может сомкнуть от этих мотороллеров: стоит пронестись хотя бы одному – сон как рукой смахнуло». Грета заметила, что навстречу ей по коридору идет сам Энтони.

– О господи! – воскликнула она.

– Ему никак не сидится без нее! – пробормотала Кларисса.

Премьер держался по-мальчишески бодро и подтянуто и легкой походкой вбежал в комнату, словно резвый жеребенок. Глаза сверкали, ресницы подрагивали, однако улыбка довольно сдержанная.

«Какой замечательный момент! Мне всегда хотелось познакомиться с вами. Я восхищен вами с тех самых пор, как впервые увидел еще в немом кино, в роли Анны Карениной. Если не ошибаюсь, фильм назывался „Любовь”». Грета, не выпуская изо рта мундштук, широко улыбнулась, явно нервничая.

«Наверное, вы мысленно переноситесь совсем в другой мир. Не находите ли вы подчас странным, что вы и есть та самая женщина?». Грета молча улыбнулась в ответ.

«Ведь вы все помните? Вам нравится чувствовать себя великой звездой?».

И Грета ответила: «Боюсь, что я больше не думаю о тех днях, когда снималась в кино. Оно больше для меня ничего не значит, и я, как правило, не вспоминаю о нем».

Так в момент, когда премьер-министр Британии Энтони Иден выступил в дипломатичной роли поклонника, Гарбо ясно дала понять – британскому истеблишменту, себе и всему миру – что больше не принадлежит к великому миру кино. Отныне и навсегда два мира: она и кино – во всеуслышание существуют отдельно.

Грету Гарбо удостоили чести осмотреть частные апартаменты премьер-министра, а затем даже представили кому-то из членов кабинета.

При выходе из резиденции некий фотограф спешно сделал

снимок, и эта чужая удача сильно разозлила Гарбо.

* * *

В канун 1957 года Сесилю Битону было присвоено почетное звание Кавалера Ордена Британской империи; «это был прощальный дар от Клариссы, последовавший за отъездом Энтони Идена с Даунинг-стрит». В 1958 году Сесиль удостоился своего первого «Оскара» за фильм «Жижи»; два «Оскара» он получит за фильм 1963 года «Моя прекрасная леди»… А вскоре – ему высочайше пожалован дворянский титул.

Может, и прав был друг Мерседес де Акосты некий Рам Гопал (известно, что он долгое время умолял ее организовать ему встречу с его кумиром – Гретой Гарбо), сказавший, что «мистер Битон теперь стал не менее царственным, чем сама королева Англии, таким же затворником, как и Гарбо, и таким же ханжой, как какой-нибудь чистоплюй-эдвардианец»…

Глава 21
В поисках новых миров, которые можно было бы завоевать…

«Она все еще прекрасней всех на свете, обладает удивительной аурой и магнетизмом, однако если вскоре она не возобновит свои труды и не вернется на актерское поприще, то обречена на медленную смерть», – то ли констатировал факт, то ли пророчески предрек в 40-е годы XX века Сесиль.

«Лицо Греты Гарбо можно с успехом фотографировать под любым углом и при любом освещении», – утверждали все, кто был причастен к самим съемкам. Американские кинематографические эксперты пришли к выводу, что лицо Гарбо уникально и все ее пропорции просто божественны.

«В красоте ее лица подчас проявляется нечто неожиданное. Может показаться, будто вы вообще видите его впервые», – подтверждал и бельгийский кинорежиссер Жак Фейдер (именно он в 1929 году поставил фильм «Поцелуй» с участием Гарбо).

Красота, покорившая мир. Кажется, еще никогда эта фраза не была так близка к истине. И кажется, еще никогда истинная, живая, трепетная красота не была так закрыта от внешнего мира.

Приятель Сесиля Огастес Джон, видевший знаменитость в Лондоне, как-то признался фотографу: «Разумеется, я не мог не поддаться ее чарам…» И, страстно желавший встретиться с ней, утверждал, что после готов хоть умереть.

Другой приятель Сесиля по имени Джеймс Поух-Хеннеси настолько увлекся Гретой Гарбо, что был не в состоянии что-либо делать целых полтора месяца. «Она наделена какими-то непонятными неотразимыми чарами, которые совершенно свободно использует на всех и каждом. Нарочно ли это или нет – никто не знает. По-моему, Гарбо не кто иная, как дочь Короля троллей из «Пер Гюнта» – некое странное, не от мира сего существо из сказочного северного леса, которое непонятно каким образом оказалось заброшено в наше время. Ее можно понять, лишь если предположить, что она некая мифологическая фигура. И тогда до вас постепенно начинает доходить, что она совершенно необразованна, интересуется теософией, диетами и прочей дребеденью, а разговаривать с ней настолько нудно, что выть хочется… Теперь она уже в Париже, в поисках новых миров, которые можно было бы завоевать».

Как видим, Грета не только завораживала красотой, но и

оставляла далеко не лучшее впечатление.

«…с ней никогда не удастся поладить до конца, потому что она очень недовольна собой, а недовольные люди всегда эмоционально неустойчивы. Они просто ни во что не верят, за исключением своих собственных недостатков», – подметил ее современник британец Трумен Кэпот.

В портретной зарисовке о Гарбо в «Нью-Йорк-Таймс» сообщалось следующее: «Она всегда была такой, как сегодня, – женщина с присущей ребенку трагичной невинностью. Она проницательна, эгоистична, капризна, живет чувством, а не рассудком и до конца погружена в самое себя. От близких людей она требует безоговорочной преданности и самопожертвования. Иначе начинает дуться. Ужасно скрытная (кто-то из ее друзей сказал, что Гарбо делает секрет даже из того, ела она на завтрак яйцо или нет), а еще по-детски безразлична к желаниям других людей, ибо для нее существуют только ее собственные».

Действительно, многие из знавших актрису людей утверждали, что ей нет равных в умении заставить других заботиться о ней, Гарбо могла любого превратить в «девочку (мальчика) на побегушках».

А еще окружающие подмечали другую характерную особенность знаменитости: «Прожив в одиночестве все эти годы, Гарбо так и не научилась правильно говорить по-английски. В результате своим прекрасным выразительным голосом она выдает словечки, которые услышишь разве что от голливудских электриков».

В 50-е годы – в годы, проходившие без кино, когда кинокарьера давно оставлена, – Грета постоянно жаловалась на здоровье. В своем дневнике Битон записал: «Грета много болела, и хотя она не говорит, что с ней такое, почки у нее явно не в порядке, а кроме того, она ужасно страдает от болезней женских органов. Она мечется от одного врача к другому». По словам Мерседес, Грету «замучили частые простуды. Но, как мне кажется, на самом деле ее замучила скука, а она такая пассивная и сейчас более, чем всегда…» «Жизнь ее протекает бесцельно, она утратила к ней всякий интерес – однако серьезно занята переездом в новую квартиру. Разумеется, это лучше, чем жить в гостинице, но зачем вообще жить в Нью-Йорке? Это место ей совершенно антипатично… Она, скорее, перевозбуждена и слишком измучена, нежели довольна», – подтверждал ситуацию и Сесиль. В одном из писем Мерседес фотограф обронил такую фразу: «Я рад, что ты вытащила Грету в кино. Боюсь, что следующий шаг для нее – это оказаться навсегда прикованной к постели…» В другой момент Сесиль утверждает, будто Грета

сказала ему, что разучилась смеяться…

Сесиль, которого всегда до глубины души обижали ее необдуманные выходки, признавался: «Я словно зачарованный взирал на эту красоту. Я чувствовал свою близость к ней, хотя она ни разу не делилась со мной личными переживаниями». И, более того, вспоминая то, что ему лично говорила любовница, одной этой фразой выдает внутреннюю сущность женщины: «Грета всегда говорит: «Если у тебя есть что-то более важное, чем я, не стесняйся, можешь отказать мне в самый последний момент» Это она от души…» Да, не стыд, а неуверенность в себе самой – вот страшный внутренний комплекс голливудской красавицы Гарбо.

Уйдя из кино, выпав из процесса голливудской гонки, актриса по-прежнему оставалась закрытой, ведя замкнутый образ жизни; пресса тех лет смогла бы дать нам слишком мало сведений, чтобы написать книгу о прежде великой кинодиве с лицом скандинавского сфинкса. А посему все авторы и биографы прибегают лишь к одному верному источнику – к дневникам и мемуарам Сесиля Битона, Мерседес де Акосты и воспоминаниям тех немногих, кто лично знал Гарбо. О последних же десятилетиях жизни голливудской знаменитости сведений и вовсе практически нет, а снимки, размещенные в СМИ, показывают нам сильно постаревшую женщину с лицом, на котором почти не видны следы былой красоты (но чаще мы видим женщину с волосами, ниспадающими частично на лицо и закрывающими его, или же вовсе нам показывают пожилую женщину в отдалении, со спины).

Долгое время после своего ухода из кино Грета Гарбо сначала выбирала себе место жительства (она долгие годы хлопотала об американском гражданстве) и дом (купив наконец квартиру в одном доме с супругами Шлее), а после была занята обустройством, коллекционированием и путешествиями инкогнито. Побывавший в ее квартире Сесиль Битон писал: «Созданный ею эффект точно такой же, как и в Голливуде, как и в квартире Шлее. Но на этот раз он еще более разнороден, чем то, к чему она до этого приложила руку. Не укладывается в уме, как такая удивительная женщина способна жить в такой ничем не примечательной обстановке. Не менее странно и то, что это бедное дитя стокгольмских трущоб (случалось, ее на праздники отправляли в деревню в какую-нибудь сердобольную зажиточную семью, где она впервые узнала вкус конфет) – что это дитя нынче живет – на собственные заработки – в такой роскошной обстановке. Она во многих отношениях проделала долгий путь: квартира – одна из самых дорогих в Нью-Йорке, картины на стенах – кисти самых знаменитых импрессионистов и

современных художников, а портсигары, абажуры и прочее – самые модные, так же как и расстановка мебели – по последнему слову. И в то же время все совершенно не так, ибо не отражает ее жизни. У нее вовсе нет привычки сидеть по диванам с сигаретой в руке напротив журнального столика. Эта квартира должна служить выражением натуры, чуждой условностей, поражающей своей красотой и пониманием качества и сдержанности. Я наугад высказал пару критических замечаний – хотя, сказать по правде, не знал, с чего начать и чем закончить. «Будь добра, выкинь этих купидонов – качество оставляет желать лучшего. Они здесь ни к селу ни к городу». Однако мне больно было видеть ее обиженное выражение. Я проклинал себя за свою грубость. Не думаю, чтобы она особенно гордилась этой квартирой. Можно сказать, что она вообще ею недовольна, – и это тоже печально. Но печальнее всего тот факт, что она ведет столь никчемное, бессмысленное существование, и все это проистекает от ее характера, который направлен на саморазрушение, – и все это несмотря на ее дивную красоту, тонкую душу и одаренность. Причем это саморазрушение дается ей с поразительной легкостью, и она преуспела в нем, несмотря на то, что весь мир до сих пор зачарован ее гением».

Вот еще из характеристики Греты Гарбо: она никогда не дает точной информации, так что обо всем приходится только догадываться; она никогда не контактирует с родными (как-то Сесиль Битон получил информацию, что Грета в 50-е годы XX века наконец-то «в Нью-Мексико встретилась с родными – матерью и братом, который страдал от сердечной недостаточности. Однако спустя пару дней стало совершенно ясно, что им просто не о чем говорить» (при том, что все годы она утверждала, что ее мать давно умерла).

«Я завел с ней разговор о важности семейных уз, – признается Битон, – о том, как невидимые узы родства накрепко привязывают нас к действительности. Она кивала в знак согласия, однако заметила, как быстро наступает момент, когда нам нечего сказать близким, – радость встречи длится дня два, не больше».

– Лишь мы, творческие натуры, знаем, сколь близким может быть родство человеческих душ, – как-то откровенно призналась актриса, дав понять, насколько ей не важно физическое родство, но важна душевная близость.

* * *

В январе 1955 года Сесиль, недавно пребывавший в США и

встречавшийся с Гретой Гарбо, вернулся в Лондон, откуда послал подруге письмо, подводившее итог их недавней серьезной размолвке: «…«in vino Veritas», и, как мне кажется, я должен объяснить, что мое эмоциональное состояние было не столько вызвано гневом, сколько решительным восприятием собственного краха, – именно краха, ведь после столь многих лет я все равно не способен пробудить в тебе лучшие твои качества: доверие, близость, отсутствие эгоизма. Боюсь, что я долго не решался признаться в этом самому себе, а постоянно цеплялся за надежду, что в один прекрасный день тебя, в конце концов, растрогает моя непоколебимая верность. Увы! …И если эти слова покажутся тебе дерзкими, так только потому, что убежден, что только те, кому безразлично твое будущее, способны и дальше подталкивать тебя к бесцельному и пустому существованию, которое ты сейчас ведешь в Нью-Йорке. Лишь твои истинные друзья способны осмелиться и вызвать твое неудовольствие, пытаясь настроить тебя на более плодотворное отношение к жизни».

Этот же респондент свидетельствовал, обращая свои мысли эпистолярной сообщнице Мерседес: «…от нее трудно ожидать благодарности, она считает, будто все ей обязаны, сама же не способна дать что-либо взамен. Боюсь, что ее уже ничто не изменит, ее бесполезно ругать. Единственное, что остается, – оградить себя от ненужных страданий. Жизнь продолжается, и каждый день можно найти занятие по душе. По-моему, не следует слишком сильно вздыхать по прошлому. Боюсь, в старости Грета будет чувствовать себя ужасно несчастной – собственно говоря, а кто нет? Это малоприятная вещь, и я вполне согласен, что, если кто-то не желает делать добро другим людям, ему воздастся сполна за его себялюбие».

В сентябре 1955 года Гарбо исполнилось пятьдесят лет.

В следующем, 1956-м Сесиль упомянет кому-то из друзей, подметив исключительно точно, что Грета умеет только «говорить «нет» всему, включая самое жизнь».

Вот принцип существования знаменитости, высказанный ею самой:

– Знаешь, когда человек столь чувствителен, как я, особенно если редко выходишь из дому, поэтому каждый раз надеешься, что тебя ради разнообразия ожидает что-то исключительное и веселое.

Но исключительное и веселое не может поджидать нас на каждом шагу, как не может подстраиваться под наши редкие желания…

И здесь, нам кажется, самое время вспомнить о взаимоотношениях знаменитой красавицы и ее давнишней

приятельницы Мерседес. Обратимся к биографам, рассказавшим нам такой эпизод. «Неожиданно она возобновила дружбу с Мерседес, после того как больше года не разговаривала с ней. …И вдруг, совершенно неожиданно, Грета ей звонит, а затем является собственной персоной и разражается потоками слез.

– За мной некому ухаживать!

– Но ты ведь не хочешь, чтобы я присматривала за тобой.

– Я боюсь, я чувствую себя совершенно потерянной!

Мерседес, ее самый преданный друг, в течение тридцати лет не отходила от нее ни на шаг, готовая посвятить ей всю свою жизнь. И вновь она пришла ей на помощь. Она даже убедила невысокого доктора-итальянца нарушить правило никогда не заводить себе частных клиентов, и бедняга был вынужден ежедневно мотаться из Рочестера в Нью-Йорк, чтобы следить за здоровьем Греты. «Но откуда мне знать, что вы со мной делаете? Кто знает, а вдруг вы меня убиваете?» Коротышка, итальянец до мозга костей, галантно расцеловал ее в щеки, сказав при этом:

– По-моему, вы самое чудное создание из тех, кого я знаю.

Однако, когда он спросил номер ее телефона, она отказалась его ему дать.

– Прекрасно, но в таком случае я отказываюсь дальше следить за вашим здоровьем. Я за всю свою жизнь не слышал подобного вздора. Уж если ваш врач лишен возможности позвонить вам, чтобы узнать, как проходит лечение, то какой смысл его вообще продолжать?

– Хорошо, но тогда прошу вас, не давайте мой номер Мерседес.

– То есть вы хотите сказать, что вы не дали свой номер человеку, который умолял меня присмотреть за вами?

– Я дам его ей позже.

Врач позвонил Мерседес.

– Вы не возражаете, если я задам вам один весьма деликатный вопрос? Известен вам или нет номер телефона мисс Гарбо?

– Нет.

«Я был в шоке. Это самый эгоистичный поступок, с которым я когда-либо сталкивался. Совершенно бесчеловечный» Несмотря на это, Мерседес продолжала делать для Греты все, что было в ее силах. <…> Собственное здоровье Мерседес тоже пошатнулось, и она впала в глубокую депрессию. А после того, как в 1957 году она перенесла серьезную инфекцию правого глаза, то начала носить черную повязку, которая придавала ее внешности отъявленно пиратский вид».

Как мелкий штрих добавим, что вскоре, в минуту отчаяния

Мерседес, актриса прислала ей сочувственную телеграмму, начинавшуюся весьма показательным обращением: «Милый парнишка!».

Однако позже произошло еще более сильное отчуждение и в последний год жизни тяжелобольной Мерседес, когда Сесиль буквально умолял Гарбо послать той открытку, он наткнулся на совершенно враждебную реакцию: «С какой стати ты поднимаешь эту тему? Мне и без того хватает забот. Я не могу сказать тебе, в чем дело. Но с меня достаточно. Я больше не хочу никакого беспокойства». Мерседес уйдет из жизни 9 мая 1968 года в своей постели в доме № 315 по Шестьдесят Восьмой Восточной улице. В некрологе о ней писали как о «поэте, драматурге и сценаристе», «царственного вида женщине испанского происхождения», не забыв указать, что она была «феминисткой» и «близким другом Греты Гарбо и Марлен Дитрих».

«Она закончила жизнь бедной и больной, но только не старухой», – философски подметил Битон, давший в своем дневнике самую точную характеристику и этой своей подруге: «Мерседес принадлежала к самым оголтелым и бунтарски настроенным лесбиянкам. Ее мужем стал милый человек и плохой художник (Абрам Пуль), однако даже выйти замуж она не желала, чтобы ее не называли «миссис». Она всегда оставалась Мерседес де Акоста (и никогда не именовалась «мисс»). Ей удавалось не только с ходу заводить знакомства со всеми интересующими ее женщинами, но и завязывать с ними интимную дружбу. Она – хотя я в этом не совсем уверен – сообщила Мод Адаме, что ее дом объят пламенем, и впоследствии неотъемлемой частью вошла в ее жизнь – так же, как и в жизнь Айседоры Дункан, Мари Доро, Аллы Назимовой и многих других. Она обладала безупречным испанским вкусом во всем, что касалось внутреннего убранства ее дома и одежды, – пользовалась только черным и белым. И за всю свою жизнь ни разу не уступила вульгарности многих американских привычек. «Неамериканский» ее характер моментально бросался в глаза – черная треуголка, башмаки с пряжками, плащ-накидка и крашеные волосы цвета воронова крыла».

…Непонятно, откуда взялся и распространился слух, будто Гарбо собралась в Швейцарию к местным докторам и что сопровождать ее туда будет Мерседес де Акоста.

Однажды знакомый фотографа Хэл скажет о Грете: она никогда не вела честную игру, всегда притворялась, чтобы избежать любых обязательств; более того, он отметил в ней странную жестокость.

В конце 1957 года Сесиль Битон вновь посетил США и Нью-

Йорк, где встречался с Гретой Гарбо; «и снова он услышал старую песню о том, как, с одной стороны, плохи доктора и, с другой, как жестока и бессердечна Мерседес». «Она вот уже целый год как не была в театре, несколько раз выбралась за покупками с Эриком (Ротшильдом), и даже Шлее видел ее реже, чем обычно. По приезде я позвонил ей, и мне даже показалось, что она обрадовалась, что ее одиночество наконец-то кем-то нарушено. Она заглянула ко мне в тот же день – вошла и встала в дверях, как какой-нибудь неприкаянный беспризорник, вытаращив глаза и приоткрыв рот, словно приготовилась к пытке».

Немногие друзья Греты так воспринимали ее одинокое существование: она была слишком больна, слишком растеряна, слишком несчастна, слишком втянулась в свою тоскливую колею…

Глава 22
Уинстон Черчилль, Сесиль Ротшильд и другие. «Словно дети, завороженные коброй»

Конец 50-х годов, очередная летняя пора. Бывшая актриса уехала привычным маршрутом отдыхать на южное побережье Франции. В конце августа газеты в разделах светской хроники сообщали о частых встречах мировой звездной троицы: Греты Гарбо, бизнесмена Аристотеля Онассиса и бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. «Эту троицу можно видеть вместе все чаще и чаще», – отмечала «Нью-Йорк-Таймс»; другая газета размещала заметку, что сэр Черчилль, которому тогда исполнилось уже восемьдесят три, засиделся после полуночи, обедая в компании Гарбо и Онассиса в одном из знаменитых ресторанов Ривьеры.

Сэр Уинстон Черчилль, выздоравливая после двухмесячной пневмонии, в то лето гостил на вилле у лорда Бивербрука, также в Кап д'Эле. В курортном местечке Кап д'Эль, находящемся на юге Франции неподалеку от Монако, как мы помним, приобрел свою виллу Джордж Шлее, с которым Гарбо часто проводила на отдыхе летние месяцы.

Черчилль пригласил Гарбо и Онассиса в качестве почетных гостей на празднование его золотой свадьбы, которое должно было состояться 12 сентября. Местный префект устроил по этому поводу обед, а поздравления прислали такие именитые личности, как королева Елизавета, президент Эйзенхауер, генерал де Голль, Гарольд Макмиллан и другие. Из «Шато де Мадрид» прислали пятилитровую бутыль коньяку 119-летней выдержки и множество роскошных букетов. Сам Уинстон стоял на террасе в белом летнем костюме, попыхивая кубинской сигарой, в то время как его супруга общалась с гостями, а внучка Арабелла читала стишки.

18 сентября Гарбо праздновала свой собственный день рожденья. Именинница пригласила всех своих именитых соседей по Ривьере, однако закончила вечер в компании единственного спутника – Джорджа Шлее. Говорили, что она не употребляет ничего, кроме фруктов, йогурта и чая со льдом. (К слову: Сесиль, видевший Грету в те годы, отмечал ее невероятную, болезненную худобу.)

* * *

В начале 1959 года Сесиль Битон вновь прибыл в Нью-Йорк; на сей раз он не читал лекции, а работал над постановкой Ноэля Кауэрда «Позаботься о Лулу». Вскоре по приезде он встретился с Гарбо; также в январе в отель к Сесилю захаживали Виктор Ротшильд с супругой, радуясь встречам с фотографом и его гостьей Гретой Гарбо.

Сесиль вспоминает: «Я наблюдал за Гретой с любовью и состраданием. За последние двадцать лет, что я был особенно близок с ней, она, увы, настолько постарела, что просто глазам не верится. Мне ни разу не доводилось видеть нечто более ослепительное, чем ее небесно-голубые глаза, когда мы впервые гуляли с ней по Пятой авеню. Ее лицо было безупречно. А теперь на нем залегли глубокие морщины. И все равно, это – прекрасное, чувствительное лицо, которое постоянно меняет свое выражение, и поэтому наблюдать за ней, когда она рассказывает какую-нибудь историю, – одно удовольствие. Чего стоит только одно это нежное движение губ над безупречным рядом белоснежных зубов».

Гарбо призналась, что не так давно получила предложение от главы «МГМ» вернуться в кино.

«– Я трезво смотрю на вещи. Они вполне готовы рискнуть сделать со мной еще один фильм. Они утверждают, что сумеют снять меня так, что я буду смотреться с экрана, – и я им верю, хотя теперь газеты пишут, что я выгляжу просто ужасно. Я помню, как пришла в ужас от того, как обозначились морщинки возле рта – можно подумать, я о них не знаю… Но теперь они видны и на фотографиях!»

* * *

В 1960 году Мерседес де Акоста опубликовала свои мемуары «Здесь покоится сердце» и один подписанный экземпляр отправила Сесилю Битону. Без сомнений, то, что свершила Мерседес, для Гарбо было неслыханной подлостью, настоящим преступлением. Книга одновременно вышла в Нью-Йорке и Лондоне.

Одна из читательниц, Элис Токлас, отозвалась о книге следующим образом: «После твоей книги я никак не могу перевести дыхание – я чувствую себя взволнованной и счастливой. Я преклоняюсь перед тобой за твой труд. Твоя душа такова, что ты у нас сама скромность. Прости меня за мое

изумление. Например, твоя история Гарбо – не что иное, как классика, в конце ты сделала из нее величайшую героиню нашего времени, точно так же, как из Марлен Дитрих – душевную, но совершенно обыкновенную женщину». Впрочем, не все были так тронуты. Многие читатели, зная Мерседес, отказывались верить рассказанным ею историям, а кто-то из знакомых с явной издевкой перефразировал название книги: «Здесь покоится лживое сердце».

Так ли сложились обстоятельства или книга сыграла свою зловещую роль, но Гарбо для себя определила, что Мерседес приносит ей одни несчастья, после чего пропасть между ними еще больше углубилась.

В июле 1961 года Сесиль Битон издаст первый том своих дневников «Годы странствий» и любезно отошлет один экземпляр Мерседес.

И такой нюанс. В последние годы жизни тяжелобольная Мерседес подружилась с куратором розенбаховского музея в Филадельфии Уильямом Маккарти, которому впоследствии завещает свой архив. Однажды кто-то предложил ей десять тысяч долларов за одно письмо Гарбо, но, несмотря на финансовые трудности, Мерседес отклонила это предложение. После смерти в апреле 1961 года в городке Олд-Лайм, штат Коннектикут, бывшего супруга Абрама Пуля и после нескольких перенесенных операций Мерседес была сильно стеснена в средствах. Однако она распорядилась, чтобы эти письма в запечатанном виде хранились в Розенбахе еще десять лет после смерти самой Греты Гарбо.

* * *

В 1961 году Сесиль Битон снова приехал в Нью-Йорк; «Я здесь уже около двух недель, и хотя предпринял несколько натужных попыток увидеться с ней, мы все еще так и не встретились. Зато у нас состоялось несколько дурацких разговоров по телефону».

Фотограф отметил также, что «эгоизм Греты стал попросту невыносим». Тогда же произошел такой знаменательный (в смысле характерный для актрисы) эпизод. В Нью-Йорк из Швеции прибыл один старый знакомый Гарбо, надеясь немного развеяться после смерти жены. Грета, будто бы проникнув сочувствием, просила его и принцессу Бернадотт пообедать вместе с ней в ресторане. А в половине седьмого вечера она дает… от ворот поворот – мол, ей лениво вообще куда-то вылезать и пусть принцесса приезжает к ней сама, они вдвоем приготовят себе каких-нибудь овощей и пообедают дома. Конечно, возмущенная

принцесса наотрез отказалась от подобного «любезного приглашения».

В конце 1961 года Гарбо признается Сесилю, что ее жизнь теперь стала еще более замкнутой, чем раньше, и что ее даже не тянет подняться несколькими этажами выше, чтобы пропустить с Джорджем Шлее рюмочку-другую водки.

Неожиданно для всех Грета вылетела в Швецию, чтобы встретить Рождество с графом Иоханном Карлом Бернадоттом и его супругой. «…она уехала погостить у Вахтмейстеров – у них очаровательный домик в деревне и они удивительные люди. Я не видела их с тех самых пор, как мы с Гретой гостили у них в 1937 году, и, как мне кажется, она тоже с тех пор с ними не виделась», – предположила Мерседес. Но газеты тут же написали, что знаменитость «уехала из Америки навсегда и даже собирается продать квартиру».

В конце лета 1965 года Гарбо была гостьей круиза, устроенного Сесилью Ротшильд; среди других гостей присутствовали Сесиль Битон, княгиня Жанна-Мари де Брольи, Фредерик Ледебур и другие. Хозяйка круиза на две недели привезла Гарбо в Сардинию, а затем они отправились к Афинам.

Следует припомнить, что год назад – в 1964-м – Гарбо потеряла своего постоянного преданного спутника Джорджа Шлее. Потому нам станут понятны слова Битона: «Сесиль в жизни Гарбо исполняет роль Шлее, вернее Шлее и Мерседес вместе взятых, потому что я уверен, что Грета никогда не обращалась со Шлее так дурно, как она обращается с Сесилью».

Описывая корабельную жизнь, фотограф (давно свободный если не от чувств к Грете, то от страданий и душевных мук, вызываемых этими долго длящимися отношениями) рассказывал: «Сесиль – сама серьезность, по-ротшильдовски грузная… Сесиль – добродушная, отзывчивая женщина, которая не позволила взять над собой верх своим несметным богатствам. Диву даешься, как она успевает делать столько интересных, непривычных дел, проявлять столько энтузиазма и воображения. Она ужасно счастлива тем, что Грета вместе с ней на яхте, – она совсем помешалась. Она подшучивает над всем, что делает Грета, – даже если это в конечном итоге аукнется ей же самой. Сесиль с Гретой недавно провели две недели на Сардинии. Грета там хорошо спала и примерно себя вела, и даже общалась с большой компанией посторонних людей, но поскольку «Сиета» судно маленькое и все звуки по ночам отдаются здесь громким эхом, то Грета совершенно не может уснуть у себя в каюте».

Не единожды беседуя с корабельной гостьей графиней де Брольи, Сесиль подробно фиксирует все мысли собеседницы, не

забывая выписывать при этом портрет главной героини своей жизни: «На всем свете не найдешь более сдержанное, участливое, доброжелательное создание, чем Жанна-Мари. Она словно сошла с картины Энгра, и поэтому, глядя на нее, трудно себе представить, что это мать двух взрослых детей, а к тому же большой знаток произведений искусства; такая она милая и открытая, что просто иногда диву даешься, что она способна выражать мнение – причем не всегда положительное, – о тех, кого любит. Жанна-Мари, скорее, анализировала, нежели перемывала косточки нашей хозяйке, с которой она делит каюту. Из-за чего она не в состоянии прочитать больше одной страницы – ее беспрестанно прерывают. Нервозность у Сесили переросла в настоящую неврастению, и она просто не может оставаться одна, даже на пару секунд, а еще она не в состоянии придерживаться какой-то одной темы – если, конечно, речь идет не о Грете, на которой она просто помешана. С Гретой Сесиль напоминает ребенка, завороженного коброй. Она готова стать ее рабыней, она добровольно готова подвергать себя всяческим унижениям, она будет только рада, если Грета будет ею помыкать. Но ведь это далеко не лучший способ провести оставшиеся годы, особенно сейчас, когда она особенно остро ощущает отсутствие мужчины в своей жизни»; «Жанна-Мари заметила, что она (Сесиль Ротшильд. – Авт.) глаз не могла оторвать от «королевы» – ведь в купальной шапочке та все еще хороша собой (этот знаменитый четко очерченный профиль)»; «Она не утруждает себя запоминать имена даже тех людей, с которыми волею обстоятельств ей приходилось встречаться. Я сомневаюсь даже, что она запомнила, как зовут Жанну-Мари, и постоянно называет ее „эта дама”».

«Когда я делал записи в дневнике, сидя рядом с ней на палубе, весь ее вид выдавал беспокойство и скуку», – подметил фотограф-летописец; и в который уж раз приходит на ум, что лучшим лекарем для скучающей нервной женщины с болезненным самомнением и ее зашкаливающим эгоизмом был бы хороший дипломированный психиатр.

«Даже Фредерик Ледебур – а он величайший джентльмен, такой мудрый, понимающий, терпимый – и тот не удержался и высказал замечание, что Грете ничем не угодишь. Однако на самом деле никто не настроен так критически, как я. И не потому, что я озлоблен или же смотрю на вещи предвзято, – просто потому, что я ее так любил, для меня сейчас стало сущим кошмаром видеть, куда завели ее эгоизм и пренебрежительное отношение ко всему на свете» и проч.

Но любопытнее всего после взаимоотношений Греты с людьми – отношения Греты с кино. Вернее, полное отсутствие

таковых; актриса не только не появлялась на большом экране, она напрочь перестала интересоваться жизнью актеров и киноиндустрии. Та, что блистала в кино, полностью презрела все, что было связано с этим видом искусства.

Вот признание Сесиля Битона, относящееся к концу 50-х годов: «Мы говорили о сегодняшнем кино; Грета отмалчивалась. Она даже не знала, что Жанна Моро сделала фильм о Мате Хари, а еще она слыхом не слыхивала об Антониони, Феллини, Ричардсоне и прочих. Она упорно хранила молчание, когда мы обсуждали сильные и слабые стороны Дитрих. Она отказалась принимать участие в обсуждении творчества экспрессионистов. … Нетрудно заметить, что эти бесконечные дни и вечера сплошного безделья в результате вылились в безразличие ко всему на свете. За последние двадцать лет ничто – ни новые впечатления, ни чье-либо влияние – не оставило в ее душе какой-либо след».

Глава 23
«Прекрасная, как легенда, которая больше не существует…»

Многие годы Сесиль Битон вел свой отчет. «Я чувствую себя глубоко несчастным, когда Грета словно не замечает моего существования. Но куда более печально и горько, когда ощущаешь, как начинают остывать чувства к тому, кто значил для тебя почти все на свете, когда приходишь к пониманию, что должен быть добр с теми, кого отвергаешь. Наконец, мне ясно, что нам с Гретой уже поздно думать о браке. Увлечение первых дней прошло – и теперь нам просто не о чем говорить», – запишет Сесиль в год 1958-й.

«Я не могу ей простить бессмысленность ее существования, постоянные вздохи, упущенные возможности и те, что так и не возникли. Все это печально, печально, печально – такое обаяние и такая безмерная жестокость, хотя она ни за что не признается, что это именно жестокость», – занесет в дневник Сесиль в 1961-м.

«…как мне кажется, ей во что бы то ни стало хочется поступать себе же самой во вред, чтобы затем и повздыхать, и пожалеть. Кто знает, может, она счастлива той жизнью, которую ведет, – она говорит, что ей никогда не бывает скучно, но одному богу известно, приходили ли ей в голову хоть какие-либо мысли. Она отгородилась практически от всего на свете…»; дата этой записи приходится на начало 1962-го.

«Под этими безжалостными палящими солнечными лучами на палубе резко выделяется каждая морщинка, каждая складочка. Я, словно беркут, наблюдал за ней при любом освещении, даже тогда, когда она была не накрашена, – а это жестокий экзамен, и она не любит показываться на глаза без этой защитной «брони»… И все-таки в иные моменты – при благоприятных условиях – она все еще способна предстать на редкость прекрасной. Ее профиль по-прежнему украшает дерзко торчащий нос. Этот нос природа украсила высокой переносицей, а глаза посажены столь глубоко, что над верхним веком залегла глубокая тень. С годами высокие скулы очерчены еще более смело и резко, а зубы, хотя и утратили свою ослепительную белизну (главным образом, из-за беспрестанного курения), по-прежнему крупные и ровные и своим небольшим наклоном внутрь как бы подчеркивают дерзкие очертания носа (и к тому же когда-то удивительным образом отражали блеск софитов в студии). В нежно-абрикосовом

вечернем свете она все еще выглядит потрясающе, и если ее правильно фотографировать, то она получится на снимке ничуть не хуже, чем в фильмах. Но ослепительна не только ее красота. Сама присущая ей атмосфера загадочности делает ее еще более притягательной, в особенности когда она проявляет участие или же восхищается детьми, или же сама реагирует на какую-нибудь ситуацию с присущими детству изумлением и восторгом», – отмечено фотографом в 1965-м.

18 сентября 1965 года Грете Гарбо исполнилось шестьдесят.

Он все еще «прекрасная, как легенда. Но, увы, эта легенда больше не существует в действительности. Обладай она настоящим характером, она бы давно отбросила эту легенду, обрела бы для себя новую жизнь – новые интересы, новые знания. На самом деле она ничуть не изменилась за прошедшие тридцать лет – разве только внешне – и теперь и она сама, и ее манеры кажутся устаревшими».

В день ее рождения Гарбо так и не увидели ни в одном из ее излюбленных мест Нью-Йорка. Приемов по поводу этого события также никто не устраивал, лишь генеральный консул Щвеции прислал цветы. Так что американской публике пришлось довольствоваться жалкими крохами информации.

Впрочем, именно в круглую дату 60-летия упорный журналист Алперт во время подготовки статьи о некогда великой голливудской актрисе со шведскими корнями неожиданно для читающей публики раскопал кое-какую информацию, в том числе и финансового плана, относящуюся к жизни знаменитой затворницы. «Ему удалось выяснить, что удачно вложенные капиталы, начиная с 1952 года, приносят ей ежегодный доход в 100 тыс. долларов, что она частенько бывает в гостях у графини Бернадотт, а Ричард Гриффит, сотрудник музея Современного искусства, будучи ее другом, частенько крутил для нее фильмы с ее участием. После того как ее заметили на Выставке искусства мексиканских индейцев, она прекратила посещать экспозиции – ведь в тот последний раз она была вынуждена искать спасения, свернувшись калачиком в тускло освещенном макете индейской пещеры. Иногда она проводит уик-энды с Юстасом Селигманом в местечке Гринвич, штат Коннектикут; она отдыхала с Годдаром Либерзоном на Барбадосе, где от души лакомилась коктейлем с ромом».

* * *

Фотограф Сесиль Битон начал публиковать тома своих

дневников с 1961 года. Окончательный вариант Сесиль закончил летом 1967-го, а в январе 1968-го он подписал контракт с издательством «Вайзенфельд и Николсон».

В ноябре 1971 года в американскую прессу просочились первые выдержки из его книги; «McCall's» и «Newsweek» опубликовали отрывки. Итак, бомба взорвалась; «Я встревожен – и причем не на шутку. Я понимаю, что всего этого можно было бы избежать, и я сам во всем виноват, но я решил проявить храбрость, а все остальное пусть катится к черту»; «Ужасное чувство вины и тревога неотступно преследовали меня. У меня начались головные боли, и я чувствовал себя омерзительно. Я не мог уснуть, опасаясь, что стану терзать себя мыслями о каких-нибудь строчках из моего дневника в том виде, как их опубликовал «McCall's», – что они обязательно оскорбят Грету или кого-нибудь из моих друзей. Затем, когда мне казалось, что волнение уже улеглось, я открыл номер «Телеграфа» и увидел фотографию, где были изображены я и Грета. Не может быть. В животе у меня все свело, и я опрометью бросился в уборную».

1 января 1972 года было объявлено о посвящении Сесиля Битона в рыцарское звание, и вскоре он был приглашен в Букингемский дворец, чтобы услышать новость уже из уст самой королевы.

Он все еще переживал за последствия опубликования им своих воспоминаний. С момента, как Сесиль опубликовал свои откровения о Гарбо, он не был уверен, что актриса или же кто-то из старых друзей навсегда не отвернется от него. К примеру, Сесиль Ротшильд открыто выразила автору свое гневное неодобрение; во время тура «Connaissance des Arts» по северу Германии в мае 1972 года подруга Гарбо насела на мужчину с неприятными вопросами: «Позволь спросить тебя, сколько же ты заработал на Гарбо, публикуясь в «McCall's», «Te Times», «OGGI» и прочих журналах? То есть сколько, вместе с фотографиями для «Вога», за последние двадцать лет? Даже Стоковский не посмел продать газетам свою историю!».

Кто и что только не писал о факте столь откровенных публикаций; автора обвиняли в нечистоплотности, желании примазаться к великой знаменитости, запятнать ее репутацию и даже «уличали» в откровенной лжи. В критическом отклике Ивлина Во, написанном для «Харперс энд Куин», говорилось, что книгу «можно порекомендовать как наглядное свидетельство нескольких отвратительных лет британской истории, о которых поведано с подкупающей задушевностью».

Наконец среди множества разношерстных отзывов Сесиль нашел тот, который полностью отражает суть сделанного им

столь важного поступка: «Битон придал образу Гарбо новое измерение, значительно упрочив ее положение в истории нашего времени».

Но автора-фотографа ждало не только раскаяние, а и душевный кошмар: ему повсюду начали мерещиться двойники Гарбо: то в самолете, то в ресторане, то просто на улице.

Однако сама Грета Гарбо так ни разу и не высказалась публично, не стала она обращаться и к адвокату. Весной 1973-го Сесиль получил письмо от друга Патрика О'Хоггинса, в котором тот описывал свою недавнюю встречу с Гарбо. Та делала покупки в итальянской зеленной лавке по соседству от дома: «У нее с собой было две сумки, в которые она затем положила купленные овощи. Она была в темных очках и постоянно улыбалась, и каждый пытался ей чем-то помочь, понимая, однако, ее желание сохранять инкогнито». «Эта сценка, – охарактеризует Виккерс, – отдаленно напоминавшая первые кадры фильма «Безумная из Шайо» с участием Кетрин Хэпберн, стала для Сесиля последним напоминанием о женщине, которая владела его сердцем долгие годы». Впрочем, 1975 год принес им новую – на сей раз действительно прощальную – встречу.

В июле 1974 года здоровье Сесиля серьезно пошатнулось: у него отнялась кисть правой руки, ухудшились память и координация; но мужество не покинуло этого человека: он научился пользоваться левой рукой – писать, рисовать, делать фотографии.

В октябре 1975 года в Англию вместе с попутчиком Сэмом Грином приехала Гарбо. И – странное дело – она охотно согласилась на встречу и поездку в Бродчолк с Сесилем. «Сесиль был несказанно рад снова ее увидеть, и Гарбо тоже нежно льнула к нему и даже устроилась у него на коленях. Свои седые волосы она перевязала шнурком. Но когда Сесиль, едва передвигая ноги, направился в столовую, Гарбо повернулась к его секретарше Эйлин и прокомментировала: «Ну как, скажите, я могла выйти за него замуж? Вот за такого-то!»

На следующий день Гарбо стала готовиться к возвращению в Лондон, и тогда же Сесиль Битон сказал ей: «Грета, любовь всей моей жизни!» Актриса же взяла в руки книгу для посетителей и, нарушив неизменное правило, полностью написала на одной из страниц свое имя. «После этого она сделала все, чтобы ей больше не видеться с Сесилем. Когда в феврале 1978 года Сесиль прилетел в Нью-Йорк, он многократно пытался дозвониться до Гарбо, но телефон отвечал неизменным молчанием. От этого ему стало нестерпимо грустно. 18 сентября 1980 года, через несколько дней после того, как ему исполнилось семьдесят шесть,

Битон скончался в своем Уилтширском имении Бродчолк. Когда его опускали в могилу, Гарбо не прислала даже цветка».

Пройдет еще несколько лет, и из жизни уйдет еще один, близко знавший Гарбо человек. Это будет ее вечная соперница Валентина, супруга Джорджа Шлее, проживавшая четырьмя этажами выше кинодивы. Стоял сентябрь 1989 года, а похоронили старушку в день рождения Гарбо – 18 сентября.

Спустя несколько дней после смерти Валентины лифтер, увидев выходящую из своих апартаментов Гарбо, поспешил сообщить ей, что мадам Шлее умерла. Услышав эту новость, восьмидесятичетырехлетняя женщина разрыдалась.

Грета Гарбо к этому возрасту хотя внешне и бодрилась, но передвигалась уже с трудом. В последующие недели содержимое апартаментов Валентины было выставлено на аукционе Кристи, так что Грете несложно было представить, что ждет ее тщательно собираемые вещи в недалеком будущем. К тому же те, кто бывал в квартирах обеих женщин и затем попал на аукцион Кристи, могли представить эту картину – что произойдет после смерти Гарбо – еще более отчетливо.

Газетчики в те месяцы стали еще более активны, понимая суть уходящего времени и упущенных возможностей; в газетах начали появляться фотографии Гарбо, сделанные папарацци во время ее нечастых вылазок к врачам.

15 апреля 1990 года Грета Гарбо скончалась в нью-йоркском госпитале.

* * *

Как-то давно Гарбо спросила свою приятельницу:

– Ну почему у меня нет мужа и детей?

И та отвечала:

– Ты это серьезно? Да миллионы мужчин сочли бы за счастье ради брака с тобой приползти к тебе на четвереньках!

– Нет, – отвечала Гарбо. – Мне еще не встретился такой мужчина, за которого я бы вышла замуж.

Впрочем, за этим кокетством скрывалась большая трагедия, ведь мужчины, за которых «она бы вышла замуж», встречались в жизни звезды. Другое дело, что она в своей безмерной гордыне проходила мимо них.

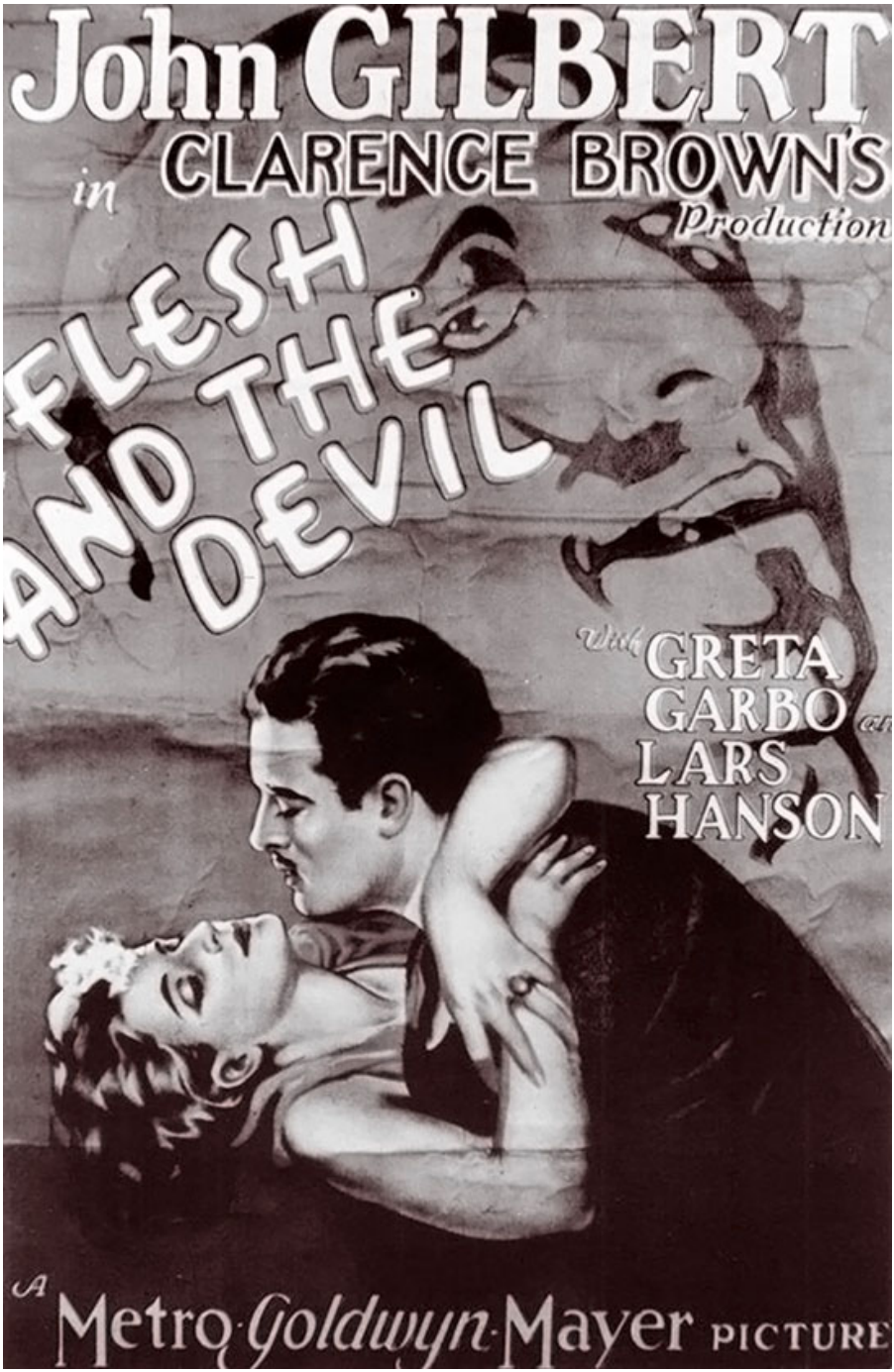
…Однажды в довольно зрелом возрасте Гарбо с горечью сказала своему Битти:

– Господи, чего бы я не дала, чтобы вернуть последние десять лет! Я бы вела себя совершенно по-иному. Если бы только я не

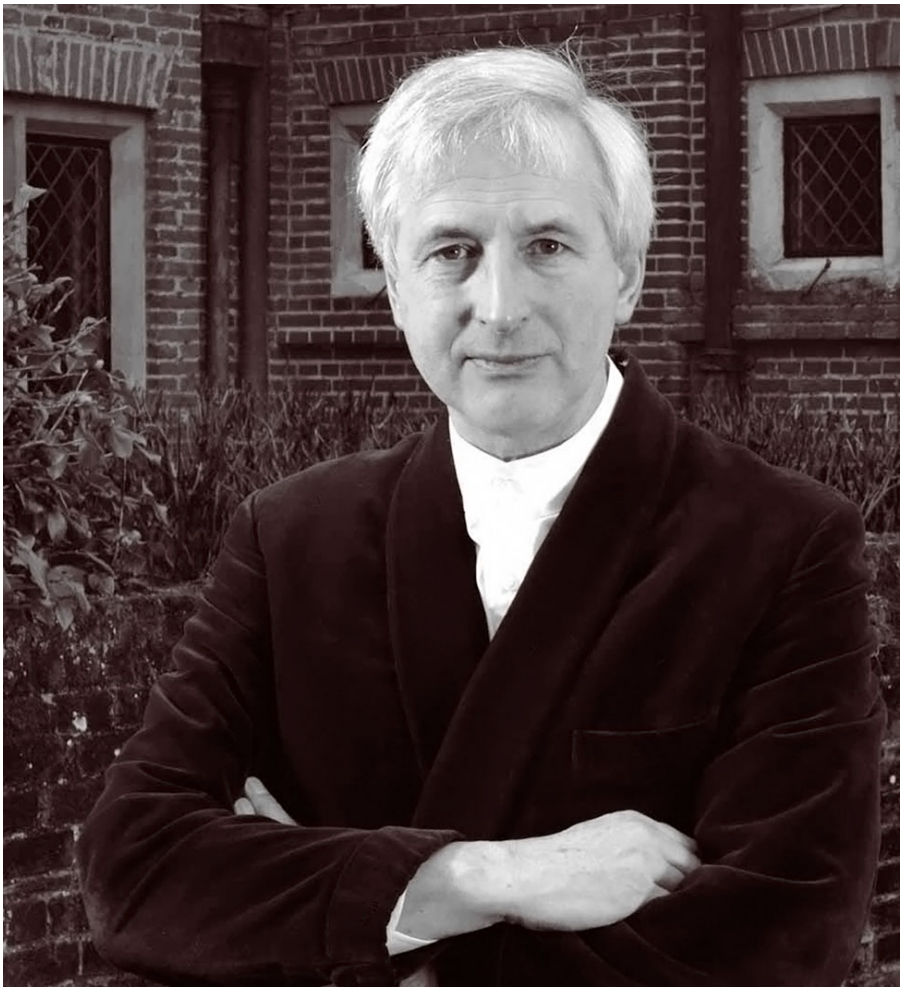
упустила свой поезд!

Фото

GRETA
GARBO
LARS
HANSON
ISCENESAT AF:
MAURITZ
STILLER
GÖSTA BERLINGS SAGA
GERDA LUNDEQVIST
KARIN SWANSTRÖM
JENNY HASSELQVIST
MONA MÅRTENSON
Eneret: DANSK SVENSK FILM.


John GILBERT
in CLARENCE BROWN'S
Production
FLESH AND THE DEVIL
With GRETA GARBO
LARS HANSON
A Metro-Goldwyn-Mayer PICTURE

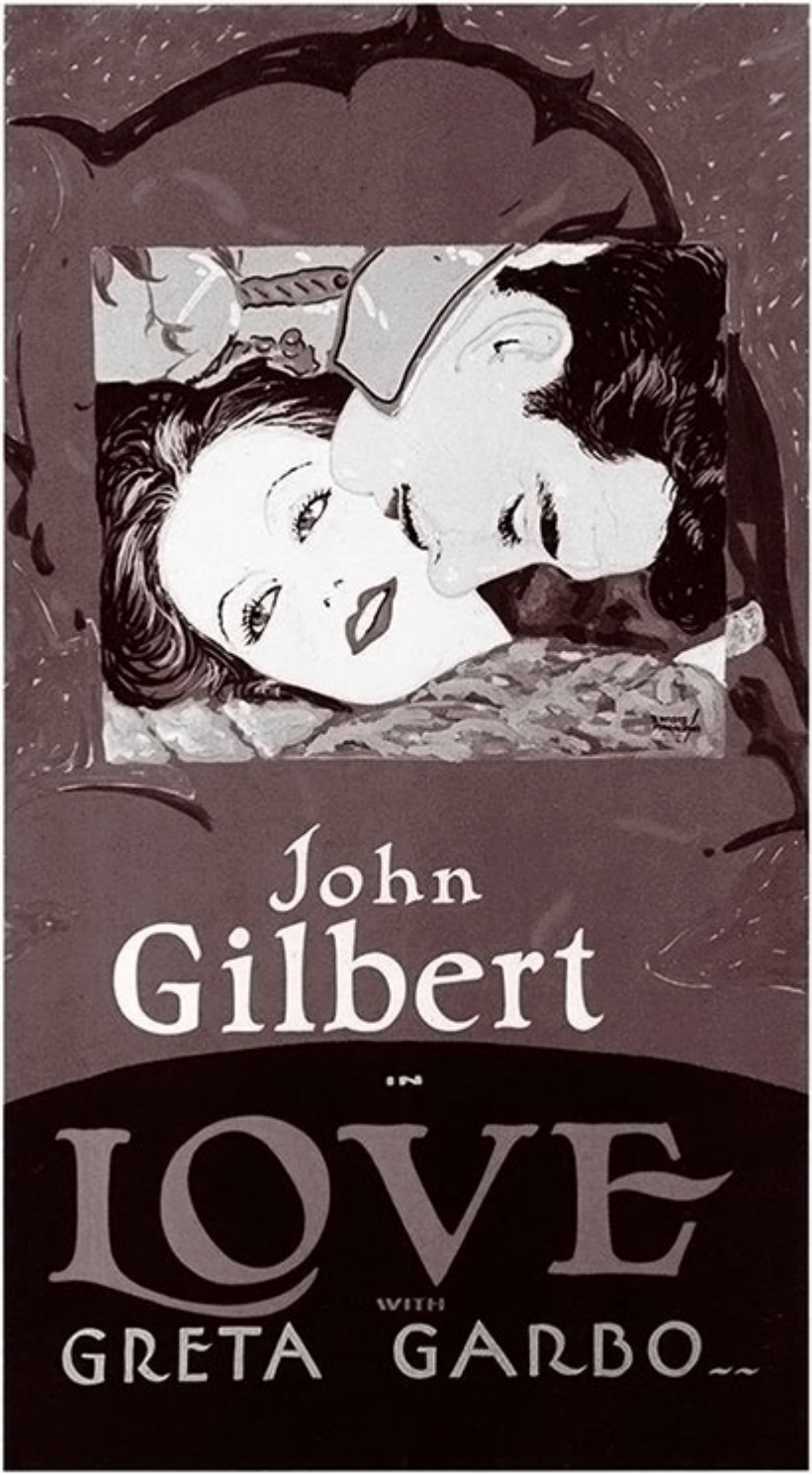
DROTTNINGHOLM
GÖTEBORG



The Book of Beauty

by

Cecil Beaton

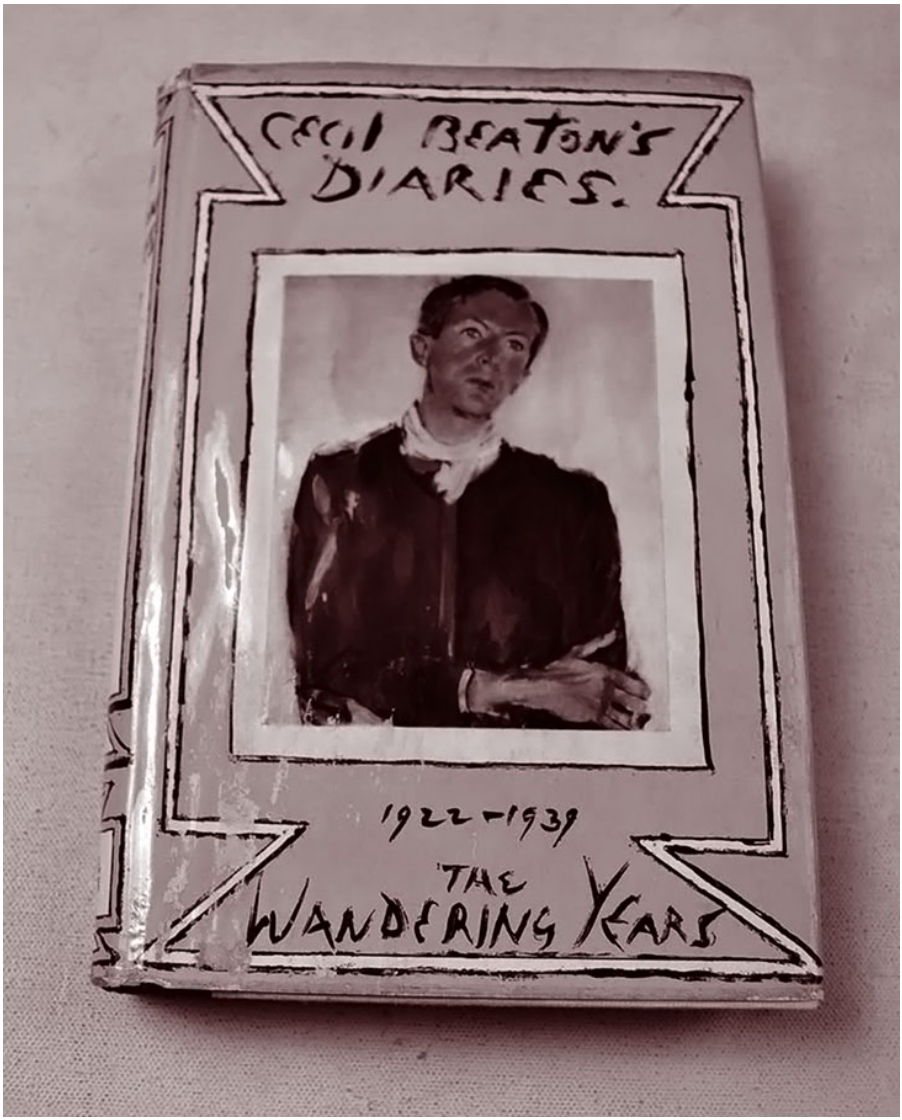

John
Gilbert
IN
LOVE
WITH
GRETA GARBO

GRETA
GARBO
talar
svenska
i
ANNA
CHRISTIE
Metro-
Goldwyn-
Mayer
ROHMAN
ENSAMRÄTT: FILM-A:B. LE MAT-METRO-GOLDWYN, STOCKHOLM

MGM
STUDIOS

SEATS ON SALE AT ASTOR BOX OFFICE
GRAND HOTEL
GRAND HOTEL
LIONEL BARRYMORE
TYSON
ADAM HATS

DIXON


CECIL BEATON'S
DIARIES.
1922-1939
THE
WANDERING YEARS

SMART FASHIONS IN HATS

Spring

Brings New Charm to the Smart High Crown!

The ideal Spring 1937 hat! Because it has the smart high crown that looks lovely on women of widely different ages. Each view wins new admiration! It's made of that perfect Spring combination: fine supple Pedaline straw with dainty flowers. If you've been paying $5.00 to $7.50 for hats, we invite you to order this! We'll cheerfully refund your money if you don't agree it's great value.

COLORS: Lido Beige *601*, Navy Blue, Coral Rose *510*, White or Black.
Measure and state color.

78 E 5000—Fits 21¾ to 22¾ in.
78 E 5001—Fits 22¾ to 23 in.
78 E 5002—Fits 23¼ to 23¾ in.
Shipping weight, 1 pound.

$1.95

The Bouquet Turban!

With Matching Flowers for Your Dress!

$1.69 The "pill-box" turban of sparkling synthetic straw cloth with deep back, shallow front and airy eye-veil! Gay bouquet on the hat! Matching extra bouquet gives the same bright color accent to coat, dress, suit! Value $3.50!

COLORS: Black, Navy Blue, Lido Beige *601* or White.
Measure and state color.

78 E 5120—Fits 21¾ to 22¾ in. headsize.
78 E 5121—Fits 22¾ to 23 in. headsize.
Shipping weight, 12 ounces.

Supple Sharkskin straw Body. Same quality cost $3.98 last year! New higher crown; color dotted veiling. An unusual value.

COLORS: Black, Navy Blue, British Tan *608* or White.
Measure and state color.

78 E 5230—Fits 21¾ to 22¾ in.
78 E 5231—Fits 22¾ to 23 in.
Shipping weight, 1 lb.

Violets circle this *new* higher turban of Fine Rayon Crepe. All hand made. $3.50 value. Thrillingly lovely!

COLORS: Lido Beige *601* with Brown flowers; Navy Blue with White; also Solid Lilac *605* or Solid White.
Measure and state color.

78 E 5125—Fits 21¾ to 22¾ in.
78 E 5126—Fits 22¾ to 23 in.
Shipping weight, 9 ounces.

A gay, giddy little fabric doll brightens the crown of this clever felt body hat. Snug fitted back. It's very high grade.

COLORS: Lido Beige *601* with Brown band; also Solid White, Jewel Green *311* or Navy. *Measure and state color.*

78 E 5150—Fits 21½ to 22 in. headsize.
78 E 5151—Fits 22¼ to 22¾ in. headsize.
Shipping weight, 1 pound.

Smart light-weight Sisol, the better quality straw Body. Imported, hand woven in very fine, linen-like texture. Becoming, draped crown is all but covered with flat flowers.

COLORS: Black, Med. Brown *615*, Navy Blue or Silver Gray *806*.
Measure and state color.

78 E 5385—Fits 22¾ to 22¾ in. headsize.
78 E 5386—Fits 23 to 23½ in. headsize.
Shipping weight, 1 pound.

Color numbers refer to Sears Color-Graph facing first index page.

Ⓐ There's a fresh bright sparkle to this hand-woven "pineapple" braid! There's a vivacity to the "lift" and swoop of this brim! There's feminine charm in the gay gardenia and the graceful bow over the bandeau in back.

COLORS: Black, Navy Blue, Brown *614*, or White. *Measure and state color.*

78 E 5065—Fits 22 to 22½ in. headsize.
78 E 5066—Fits 22¾ to 23¼ in. headsize.
Shipping weight, 1 pound. **$1.95**

Ⓑ Summer-weight felt in a stunning wide-brim style that makes you look like a living fashion plate! The same hat ordinarily costs $2.98 in most stores!

COLORS: Lido Beige *601*, Navy Blue, Black or White. *Measure and state color.*

78 E 5155—Fits 21½ to 22 in. headsize.
78 E 5156—Fits 22¾ to 22¾ in. headsize.
Shipping weight, 1 lb. 4 oz. **$1.59**

It's Easy to Measure for Sears Millinery

Draw tape measure straight around head as illustrated. The number of inches around your head is your headsize. Be sure you select a hat listed in *your* headsize. Tape line sent free on request.

TEXACO
CARS WASHED 95¢
GASOLINE
2 10
ABES PLAZA GAS STATION
Phone TA-2-9371

HERE LIES THE HEART

a tale of my life

by

Mercedes de Acosta

THE SATURDAY
EVENI
An I
Founded
May 14,
1932
5c.
Garet Garrett—Clarence B. Kelland—Mary Hastings Bradley

ROERCOMMAN
Bakboord uit
STRIJKS WIL

DELIGHTFULLY BECOMING SILK DRESSES

FOR DESCRIPTIONS SEE OPPOSITE PAGE

SILK POPLIN
58-530
12.50

SILK
CREPE DE CHINE
58-532
10.00

PAILLETTE
SILK
58-531
12.95

SEE PAGE VIII OF INDEX FOR CHART ON HOW TO MEASURE

Peter North

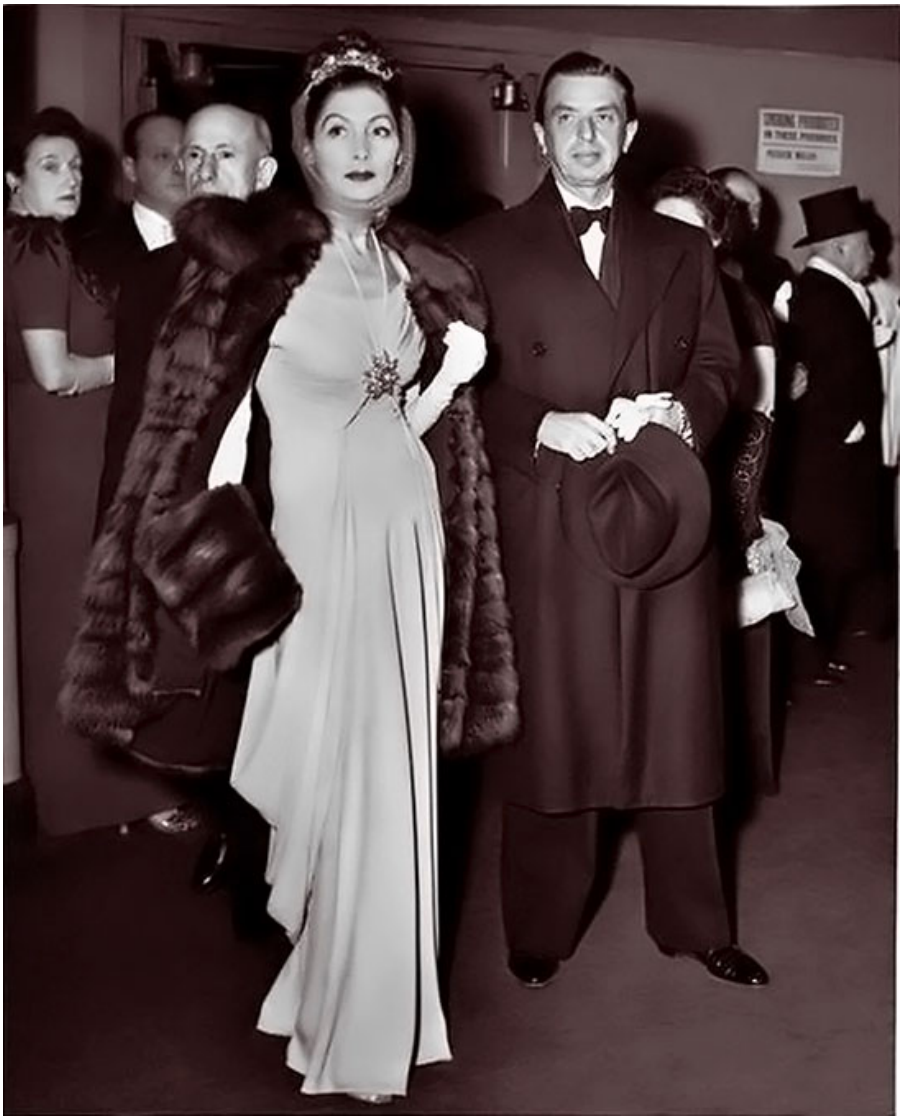
Greta GARBO
RAMON NOVARRO
Temptress of the Secret Service
MATA HARI
WITH
LIONEL BARRYMORE
LEWIS STONE
A
GEORGE FITZMAURICE
PRODUCTION

ANNA KARENINA
FRITT EFTER
LEO TOLSTOYS
ROMAN
GRETA
GARBO
JOHN
GILBERT
REGI: EDMUND GOULDING
OFFICIN:
METRO-
GOLDWYN-
MAYER
ENSAMRÄTT: FILM-A:B. LE MAT-METRO-GOLDWYN

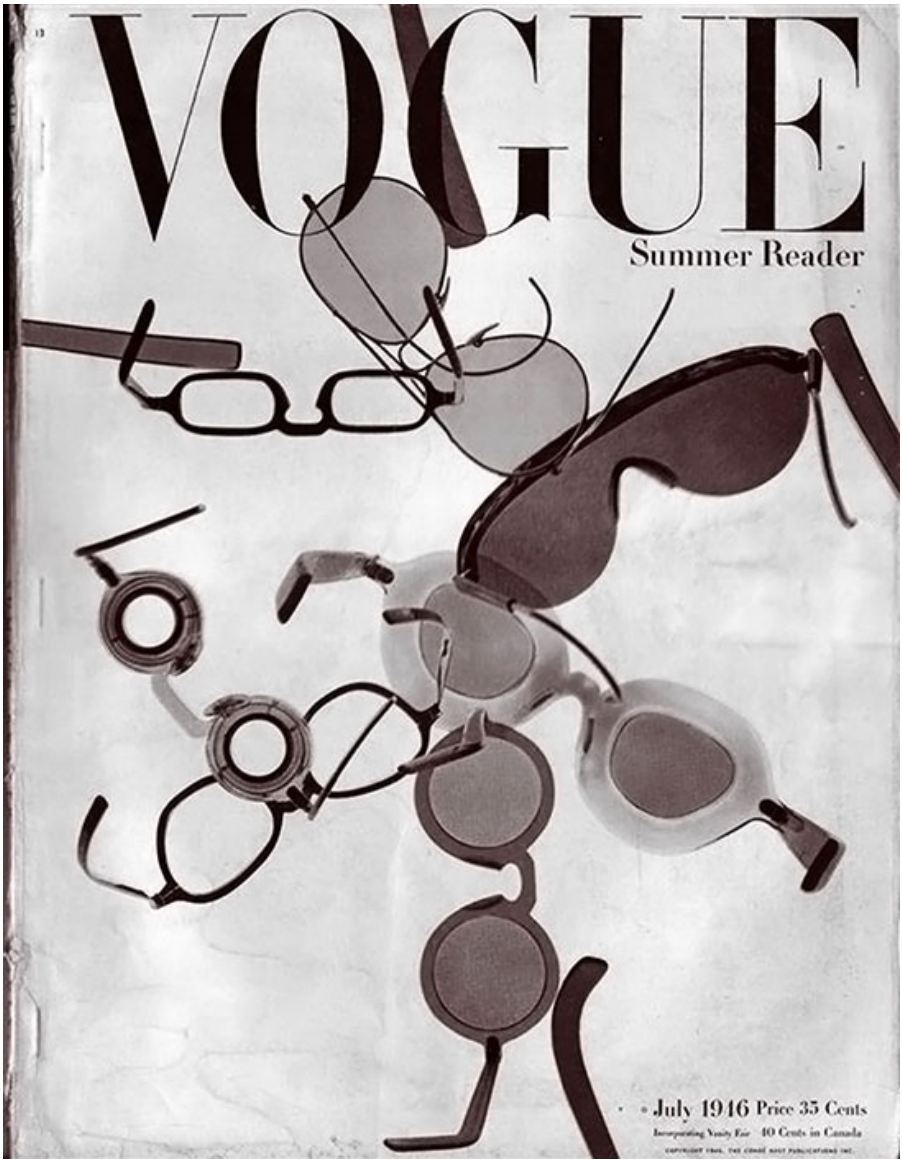
Berger
Greta Garbo

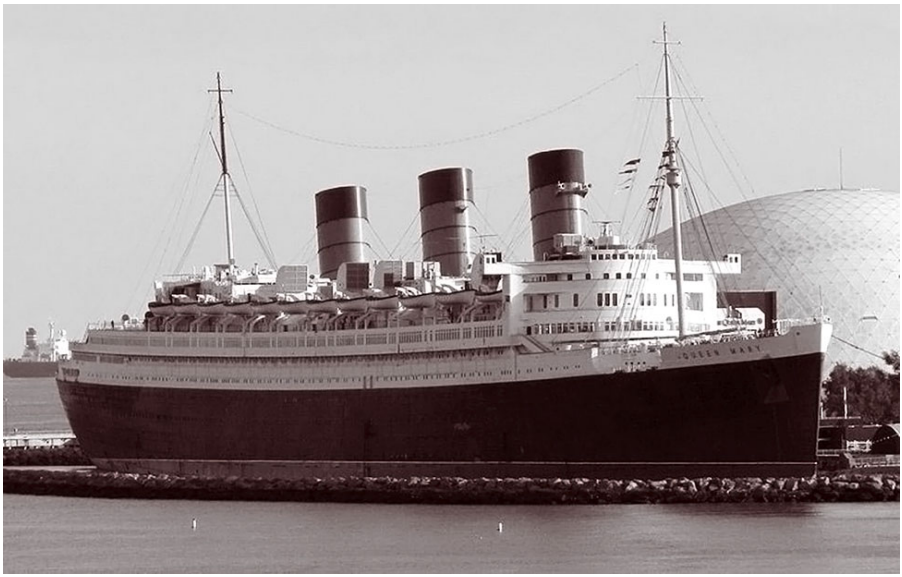
GRETA GARBO

Ninotchka



VALENTINA


VOGUE
Summer Reader
July 1946 Price 35 Cents
Incorporating Vanity Fair 40 Cents in Canada

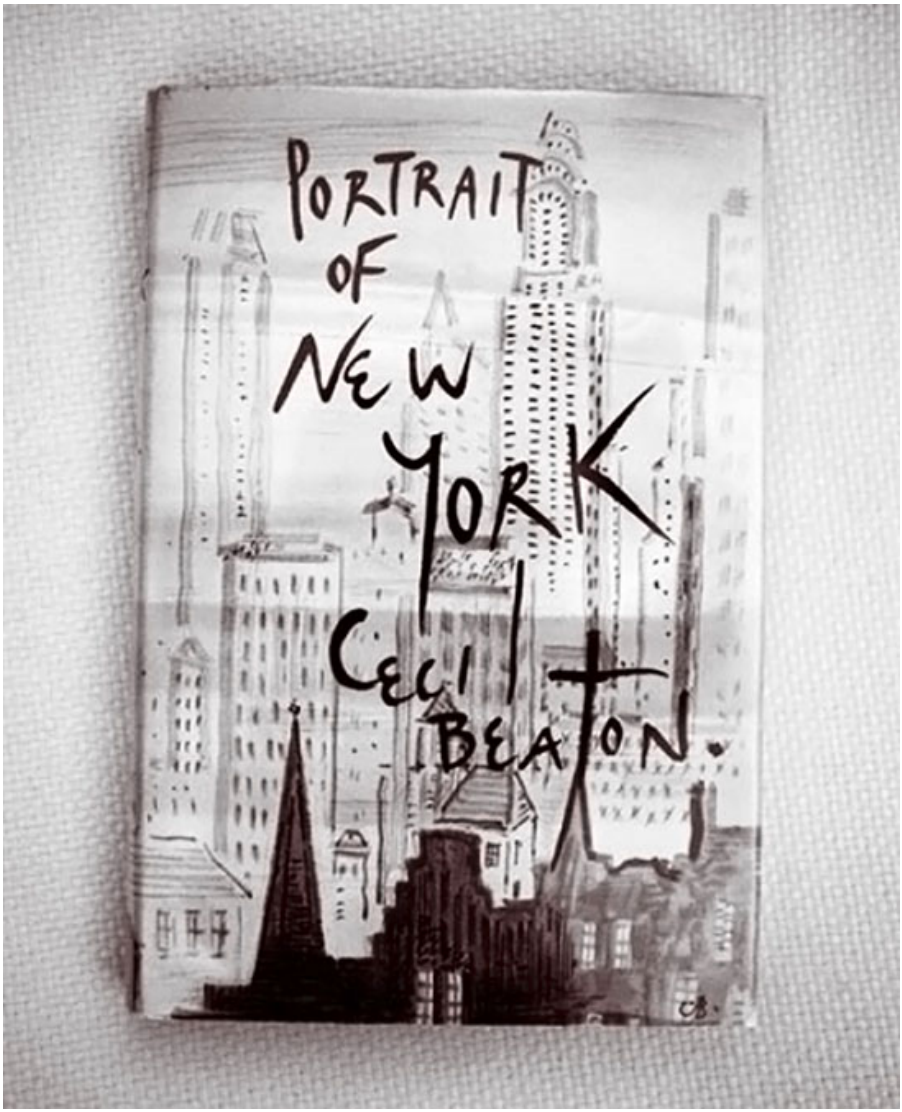


Greta GARBO
MELVYN DOUGLAS
in
TWO-FACED WOMAN
WITH
Constance BENNETT
Roland YOUNG
ROBERT STERLING
RUTH GORDON
ORIGINAL SCREEN PLAY BY S. N. BEHRMAN, SALKA VIERTEL, AND GEORGE OPPENHEIMER
Directed by GEORGE CUKOR
Produced by GOTTFRIED REINHARDT
GO GAY WITH GARBO!
Her first picture since "Ninotchka"
A Metro-Goldwyn-Mayer PICTURE

PEANTERS
PEANUTS
A BAG A DAY
FOR MORE PEP
THE PAUSE THAT REFRESHES
DRINK
COLUMBIA
PICTURES
W.46 ST.
B 591

Ana García

GRETA GARBO
ROBERT TAYLOR in
Die
KAMELIENDAME
REGIE: GEORGE CUKOR
EIN METRO-GOLDWYN-MAYER FILM


PORTRAIT
OF
NEW
YORK
CECIL
BEATON

NEW YORK TIMES
THE NEW YORKER
TIME
WALDORF ASTORIA
BVD
macys
HARLEM
Mayor La Guardia
6 DAYS BICYCLE RACE
MARATHON
SAKS
Colony
Chelly Knickerbocker
TOSCANINI CARNEGIE HALL
Alexander Woollcott
Dorothy Parker
CONDE NAST
Sing Sing
LISTERINE

"The most wonderful Lipstick in the World!"

LANA TURNER
Starring in Metro-Goldwyn-Mayer's
"CASS TIMBERLANE"

3 Glamour Changes for Your Type!

THREE SHADES FOR YOUR TYPE

correct for your coloring . . . correct for your costume

BLONDES	BRUNETTES	BROWNETTES	REDHEADS
CLEAR RED No. 1 BLUE RED No. 1 ROSE RED No. 1	CLEAR RED No. 3 BLUE RED No. 3 ROSE RED No. 3	CLEAR RED No. 2 BLUE RED No. 2 ROSE RED No. 2	CLEAR RED No. 1 BLUE RED No. 1 ROSE RED No. 1

U. S. Patents
No. 2155067
2314963

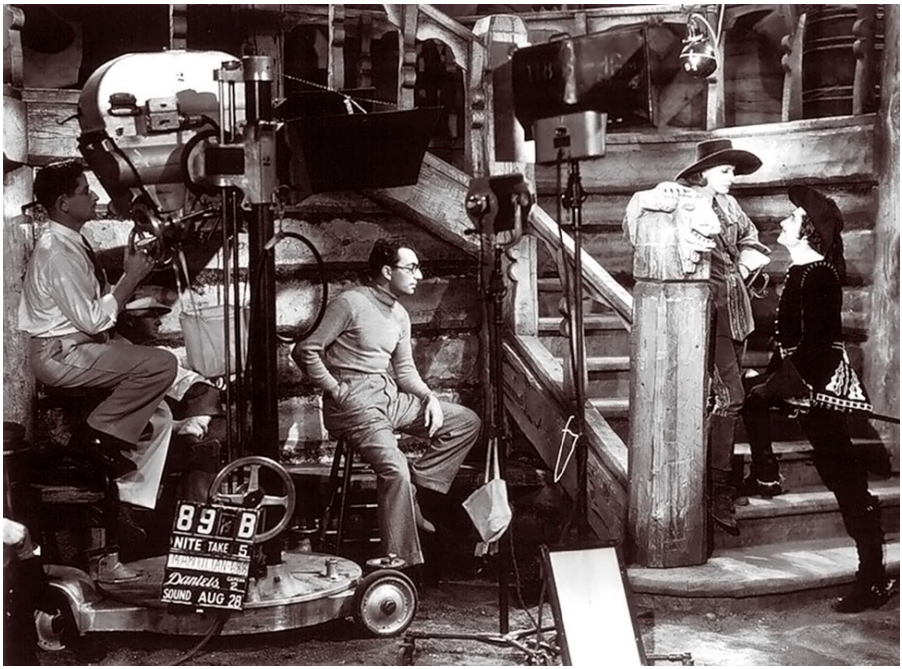
When you buy this sensational new lipstick, you, too, will say: "It's the most wonderful lipstick in the world." Select from the Chart the shades recommended for your color type. Whether blonde, brunette, brownette or redhead, there are three exclusive new reds for your own type of color... 3 glamour changes to match every fashion, every mood. And look for these outstanding features:

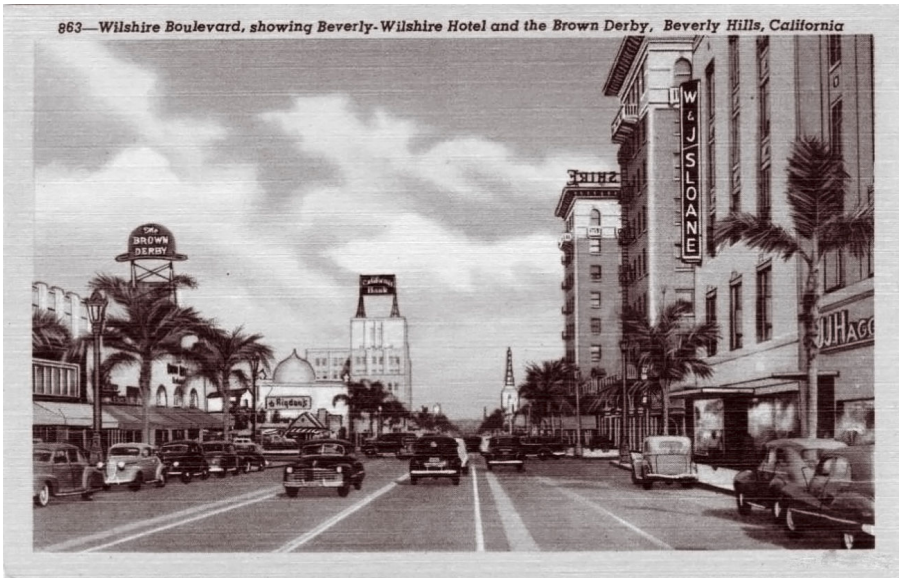
- ★ This sensational new lipstick is oh, so s-m-o-o-t-h
- ★ The color stays on until you take it off
- ★ New original formula does not dry the lips

In a modern-design metal case . . $1.00

Color Harmony Make-Up
PAN-CAKE BRAND MAKE-UP
POWDER • ROUGE • LIPSTICK

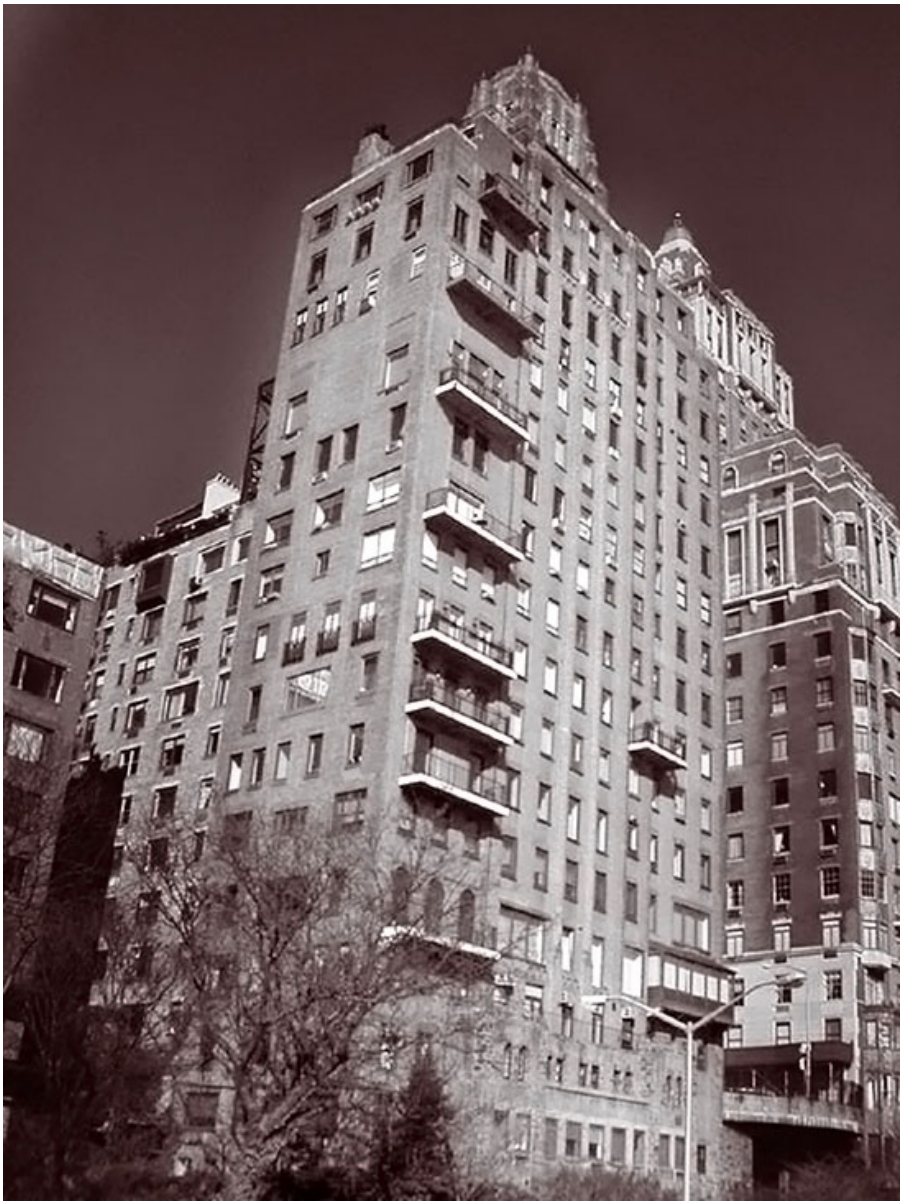
Max Factor • Hollywood

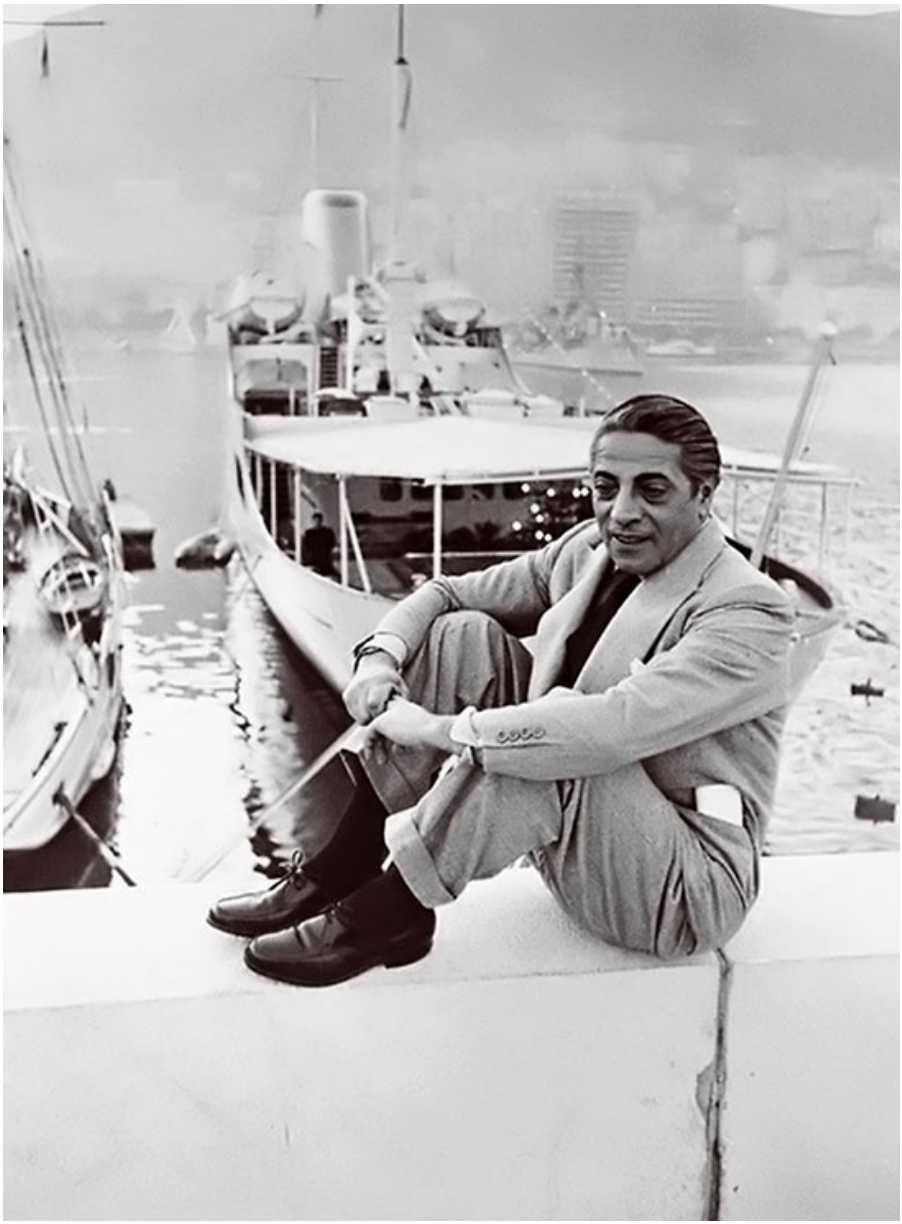

89 B
NITE TAKE 5
Daniels
SOUND AUG 28

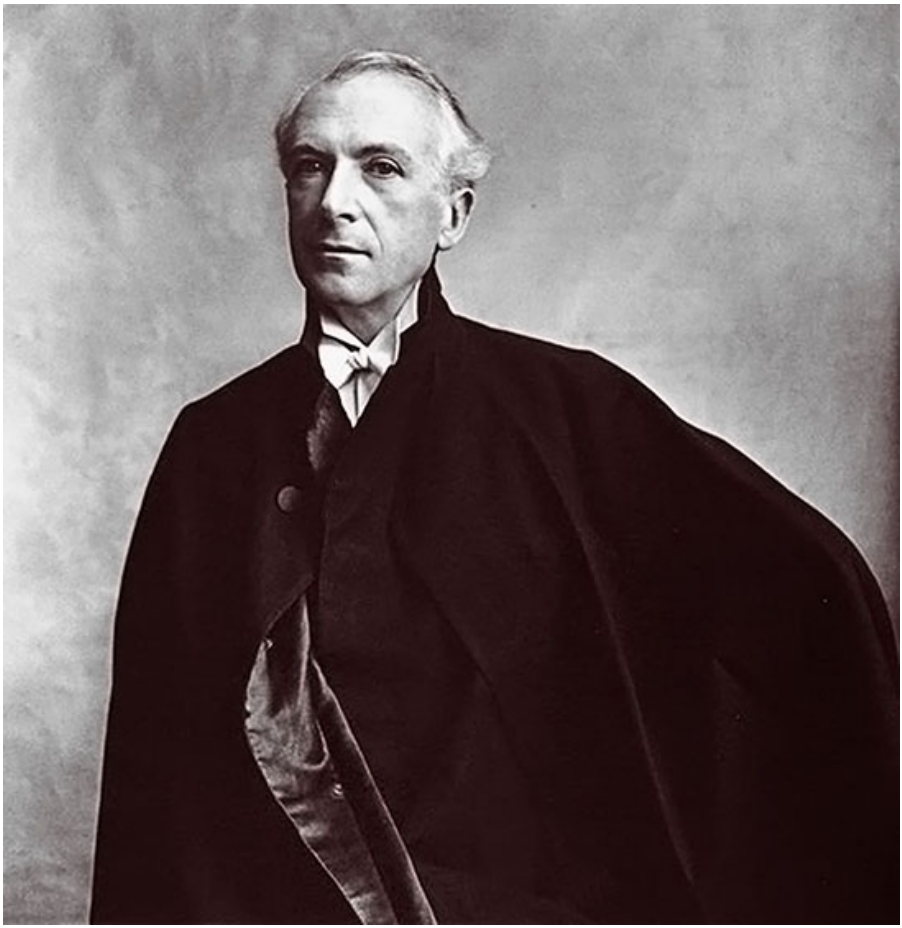

863—Wilshire Boulevard, showing Beverly-Wilshire Hotel and the Brown Derby, Beverly Hills, California
BROWN DERBY
W & J SLOANE

Just friends

Greta Garbo crossing a Stockholm street with George Schlee. He was seen with Garbo for twenty years. They met through Schlee's wife, Valentina, Garbo's dress designer in New York. On the Riviera, in Cap d'Ail, George Schlee bought "le Roc", a spacious and well protected house, which, naturally, has never been called anything besides "Garbo's house". In 1964 George Schlee died. The house and its furniture went to Valentina, but Garbo has spent some time there since then.







TURGENEV

Screen Romances

GRETA GARBO
in "INSPIRATION"

CLARA BOW
in
"No Limit"

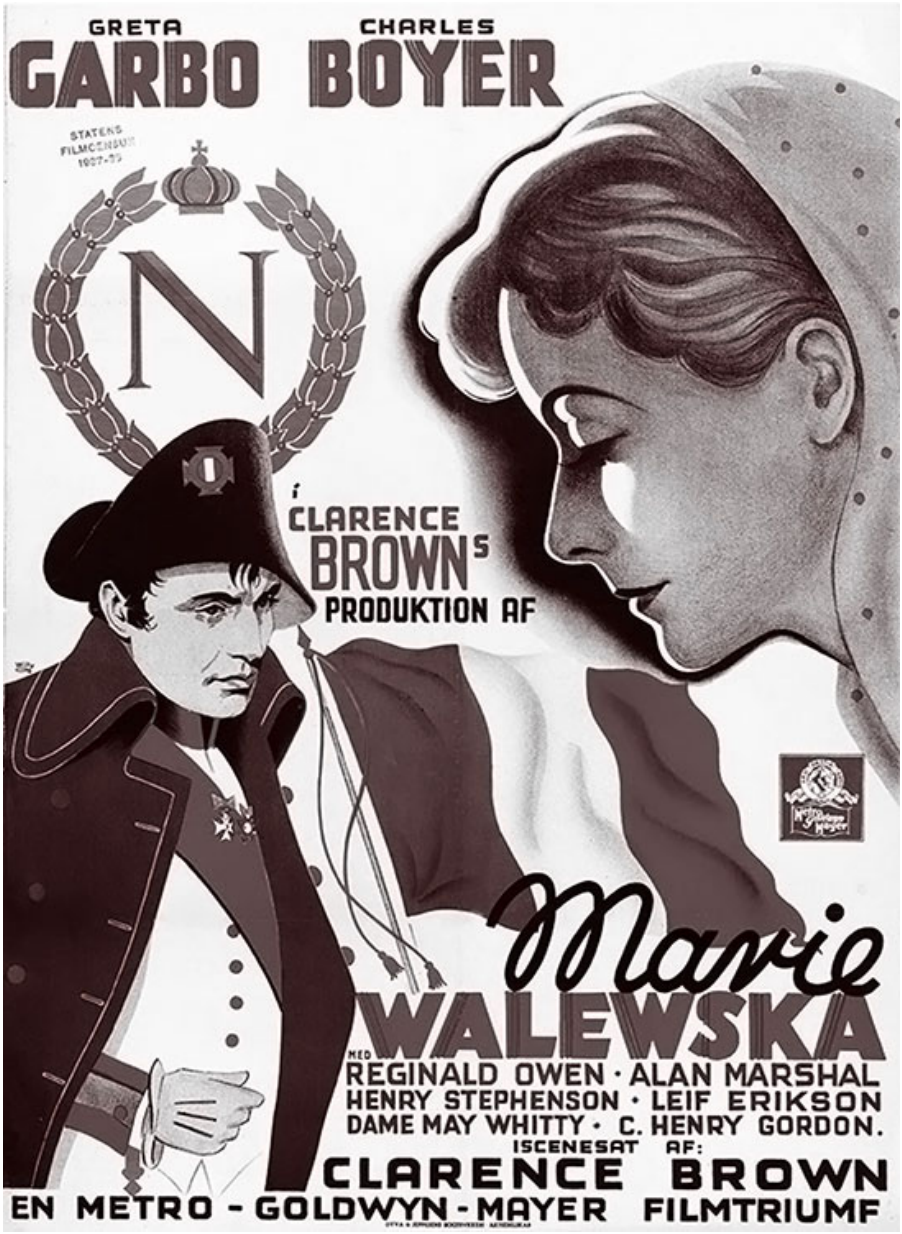
MARCH
25c

Other Complete Stories Feature
MARION DAVIES
JOHN BOLES
BEN LYON
HELEN TWELVETREES
BARBARA STANWYCK
All in this issue

DRUGS
DRUGS

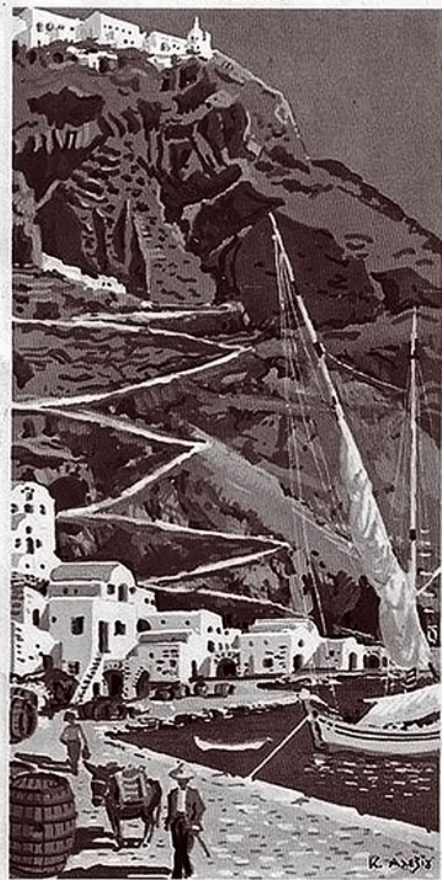
10
KR
SVERIGE
2005
GRETA GARBO
P. NASZARKOWSKI SC.

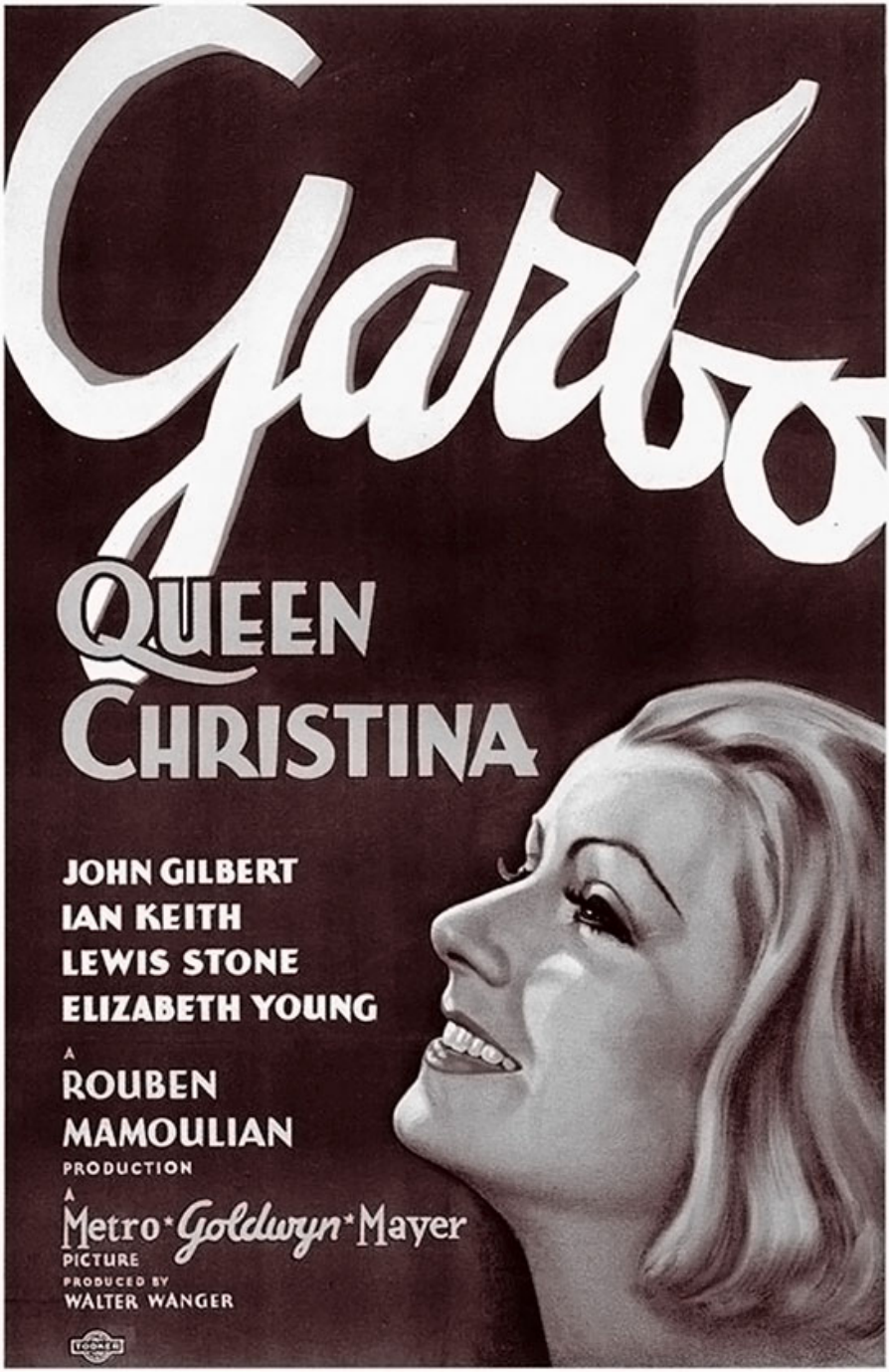
Greta
GARBO
John
BARRYMORE
Joan
CRAWFORD
Wallace
BEERY
Lionel
BARRYMORE
GRAND HOTEL
ACADEMY AWARD® WINNER
BEST PICTURE - 1932
© A.M.P.A.S.

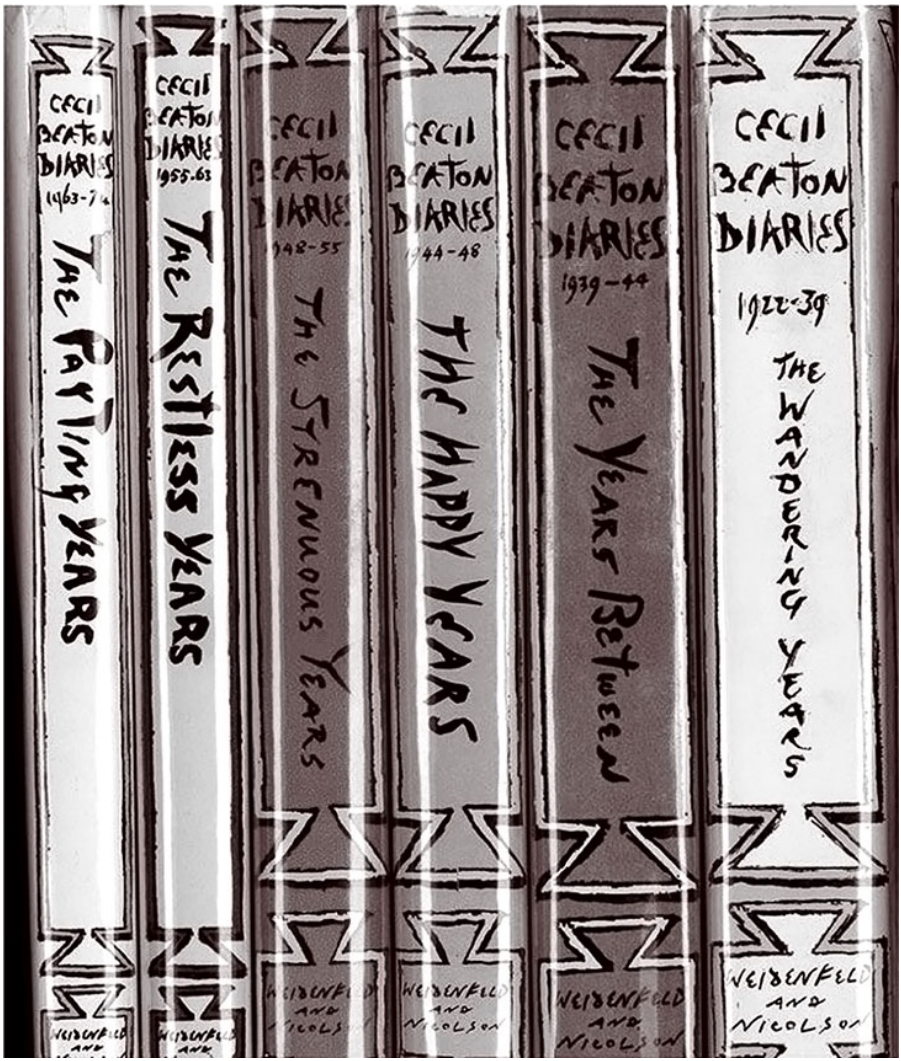

GRETA
GARBO
CHARLES
BOYER
STATENS
FILMCENSUR
1937-75
N
i
CLARENCE
BROWN'S
PRODUKTION AF
Marie
WALEWSKA
MED
REGINALD OWEN · ALAN MARSHAL
HENRY STEPHENSON · LEIF ERIKSON
DAME MAY WHITTY · C. HENRY GORDON.
ISCENESAT AF:
CLARENCE BROWN
EN METRO - GOLDWYN - MAYER FILMTRIUMF

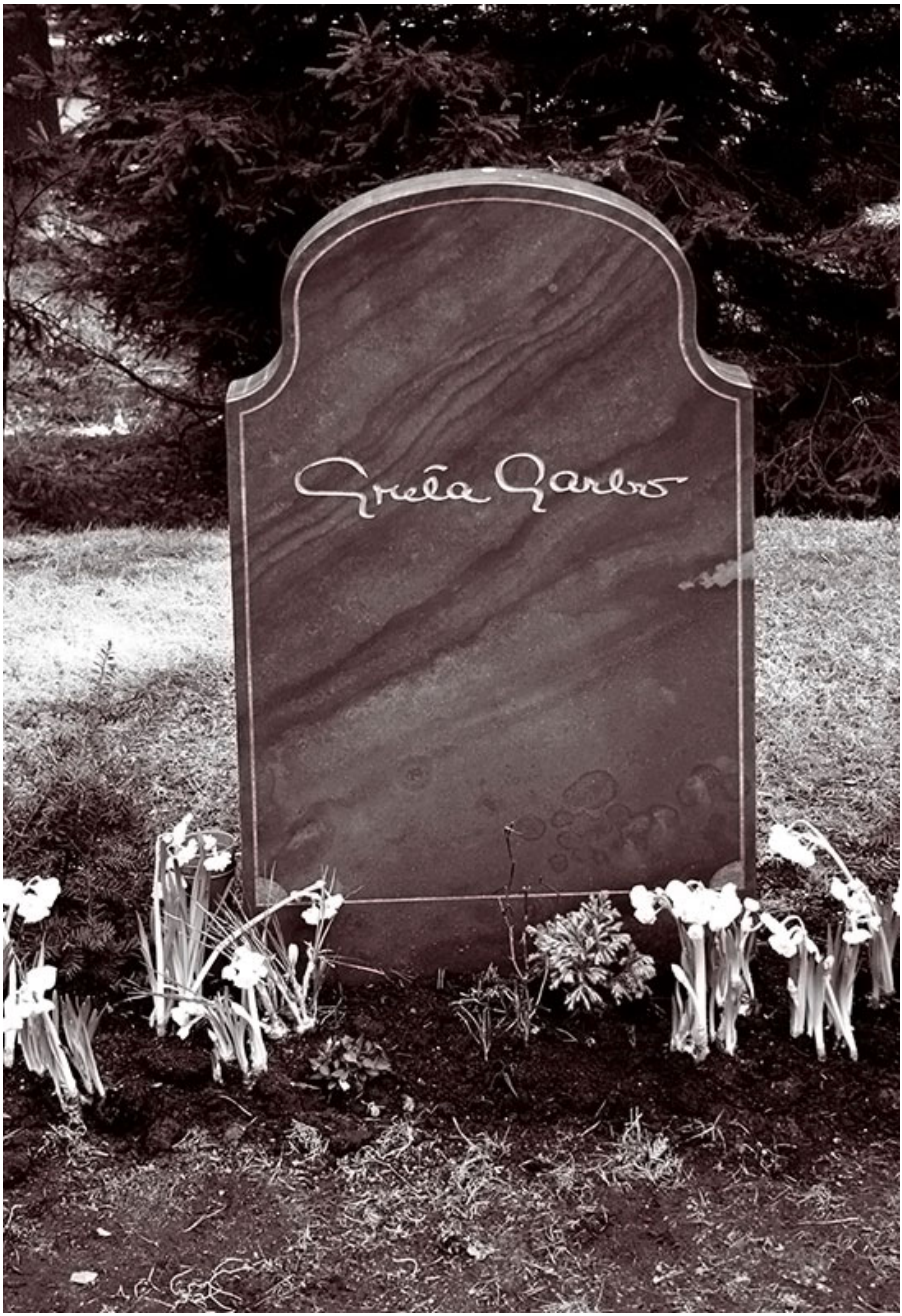
PAROS
GREECE

SANTORINI
GREECE




Garbo
QUEEN
CHRISTINA
JOHN GILBERT
IAN KEITH
LEWIS STONE
ELIZABETH YOUNG
A
ROUBEN
MAMOULIAN
PRODUCTION
A
Metro*Goldwyn*Mayer
PICTURE
PRODUCED BY
WALTER WANGER


CECIL BEATON DIARIES
1922-39
THE WANDERING YEARS
CECIL BEATON DIARIES
1939-44
THE YEARS BETWEEN
CECIL BEATON DIARIES
1944-48
THE HAPPY YEARS
CECIL BEATON DIARIES
1948-55
THE STRENUOUS YEARS
CECIL BEATON DIARIES
1955-63
THE RESTLESS YEARS
CECIL BEATON DIARIES
1963-74
THE FAILING YEARS
WEIDENFELD AND NICOLSON


Greta Garbo